

Алексей

ФОМИЧЕВ

«ОБОРОТЕНЬ»

— ♦ —
Предел
невозможного
— ♦ —

Алексей Сергеевич Фомичев

Предел невозможного

Серия «Оборотень», книга 7

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158337*

*Предел невозможного: АСТ, АСТ Москва, ВКТ; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-047742-5, 978-5-9713-6949-3, 978-5-226-00411-7*

Аннотация

Врата, соединяющие нашу реальность с реальностями иными. Врата, которые однажды случайно отворила компания друзей-студентов. Теперь они с трудом нашли друг друга в лабиринте параллельных миров. Едва выскочив из одной смертельно опасной переделки, они оказывают в новой ловушке – мире, который страшно похож на Землю. Тем труднее в этом мире убивать и выживать, отличать друзей от врагов, правых от виноватых.

Но выхода нет.

Действовать необходимо.

А если предел возможного уже исчерпан – значит земляная предстоит совершить невозможное!

Содержание

Том 1. На круги своя	4
1	6
2	35
3	58
4	75
5	108
6	120
7	150
8	176
9	209
Конец ознакомительного фрагмента.	217

Том 1. На круги своя

*Tercium non datur...*¹

Радиостанция, поставленная в режим сканирования, то и дело откликалась чьими-то короткими рублеными фразами, обрывками слов и приглушенным шипением.

Сквозь шум и треск с трудом пробивались звуки выстрелов, гремевших в нескольких километрах отсюда. К ночи опять кого-то разбирает!.. Гражданская полиция – дружинники, – видимо, рейд устроили, палят без разбору.

Я стоял у занавешенного старыми грязными шторами окна и, откинув в сторону ткань, смотрел на улицу. Пленка, которую мы натянули на деревянную раму, защищала помещение от ветра и холода, но легко пропускала звуки.

Темнело. Солнце медленно падало за крыши уцелевших домов, оставляя город наедине с ночью. Здесь, на окраине, было тихо и безжизненно. Ни огней в окнах, ни шума голов.

Только легонько шелестит листва, скрипит полуоторванная дверь в соседнем подъезде да выводит рулады кузнечик в траве под окном.

Глаза зацепили тусклое пятно на небе. Луна пожаловала. Вот и ночь наступает! Первая ночь в этом мире в гордом оди-

¹ Третьего не дано (лат.).

ночестве. Как романтично!..

Развернувшись, я обвел взглядом свое жилище. В дальнем углу установка ПСД. Табло черное, индикатор не горит. Отдыхает техника. Рядом переносной генератор и калорифер.

В другом углу два лежака, сканер и радиостанция. Рюкзаки, оружие, ведро с водой... Логово. Временное пристанище гостей из иного мира. Ставшее для меня ловушкой.

История повторяется. Опять один, опять застрял в чужом мире. Причина неизвестна, перспективы туманны, шансы на выживание невелики.

Все вернулось на круги своя...

Наше возвращение на Годиан совпало с очередной попыткой Битраи и его специалистов восстановить контакт с Эр-виладом. Но не успели они приступить к эксперименту, как вынырнули мы.

Времени на чувства не было. Мы буквально с порога потребовали немедленно начать операцию по блокировке Эр-вилада. И сами возглавили группу техников.

Операция прошла быстро. Подняли в воздух цуфагеры и перебросили технику и людей в заранее выбранные места. А потом так же быстро исчезли. Из-за спешки, конечно, засветились перед аборигенами, но на это уже не обращали внимания. Легендой больше, легендой меньше... Были лешие, водяные, гарпии, теперь будут и летающие чудовища.

Позже, когда немного пришли в себя и отдохнули, поведали о событиях последних четырех дней. Подробности опустили, а вот самое главное – колония коуортахетян, их техника и иные данные – изложили более подробно. Харким представил трофейную документацию, которая повергла Битраю и его коллег в легкий шок.

Как он потом сказал – коуортахетяне, образно говоря, сделали бомбу, чтобы забивать ею гвозди. И в какой-то момент она рванула. Их невробан – смесь пространственного «кори-

дора» с элементами «контура» – вообще на грани невозможного.

– Будем разбираться, – вздохнул Битрая. – Чтобы иметь «противоядие» на тот случай, если с Коуртахета ушла не одна, а несколько групп. И в разные миры.

– Это верно. Не хочется больше зависеть в каком-то мире из-за подобных игрушек.

Битрая молча кивнул. Еще одна загадка. Еще одна головная боль. И времени на разгадку очень мало.

Пока мы гуляли по Эрвиладу, Марк с Толиком и Гомешем успели проверить и заблокировать еще два мира. Но датлайскую разведку не обнаружили. И две поисковые группы Эгенворта не вышли на их след. Зато одна из них нарвалась на колонию Анкивара. Была короткая стычка, стоившая жизни одному из бойцов группы прикрытия. Еще одного серьезно ранили. Раненого Новистра обещал поставить на ноги. Но вот гибель бойца...

Эта была первая серьезная сшибка с противником, принесшая потери. Понятно, что настроение у всех далеко не праздничное. Эгенворт даже отменил на три дня все выходы. Чтобы люди пришли в себя.

Мы не возражали. Нельзя пускать на дело бойцов, у которых еще не прошел шок от первого настоящего боя. А сами уже готовились к новым выходам.

– Сутки отдыха, и мы снова в строю, – сказал я. – Даже и

суток не надо. Выспимся, поедим – и вперед.

– Нельзя так сразу, – возразил Новистра. – Надо восстановить силы, отдохнуть.

– Суток хватит. С избытком. Невед, ты как?

Инженер кивнул.

– Всегда готов.

– Вот видите, профессор, какой молодец! Мы его так и в пионеры примем! За успехи и усердие.

Новистра только руками развел. Наша энергия и целенаправленность его поражали...

За последние недели кантон полностью перешел на особое положение. Отложив в сторону планы развития города и промышленности, совет вплотную занялся созданием вооруженных сил и обеспечением обороны планеты.

Подземные автоматизированные заводы теперь выпускали оружие и военную технику. Новобранцы проходили ускоренные курсы подготовки, осваивали вооружение, отрабатывали тактические приемы. И хотя «под ружье» вставляли немногим более полутора сотен человек, это не выглядело несерьезно и натянуто. Кантон хотел жить в мире и спокойствии. И готов был защищать себя и свои земли изо всех сил.

Успехи новоявленного ВПК² мы оценили по достоинству. Но с долей скептицизма. Сумей кто-либо из противобор-

² Военно-промышленный комплекс.

ствующих сторон обнаружить Годиан и высадить здесь хотя бы передовой отряд – дни города сочтены. В лучшем случае кантон исчезнет в пламени и дыму разрывов, прихватив с собой как можно больше захватчиков. В худшем – исчезнет вся планета. Ни Анкивар, ни другие не остановятся перед уничтожением Годиана, чтобы выжечь очаг смертельной угрозы.

Единственным реально возможным вариантом для кантона является завершение блокировки сектора. Чтобы никто никогда ни одной ногой...

От благополучия Годиана напрямую зависит и наше будущее. Так что мы, немного передохнув, готовились к новой операции. Вся эта суeta и беготня по мирам изрядно надоели, и мы спешили закончить дело как можно быстрее. Чтобы потом спокойно жить-поживать. И добра наживать. Вернее – преумножать...

– Вы можете выделить четырех человек для работы с нами? – спросили мы Эгенворта.

– Вполне. А зачем?

– Чтобы в случае очередного зависания в каком-либо мире – тьфу, тьфу! – было какое-то прикрытие. Все же втроем бродить по чужим просторам тяжело. А так и стволов больше, и есть кому ночью дежурить. И при необходимости группа может разделиться на две части.

Эгенворт обеспокоенно посмотрел на нас.

– Вы думаете, это может повториться?

– Не думаем. Но учитываем. Чем дальше, тем больше проблем в других мирах. Не важно, с чем они связаны, важно, чтобы мы на них вовремя и правильно реагировали.

– Да, конечно. Командор Оскольт лично подберет бойцов. Парни рвутся в бой.

– Мстить за убитого?

– Д-да... Я все понимаю, – невольно вздохнул Эгенворт. – Сам воевал, помню, каково это – первый раз терять товарищей... Поэтому и не осуждаю их. Так всегда, добрые намерения уступают место примитивной ненависти, когда речь идет о том, чтобы ответить за своих.

– Ничего. У них еще будет случай отомстить. Миров еще много, войны идут везде... кто-нибудь да попадется...

– Да, отведут душу, – согласился я с Марком. – Главное – пролить кровь, а чью – не важно.

Эгенворт недоверчиво покосился на меня, думая, что это шутка. Но я говорил серьезно. Так оно зачастую и бывает – мстишь не тем, кто убил, а тем, кто в этот момент по ту сторону фронта. Отправишь несколько человек к праотцам, и легче на душе. И перед погибшим вроде как не стыдно...

Через час Оскольт лично привел четырех человек. Старший группы прикрытия Ламист Бутурмен и его бойцы. Бутурмен как раз и был в той группе, что налетела на анкиварцев. Он, конечно, держался, но в глазах такая злость и страдание, что не увидеть невозможно. Наглядное подтвержде-

ние старой истины.

– Задача ясна? – спросил Марк.

– Да.

– Готовы?

– Да.

– Выступаем через три часа. Сбор на станции. Кто с кем идет, решим там.

– Ясно.

Вот с кем легко в общении! Люди военные, привыкли к конкретике и четкости приказов.

– Ну что, используем старый способ выбора места? – спросил Харким, глядя на карту второго сектора. – На-апри-мер-р...

– Э, э! – воскликнул Антон. – Хватит с тебя! Ты уже на-выбирался! Моя очередь.

Харким виновато развел руками: мол, разве ж я хотел?.. Антон встал у карты, оценивающе посмотрел на нее, водя пальцем у экрана. Потом решительно ткнул в точку.

– Второе пространство, десятое сопряжение, первый рас-ход. Во!

Я равнодушно кивнул. Во так во... Глянул на Бутурмена и его напарника.

– Готовы?

– Готовы.

– Попрыгали.

– Что?

– Так... традиция...

Старший техник, готовивший установку к переходу, дал отмашку.

– Можно.

– Отлично. Вперед, господа!

«Контур» любезно перебросил нас в новый мир, выбрав на этот раз точкой выхода центр заброшенного курятника. Небольшое строение, непонятно как удерживающее вертикальное положение. Крайняя степень гниения досок, опорные бревна аж зеленые от выросшего мха, над головой дырявое покрытие. Насесты, исцарапанные многими поколениями пернатых, под ногами месиво из куриного дерьма, земли и опилок.

– У тебя талант переносить нас в самые живописные места на планете, – проворчал Антон Харкиму, выдирая ноги из земли.

Амбре в курятнике было такое, что мы дышали через раз. Вдобавок здесь явно недавно прошел дождь, размочив густое месиво. Так что каждый шаг давался с трудом. Однако курятник курятником, а дело делать надо.

– Ламист, вы на страже. Невед, пока ничего не распаковывай, держи установку в готовности. Антон.

– Уже иду, – проворчал тот, подходя к двери.

Дверь тоже выглядела не лучшим образом. Шесть досок

с дырами и выщербинами.

Мы прильнули к щелям.

Одного взгляда хватило, чтобы понять — это брошенная деревня. Одноэтажные дома с заколоченными окнами и дверьми, заросшие лопухами и крапивой палисадники, исчезнувшие под сорняками огороды, ветхие заборы...

— Антон?

— Чисто.

— Чисто. Выходим.

Осторожно отставив дверь в сторону, вышли на улицу, держа оружие наперевес. Взгляд по сторонам, вверх, опять по сторонам.

— Куда-куда вы удалились?.. — пропел Антон. — Тишина.

— Осмотрим соседний дом. Если пусто — переходим туда.

Соседний дом — деревянное строение с треугольной крышей, просторной верандой и тремя комнатами. Жилая комната, большая кухня, как это принято в деревне, с огромной печью и еще одна комнатуха — что-то вроде спальни. Мебель — кровать, два старомодных шкафа, столы, стулья, табуретки. Краска потускнела, лак сошел, видны пятна. Веранда когда-то была застеклена. Теперь осколки стекла валяются под ногами вперемешку с опилками и мусором.

— Двадцатый век как минимум, — констатировал Антон. — На крыше стойка с оборванными проводами, в комнате две розетки и два выключателя. Проводка на стене...

— И радио, — показал я на валявшийся в углу корпус

небольшого переносного радиоприемника.

Пластмасса разбита, торчит расколотая диодная лампа, на ребре корпуса наполовину отколотая эмблема.

– Зови наших, а я пока осмотрюсь.

Антон кивнул и исчез во дворе, а я вышел на крыльцо и поднял бинокль. Повел им из стороны в сторону.

Деревня небольшая, дворов на пятьдесят. Часть домов сожжена, часть заколочена. Некоторые, как и «наш», брошены открытыми. Над большинством поваленные или погнутые антенны. Вдоль домов столбы электропередач. Провода порваны, лежат на земле. Всего одна улица, вдоль нее грунтовая дорога, за дорогой луг, за лугом узенькая речушка. Видны остатки деревянного моста. Три колонки, столько же колодцев.

Множество плодовых деревьев. Судя по листве и спелым плодам, здесь конец лета – начало осени. Тепло, не меньше двадцати по Цельсию.

Почему отсюда ушли люди?..

Антон привел группу. Харким сразу же начал готовить аппаратуру. Мы с Антоном ему помогали. Бутурмен посадил напарника у окна, а сам пошел на веранду. Их дело – следить за обстановкой.

Включив и протестировав аппаратуру, инженер приступил к сканированию. Антон вышел на веранду, а я остался рядом с инженером, наблюдая за работой. Как-никак тоже

инженер и тоже имел дело с техникой. Правда, моя техника по сравнению с этой – вчерашний день. Даже позавчерашний.

Через десять минут Харким выдал первые результаты.

– Присутствие датлайцев подтверждаю. Они разбросаны по разным континентам планеты группами по три и четыре человека. Всего двадцать разведчиков. Установку не фиксирую. Видимо, отключена и замаскирована.

– Они сидят на месте?

– Сейчас да... Нет, одна группа едет. Скорость – шестьдесят километров в час. Автобус или машина... Дальше. Уровень развития – двадцатый век, вторая половина. Множество источников радиоизлучения, работают радиостанции, теле-студии. Около полусотни спутников на низкой орбите. Одна орбитальная станция. Я записываю некоторые передачи для анализа. Да, еще. Множество языковых групп. Дешифровка займет некоторое время, но я сразу отмечу три основных. Русский, английский и китайский.

Харким посмотрел на меня и как-то обреченно вздохнул.

– Мы на очередном двойнике вашего мира, Артур.

– Понял. И ничего другого не ожидал. Второй сектор состоит из миров, близких по структуре и развитию к Земле. По крайней мере некоторая часть.

– Полный отчет будет готов через час.

– Работай.

Я вышел из комнаты и направился на веранду. Здесь си-

дели Антон и Бутурмен. Оба рассматривали окрестности в бинокли.

– Хватит зрение портить, – хлопнул я Антона по плечу. – Пойдем прогуляемся. Невед еще час будет работать.

– Что у него? Датлайцы здесь?

– Здесь. Двадцать человек.

Бутурмен опустил бинокль и присвистнул.

– Ого! Как минимум две группы.

– Вот именно. Разбросаны по материкам. Наверное, собирают информацию. Установка спрятана, сканер ее не берет. Ламист, вы сидите здесь, а мы посмотрим, что за деревней.

– Не опасно?

– Жить вообще опасно, – дернул я уголок губ. – Мы недалеко. И все время на связи. Кстати, связью можно пользоваться спокойно. Мы на планете – близнеце нашей Земли. Так что на нас никто внимания не обратит.

– Что, опять? – изумился Антон. – Сколько же в этом секторе таких миров?!

– Уже четвертый. Пошли.

– Сначала о планете. Чтобы было проще воспринимать, я проецирую этот мир на вашу Землю. Так вот географические различия – пятнадцать процентов. Климатические и прочие условия – идентичны. Политические... Вот здесь всё, что мне удалось получить, копируя данные телепередач, радиопередач и телетайпных лент информационных агентств.

Харким хлопнул ладонью по стопке бумаги, на которой принтер отпечатал краткую сводку.

– Потом почитаете. Дальше. Единой компьютерной сети всемирного масштаба нет. Есть ее слабое подобие – международная информационная сеть. Северный материк западного полушария и запад Евразии. Поэтому сбор сведений несколько затруднен. Обобщая полученные данные, могу сказать, что мы попали в идентичный Земле мир. Наше местонахождение – пятьдесят пять градусов северной широты, семьдесят восемь градусов восточной долготы. Неподалеку город... Уренгой.

– Что? – изумился Антон. – Уренгой? Но наш Уренгой находится несколько восточнее и гораздо севернее. На уровне шестидесяти пятой – семидесятой широты...

Харким пожал плечами и показал распечатанную на принтере карту. Мы склонились над ней и почти одновременно присвистнули.

– Вот это выкрутас! – ахнул Антон. – Ничего себе – пятнадцать процентов расхождения! Да это совершенно другой материк!

– Что есть, – ответил Харким.

Я озадаченно тер затылок. Интересная картина. Местная Евразия действительно похожа на нашу. Только у местной полностью отсутствует северная часть. Словно кто-то взял и отрезал кромку шириной от ста до трехсот километров. И оттащил отрезанное километров на сто к северу. Ушли почти

вся Скандинавия, Карельский полуостров, Ямал, Таймыр и дальше до реки Колыма. Между этим... обрезком и материком – широкий пролив с теплым течением. Нечто вроде Гольфстрима. Течение согревает север материка и весь «обрезок». Соответственно изменены и климатические пояса.

– Весело... – протянул Антон. – Вот уж им повезло! Жара и пальмы на севере...

– Дальше, – невозмутимо продолжил Харким. – Уровень технического развития только немного уступает уровню вашей Земли. Что сильно затрудняет нашу работу. И полностью исключает использование ударных групп и вариантов быстрого силового захвата равитанцев по примеру намечаемых операций в колониях Равитана и Анкивара.

– Насчет исключения я не был бы так категоричен, – вставил Бутурмен. – Быстро выскочить в точку, ударить, захватить и исчезнуть.

– Невед прав, – сказал Антон. – Все эти – наскочить, ударить – могут не пройти, если датлайцы сидят в каком-нибудь крупном городе. Или неподалеку от военной базы. Даже если мы сумеем захватить одну-две группы, остальные будут настороже. А мы сильно засветимся перед местными. Это не рыцари без страха и упрека, не романтически настроенные мушкетеры. Тут реакция будет одна – жесткий ответ.

– Разведка Датлая работает на материках – Евразия, Южная Америка, Северная Америка. Небольшие группы по три-четыре человека. Судя по всему, они внедрились в местную

жизнь и имеют соответствующую маскировку. Так что вариант расположения поблизости от местных вооруженных формирований не исключен, – поддержал я Антона. – Тут с наскока не взять.

– И что будем делать? – спросил Бутурмен.

– Подумаем. Невед, есть что-то еще интересное?

– Ничего. В целом мир довольно обычен. На уровне среднего. Стандартный, я бы сказал.

«Стандарт, стандарт... Один сплошной стандарт, – думал я, разглядывая лежащую на столе карту. – На стандартной до тошноты Земле-1 я сначала влип в бандитские разборки, а потом почти два года разгребал дерьмо в Зоне. На более чем стандартной Земле-3 мы с разбегу влетели в противостояние моего двойника с байкерами и буквально в последний момент ухватили разведгруппу Равитана за хвост. Ну а на вовсе уж прозаическом Логошете угодили в самый стандартный плен. И рисковали своими головами на чужой войне. Куда уж стандартнее!.. Еще неизвестно, что ждет на четвертой по счету Земле. Ясно одно – легкой прогулки в стиле Шеврота и Кламиго не будет... Отыскать бы этих датлайцев поскорее. Определить место...»

Взгляд вычленил вытянутый контур Южной Америки. Глаза отыскивали точку посреди зеленой массы, углубились...

Я словно наяву увидел верхушки деревьев с высоты птичьего полета. Потом проник дальше, отметил коробки домов, отгороженный периметр какой-то военной или поли-

цейской части, затормозивший около дома джип, пыль на дороге и маленькие фигурки людей. Почти различил черты лиц, сделал еще одно усилие и...

Что-то толкнуло меня сбоку, отбросило в сторону, да так, что я слетел с края стола, на котором сидел. Едва не упал, успел выставить руку и удержать равновесие. Встав на ноги, недоуменно вскинул голову и увидел перед собой Антона.

– Черт! Черт! Блин, больно как! – прыгал тот, потрясая правой рукой. – Артур, епона мать! Ты совсем сбрендил?

– В смысле? Что произошло?

– Что? – Антон подул на кулак. – Ничего особенного. Ты окаменел!

Я посмотрел на Антона, покосился на Харкима и бойцов. Лица у всех вытянутые, в глазах изумление пополам со страхом.

– Как окаменел?

– Просто. Стал как камень! Невед, где аптечка? Я об этого чурбана руку разбил.

– Белый кейс в бауле. На кухне.

Антон исчез за дверью.

– Что, собственно, произошло? – спросил я Харкима.

Тот пожал плечами, продолжая разглядывать меня как ди-ковинку.

– Ты сидел, смотрел на карту. Антон тебя окликнул, а ты – ноль внимания. Он тебя еще раз окликнул. Потом толкнул в плечо. А ты не двигаешься. Совсем! Он ударил сильнее.

Сказал, что ты горячий и тяжелый. Мы испугались... Думали, будет как в тот раз в лесу...

– Помню, продолжай.

– Антон начал орать, я тоже. Ты сидишь. Не дышишь. Ну, тогда он и...

– Что?

– Врезал кулаком в челюсть.

– Фирменный хук, – подтвердил Бутурмен. – С подворотом. Я думал, у тебя голова отлетит. А ты только слегка качнулся, а потом стал падать. А Антон руку отбил.

– Во черт!

Я потерял челюсть. Щелкнул зубами. Никаких болевых ощущений. Вот еще один пример стандарта. Стандартный фокус мутации. Окаменел. Тело утратило подвижность, потяжелело, а кожа получила прочность камня. А может, и металла. Но дело не в этом. А в том, что я практически вживую увидел датлайских разведчиков. Ведь в том поселке явно были они. Значит, мой мозг способен на такое?..

Антон вернулся с небольшим баллончиком в руках. В нем была специальная пена. Она служила одновременно заморозкой, анестезией, а также почти мгновенно снимала опухоль и подкожное кровоизлияние. Белая масса залепила правый кулак. Антон старательно обрабатывал кисть, нажимая на пульверизатор.

– Не болит?

– Уже прошло. Я-то тебе не сильно зарядил?

– Вообще не почувствовал.

– Ну ты даешь! Предупреждай в следующий раз, когда будешь проверять свои способности.

– Да я, собственно, и не собирался. Так... ушел в себя.

– Поаккуратнее уходи. Ладно. Что будем делать?

Я вздохнул и покачал головой. Меня бы кто предупреждал о таких фокусах...

– Что делать? Невед, какая группа датлайцев ближе всего к нам?

Тот посмотрел на сканер, вычисляя расстояние. И уверенно ответил:

– Строго на юг – трое. До них две тысячи шестьсот километров. Еще южнее на семьсот километров – четверо. Относительно них на юго-восток в трех тысячах – еще трое.

– Ясно. Делаем так. Знакомимся с твоими изысканиями, определяем район работ и переходим туда. Вопрос. Ты сможешь поставить на сканирование все источники радиоизлучения в радиусе хотя бы двух тысяч километров?

– Это как – все?

– Все! Радиостанции, телестанции, частные радиопередатчики вплоть до мобильных телефонов.

– Ну-у... Сложно, но можно. Только мне нужна кое-какая аппаратура.

– Без проблем. Пока мы будем здесь, вернись на Годиан и возьми все, что нужно.

– А зачем?

– Я хочу, чтобы ты попробовал зафиксировать переговоры датлайцев в эфире. Они наверняка держат связь между группами.

– И как мы их узнаем? – спросил Антон.

– Забыл, как устроена прослушка телефонов? Введем кодовые слова, типа: ПСД, установка, Датлай, Равитан... можно звания и должности. Как только датлайцы произнесут эти слова, мы засечем их технику и определим рабочие частоты. Тогда будем в курсе их планов.

– Здорово, – сказал Харким. – Я об этом не подумал.

– Двигай. И не задерживайся надолго.

– Сделаю...

Он пошел в комнату, где была развернута установка. Я проводил его взглядом, взял со стола первый лист бумаги и начал читать. Бутурмен с напарником вновь заняли позиции у окон, а Антон сел за компьютер.

Работа на Земле-4 началась...

«Видимо, здесь не пройдет вариант быстрого захвата. Даже как на Земле-3, – прикидывал я, читая сводку Харкима, а потом просматривая скачанные из различных источников данные по планете и разным странам. – Как минимум – неделя работы. А ведь есть еще второй мир, где действуют датлайцы. Возможно, придется делить и без того скудные силы. Допустим, я действую здесь, Антон – там. Может, ему повезет больше. Вдруг там менее развитая цивилизация? В лю-

бом случае сидеть здесь все не станем...»

Я вспомнил недавнее «окаменение» и представил, как было бы здорово отыскать с помощью этого фокуса датлайцев. Не определить приблизительно местонахождение, как показывает сканер, а вот так – вживую, визуально. Лишь бы не окаменеть по-настоящему...

Немного поколебавшись, решил поэкспериментировать и воспроизвести то странное состояние. Попробовал настроить ход мыслей на тот же лад, думать о том же, что и тогда. Закрывал глаза и смотрел на карту...

Без толку. Наверное, этот фокус – явление спонтанное, случайное. Включить по желанию невозможно. Пока невозможно. Недостаточно мутации...

Последняя мысль вызвала ироничную ухмылку. Выбросив из головы эту идею, невольно вздохнул и стал анализировать прочитанное.

Итак. Земля-4. Копия моей планеты с некоторыми изменениями. Страна, в которую мы угодили, – видоизмененный вариант России. Со своими местными особенностями. Весьма своеобразными.

Русиния. Государство, занимающее большую часть материка. Границы территорий почти совпадают с границами СССР. Ключевая точка расхождения истории – 1917 год. Февральская революция, отречение царя, Временное правительство... А вот Октябрьской революции не было. Больше-

вики взять власть не смогли.

Дальше. Вторая мировая война с тридцать девятого года. В сорок первом Германия наносит удар по... Британии. А Япония по САС – Североамериканскому Союзу. Это так здесь называют США. Русиния держит нейтралитет. Британия за счет своего географического положения до поры отражает нападения Германии. Однако ситуация не в их пользу. Германия готовит мощный десант при поддержке флота и авиации. Когда операция вступает в решающую фазу, Русиния наносит удар в тыл Германии. Такой шаг – следствие тайного сговора с Британией и САС.

Не выдержав войны на два фронта, через год Германия капитулирует. И выплачивает огромную контрибуцию, большую часть которой забирает Русиния.

Оккупированные европейские страны возвращают независимость. Новый трехсторонний союз готовит войну против Японии. Но та решает сдаться, понимая, что силы неравны. Возвращает захваченные территории Русинии и некоторым азиатским странам.

После войны Русиния выходит в лидеры мирового первенства. Отстаивает свои интересы в Евразии, Африке, но при этом держит нейтралитет, не вступая больше ни в какие союзы и лиги. Америка пытается организовать свой блок наподобие НАТО, но терпит неудачу.

Европейские страны, вкусившие все прелести германской агрессии, помнили, как неохотно вступал в войну САС. Они

понимают, что в случае повторения истории заокеанский сосед вновь займет выжидательную позицию. В результате самые сильные страны Европы образуют свой блок – западноевропейский союз. Политический, экономический и военный. И уже этот союз выступает инициатором создания Лиги безопасности – местный вариант ООН.

Единственное, что объединяет европейский союз и Америку, – нелюбовь к Русинии. И неприкрытый страх. Восточный гигант показал свою силу в прошлой войне и продемонстрировал независимость в политических играх. Помимо прочего Русиния – самая богатая страна мира. По запасам сырья, промышленным ресурсам и размерам территорий. Европа напрямую зависит от поставок нефти, газа, леса, полезных ископаемых с востока.

Сорок послевоенных лет прошли в относительном мире, не считая мелких локальных конфликтов и попыток Америки, Франции и Англии навязать свою волю азиатским и африканским странам.

Тем временем в Русинии назревает политический кризис. Те, кто в семнадцатом году не смог реализовать свои замыслы – коммунисты, социал-демократы, анархисты, – пытаются взять реванш сейчас. Тем более что правящая партия – консерваторы, бывшие монархисты и сторонники Временного правительства – потеряла былое влияние и авторитет.

В 1985 году оппозиция в парламенте выносит вотум недоверия правительству. Премьер-министр распускает парла-

мент. Тот в ответ объявляет импичмент премьеру. После референдума премьер уходит в отставку. По конституции, парламент обязан сделать то же самое. Но оппозиция не спешит покидать властные места. Новое временное правительство объявляет деятельность парламента незаконной. В ответ те призывают к вооруженному восстанию.

К кризису прикладывают руку зарубежные страны – давние недруги Русинии. Они разыгрывают национальную карту окраинных территорий, прежде всего закавказских и азиатских.

В стране проблемы с экономикой, волнения в народе, азиатские окраины готовы к бунту. Агенты влияния Америки и Европы, а также экстремисты оппозиции подбивают национальных лидеров к вооруженному восстанию. Временное правительство отвечает ужесточением мер и введением особого положения. Все это приводит к тому, что осенью 1985 года начинается гражданская война.

Дальнейшие события, если верить найденным источникам, четко делятся на несколько этапов.

Этап первый. Осень 1985-го – весна 1986 гг. Децентрализация власти. Разрыв экономических и политических связей. Утеря контроля над окраинными территориями. Военные конфликты по всей территории государства, но особенно – на юге, Дальнем Востоке, в западных провинциях. Армия вовлечена в войну, раздербана на части противостоящи-

ми сторонами.

Пользуясь ситуацией, Китай, Пакистан, Иран и Турция начинают захват приграничных территорий.

Этап второй. Весна 1986-го – весна 1987 гг. Русиния распадается на части, идет стихийное создание новых образований. Кроме множества мелких ханств, эмиратов и прочих «независимых стран», возникают четыре достаточно большие республики. Русия (европейская часть страны), Югорская республика (Урал и соседние регионы), Сибирская республика, Приморская республика.

Захват территорий иностранными государствами набирает силу и грозит перерасти в открытую оккупацию. Но Русия и Югорская республика заявляют, что при попытке вторжения они нанесут удар всеми имеющимися ядерными боеголовками. А их хватит, чтобы распылить всю планету.

Вторжения не произошло. Потенциальные захватчики перешли к другим методам – подкупу, перетягиванию на свою сторону лидеров новых формирований, военной и финансовой помощи.

Китай, не вняв предупреждениям, все же ввел войска на приграничные территории и начал продвижение в глубь страны. Югорская и Сибирская республики, выполняя данное слово, нанесли удар ракетами по северным территориям Китая, превратив тысячи квадратных километров в радиоактивную пустыню. Китай спешно отвел войска (тех, кто выжил) и больше не лез. Военный потенциал у него невелик, а

класть солдат без счету, даже если их в запасе миллионы, — заведомая глупость.

Этап третий. Весна 1987-го — лето 1989 гг. Война слегка затихает. Происходит закрепление границ новых образований и республик. Некоторая часть территорий попадает под контроль анархистов. Там царят откровенно бандитские порядки и правила. Эти формирования имеют всестороннюю поддержку из-за рубежа.

Этап четвертый. Лето 1989-го — лето 1991 гг. Большие республики делают шаги к объединению, понимая, что по отдельности им не выстоять. Заинтересованные в развале и уничтожении Русинии американцы, европейцы и исламские страны как могут препятствуют этому. Мощное спонсирование и поддержка небольших образований, посылка агентов, оружия и инструкторов. Щедро финансируемые бандгруппы нападают на приграничные территории, убивают, грабят...

В разгар закулисной борьбы САС поражает внутренний кризис. Что сразу отражается на отношениях с соседями. Мексика предъявляет территориальные претензии, требуя вернуть штат Техас. Вслед за этим — столкновения на границе с Канадой. Так что САС по понятным причинам резко снижает активность за океаном.

Территориальные проблемы не обошли стороной и Китай. Тибет заявил о желании восстановить самостоятельность. Тайвань потребовал признания полной независимости. У Пакистана проблемы с Индией. Даже в Европе запах-

ло паленым. Конфликт Турции и Греции. Тут уж не до Русинии.

Нежданно-негаданно восточный гигант получает время для решения своих проблем. Правда, недруги полностью не оставили Русинию в покое. Противостояние перешло на новый уровень...

«Это мы проходили, это нам задавали... – подводил я итоги прочитанного. – Революции, войны, разделы территорий. Взять ту же Ругию. Очень похоже. Так что ничего сверхъестественного и удивительного...»

Кое-какие выводы можно сделать уже сейчас. И разделить их на положительные и отрицательные.

Плюсы. Война, нестабильность ситуации, множественные образования – это нам на руку. Гораздо легче работать в такой обстановке. Слабый контроль со стороны власти. Единых документов нет, связь между новообразованными республиками эпизодическая. Любое вооруженное столкновение можно списать на разборки местных.

Минусы. Они – обратная сторона плюсов. Датлайцы, несомненно, использовали ситуацию в своих интересах. Маскировка под местных, вращение в здешнюю жизнь. Они тут дольше, знают обстановку лучше. Не исключено участие в политической жизни. Или в каких-нибудь частных делах по примеру равитанской группы на Земле-3. О-очень удобно! Любые операции можно прикрыть.

Как обычно, есть положительные и отрицательные стороны. Кто сумеет использовать их в своих интересах – тот и победит.

Каким образом и с чего начинать операцию – еще предстоит продумать. Но одно надо сделать сразу. Вопреки прежней практике, когда мы сперва захватывали установки, а потом ставили блокировку, здесь следует поступить наоборот. Сначала поставить блокировку. Чтобы лишить противника связи с Датлаем. И не дать уйти или вызвать подкрепление.

В противном случае мы рискуем упустить их. Что автоматически делает дальнейшее пребывание на планете бесполезным. И опасным.

На ознакомление с материалом и его осмысление ушло довольно много времени. Когда я поднял голову от бумаг, а Антон вылез из-за компьютера, Харким уже вернулся. Притащил два больших чемодана с аппаратурой.

Поставив их на пол, устало вытер пот со лба и выдохнул.
– Бегом собирали. Пришлось кое-что монтировать буквально на колене. Гомеш помог.

– А Битрая?

– А-а!.. Сидит в лаборатории. Ребята говорят – пьет кофе ведрами и матерится. Мало того что с датлайской техникой никак не разберется, так теперь еще и эта... коуор... черт! Миренадская! Новистра вот-вот возьмет лабораторию приступом. Чтобы уберечь женевера от переутомления и нерв-

ного срыва.

В комнату вошел Антон. Устав сидеть перед экраном, он выходил во двор размяться. Лицо покрасневшее, вид бодрый. Костяшки кулаков грязные. На руках, наверное, ходил... Акробат, блин!..

– О, Невед! Быстро ты! – воскликнул Антон. – Молоток!

– Старался, – скромно ответил тот, потирая руки.

– Да, – подхватил я. – Ты действительно молодец. Только...

– Что только?

– Только тебе надо опять перейти на Годиан.

– Это еще зачем?

– Есть одна идея.

Я посмотрел на Антона и кивнул, приглашая сесть.

– Ну что, делимся?

– В смысле?

– Сам видишь, здесь нам минимум неделю сидеть. А то и больше. Разведку провести, данные о планете и стране собрать, решить, что и как будем делать...

– Это ясно.

– Пока я буду этим заниматься, вы с Неведом проверите соседние по сопряжению миры. Не будет датлайцев – просто заблокируете мир. Все меньше будет в остатке.

Антон хмыкнул, задумчиво почесал подбородок. Посмотрел на меня, на Харкима.

– Вообще-то идея хорошая. Надо Марку и Толику расска-

зять. Но почему остаешься ты?

– Кинем жребий?

Антон засмеялся, подмигнул инженеру. Тот тоже кривил губы. Уже привык, что мы второстепенные спорные вопросы решаем жребием.

– Не стоит, – махнул рукой Антон. – Ты всегда выигрываешь.

– Тогда собирайтесь. Кого возьмете для прикрытия?

– Пусть Бутурмен останется. Он более опытный, здесь нужнее будет.

– Идет. Парням привет передавайте. И вызывайте техников. Будем блокировать этот мир.

Блокировку ставили поочередно. Сначала здесь, в деревне, прямо под пристроенным к дому сараем, благо пол там был земляной. Потом в заранее выбранном месте – в пятистах километрах к северо-западу, неподалеку от горного массива. Как потом сказал Бутурмен, помогавший техникам с выбором места, на севере следов жизнедеятельности не видно. И стоящий неподалеку от гор городок пустует.

– Видны разрушенные дома, сожженные машины, – добавил он. – По улицам пробегают какие-то зверьки... И там довольно тепло.

– Да. Теплое течение пролива... С блокировкой все?

– Все. Техники уже на Годиане.

– И нам пора. Будем «прыгать»?

– Куда?

– Город Самак. Юг республики.

– Почему именно туда?

– Хороший вопрос. Самак, если верить данным, – приграничный город. Дальше идет территория новообразованного каганата... Орду-улем. Там трое датлайцев. Еще четверо в глубине каганата. И еще трое – где-то в Таиланде. В любом случае они ближе, чем другие группы. Ясно?

Бутурмен кивнул.

– Тогда пошли готовить аппаратуру. Теперь все сами, Харкима нет...

По моим прикидкам, инженер с Антоном, наверное, готовили разведвыход в другой мир. А может, и перешли. Вдруг им повезет, и они найдут вторую разведгруппу Датлая? Хорошо бы...

С установкой умел обращаться каждый из нас. Дело не самое трудное. Последовательно нажать несколько кнопок, проследить за показаниями датчиков и подождать, пока заработает «контур».

Что мы и сделали. Собрали снаряжение, проверили, не оставили ли чего в доме, и через несколько минут исчезли из заброшенной деревни.

Самак – довольно крупный по провинциальным меркам город, в котором когда-то жили около двухсот тысяч человек. Сейчас здесь было меньше пятидесяти. Тех, кто пережил первые годы гражданской войны, не ушел за границу или в другие относительно безопасные и спокойные места.

Выглядел город словно больной, только переживший кризис и еще не отошедший от температурной лихорадки и горячечного бреда. Часть зданий разрушена, стекол нет, двери выбиты, стены испещрены выбоинами от пуль и осколков. Асфальт на дорогах изрыт, покорежен, кое-где и вовсе отсутствует. Фонарные столбы либо погнуты, либо вообще повалены. Кое-где на тротуарах остатки баррикад – целые завалы из бетонных и кирпичных блоков, рельсов, земляных насыпей. Рядом сгоревшие и изрешеченные остовы легковых и грузовых машин. На центральной площади возле разбитого постамента неведомому герою сгоревший танк без башни и гусениц. Судя по прокопченному корпусу с двумя пробоинами в бортах – это местный аналог Т-62.

Самак только недавно вошел в состав Югорской республики, а до этого был как бы сам по себе. Каганат его забрать не смог, но и отпускать не хотел. После долгих с переменным успехом боев войска каганата просто отошли. Им надоело драться.

Как и многие новые «независимые республики», Орду-улем имел большие амбиции, но слабую армию. Его независимость больше держалась на штыках наемников и деньгах азиатских и заокеанских спонсоров.

Относительно нормальная жизнь в Самаке только налаживалась. Электричество из соседнего города еще вели, центральное отопление едва успели восстановить, водоснабжение и канализацию чинили. Общественный транспорт за исключением двух десятков автобусов не ходил.

Жители передвигались пешком или на велосипедах. Немногочисленные владельцы собственных машин редко когда рисковали выезжать из гаражей. И бензина мало, и власти могли запросто реквизировать транспорт на нужды республики.

Некоторые заводы только запустили, единую денежную валюту ввели буквально на днях. Горожане пока занимались тем же, что и раньше, – обрабатывали небольшие участки земли за городом, заготавливали в ближнем лесу дрова, ловили рыбу в озере и реке, собирали ягоды, грибы и фрукты. Одним словом – выживали.

Тем не менее жизнь в городе бурлила. Новые власти спешно восстанавливали промышленность, готовили рабочие места и вообще – делали все, чтобы вернуть Самак в русло нормального течения бытия. Чем меньше у людей будет бытовых проблем, тем меньше забот будет у властей. Это аксиома.

Дважды я выходил в город, собирая информацию о новом районе действий, об обстановке и обо всем, что мог разузнать. В центр не лез, не желая попасть на глаза представителям властей. Больше ходил по окраинам, выбирая себе сидников среди людей пожилого возраста. Они охотнее вступали в разговор, меньше утаивали и с радостью принимали небольшую плату за беседу.

Понятное дело, одними разговорами не ограничивался. Ходил, наблюдал, читал развешиваемые на видных местах информационные бюллетени, послушал радио (его восстановили в первую очередь). Отыскав библиотеку, зашел туда. Повезло, там сидела какая-то старая дама, только назначенная ответственной. Мое желание посмотреть литературу ее особо и не удивило. Очевидно, приняла за представителя властей.

Библиотека, как и многие учреждения, была частью разграблена, частью уничтожена. Помещение лишилось мебели, штор, некоторых дверей, лампочек в плафонах.

Но мне это не мешало. Просмотрев подшивки газет, пролистав некоторые справочники, я покинул библиотеку, унося с собой под курткой атлас и справочник по оружию. Женщина ничего не заметила.

Увидел и новые деньги. Валюта Югорской республики. Небольшие прямоугольники плотной бумаги. Три цвета – серый, зеленый и красный. Вверху банкноты большая надпись «Национальный Банк Югорской Республики», в центре герб

– сидящий орел с аурой вокруг головы, с мечом в когтях, в окружении небольших щитов. Ниже прописью достоинство купюры. По углам цифровое обозначение.

Очень скромное оформление, какое себе может позволить молодая республика. Бумага не самого высокого качества, правда, имеет несколько степеней защиты. Вместе с тем довольно стильно и оригинально. Минимум рисунков, максимум информации. Внизу предостерегающая надпись: «Подделка банкнот карается расстрелом». Предельно четко и ясно.

После вояжей я возвращался на базу – двухкомнатную квартиру в пустующем двухэтажном доме на серверной окраине города. Здесь почти все дома пустовали. Ни отопления, ни воды, ни электричества. Идеальное место для нас.

В квартире сидел Бутурмен. Он стерег аппаратуру и заодно продолжал слушать и записывать все, что обнаруживал в эфире. А также следил за датлайцами.

Комнату мы утеплили, выбитые окна затянули пленкой, починили дверь. Тепло нам давал небольшой калорифер, электричество – портативный генератор. Спали на армейских лежаках. Питались взятыми с собой продуктами и концентрированными смесями. Воду брали в колонке на улице. При желании везде можно устроиться...

Наша «подпольная» жизнь в Самаке шла уже вторые сутки.

– Есть что-нибудь интересное? – спросил меня Бутурмен.

– Ничего особенного. Сведения по городу и республике прежние. А о каганате и ситуации на границе мы больше знаем из выпусков новостей.

– Это точно. Да еще с картинками...

Бутурмен кинул взгляд на экран компьютера, по которому шел репортаж из какой-то африканской страны. Антенна легко брала сигналы со спутников, так что мы имели возможность отслеживать события планеты в режиме «онлайн».

– Давай перекусим, – предложил я. – Что-то проголодался. А заходить в столовые не стал. Опасно.

Бутурмен без слов вытащил из сумки запаянный в пластик прямоугольник и вскрыл крышку. Достал несколько упаковок, посмотрел этикетки, часть убрал обратно, часть выставил на столик.

– Мясо тушеное. Картофель печеный. Бульон куриный с грибами.

– Сойдет.

Каждая упаковка была снабжена собственным подогревателем. Дернул за ярлык – блюдо за полминуты доходит до нужной температуры и принимает вполне аппетитный вид. Ложка или вилка – в комплекте. Пакет очень сытный, одного обеда хватает на сутки.

– Как в городе? – спросил Бутурмен, открывая сразу две упаковки с бульоном.

– Обычно... Народу мало, машин еще меньше. Пару раз видел патрули.

– Военные?

– Местные. Отряд самообороны или милицейская дружина. У них же структуры только-только образованы. Кадров не хватает, вот и вооружили всех. Обычные действия при становлении власти.

– Чем вооружены?

Как человек военный Бутурмен в первую очередь интересовался профессиональными вопросами, оставляя остальное на потом.

– Самозарядные карабины. Приклад деревянный, прицел открытый, магазин на двадцать пять – тридцать патронов. Я справочник по оружию прихватил, потом посмотришь. Еще охотничьи ружья, пистолеты.

– Останавливают много, документы проверяют?

– Не видел. Патрули бродят только по окраинным улицам, в центре их нет. Вроде в южной части города стоит армейская часть, там грузовики, БТРы... Но это не точно.

Быстро опустошив первую упаковку с мясом, пододвинул к себе бульон и принялся. Пахло неплохо. Но пока не

остыло. Оставив бульон, взял вторую упаковку. Небольшие, одного размера картофелины, запеченные в фольге. Сбоку к упаковке приклеены пакетики со специями. Я выбрал кетчуп, залил им содержимое и вилкой поломал картофелины на части.

Бутурмен поставил на столик два высоких пластиковых стакана с холодной водой. Вода здесь была на удивление чистой и вкусной. Видимо, колонка качала ее из артезианского источника.

– О датлайцах никаких новостей?

– Нет. Да и откуда? Тут больше на слуху соседи. Каганат напрямую не лезет, но небольшие отряды продолжают нападать на населенные пункты. Вчера вроде как подорвали восстановленную водокачку. Обстреляли ремонтный поезд, ранили трех человек. Информационный бюллетень я прихватил, посмотришь. Да, вот еще...

Я достал из кармана несколько банкнот достоинством в один, два, пять, десять, пятьдесят и сто рублей. Протянул их Бутурмену.

– Где взял? – спросил тот меня, с интересом разглядывая купюры.

– Повезло. Нашел одного менялу. Скупает золото, украшения, драгоценные камни, платит новыми деньгами республики. Видимо, этот прохвост приехал с севера. Не все же восстанавливают промышленность не покладая рук. Кто-то зарабатывает на кусок хлеба с икрой другим способом.

– Угу...

– Надо сделать копии. Немного, штук по десять с каждой. Этого хватит для покупки продуктов, кое-какой мелочи. Цены не очень высокие, на один рубль можно взять буханку хлеба и пакет молока.

– Ты хочешь, чтобы я...

– Перешел на Годиан. Скопируешь деньги, возьмешь несколько комплектов одежды. Попроще. Пополнишь запасы продовольствия. Ну и узнаешь, как дела у парней.

– А ты?

– Посижу здесь. Надо прояснить обстановку на границе и у соседей. Одна из датлайских групп сидит в двухстах километрах от нас. Они – первые кандидаты на ликвидацию.

– Ты что, один полезешь к границе?

– Границы как таковой пока нет. Есть нейтральная полоса километров десять – пятнадцать шириной. На ней – несколько населенных пунктов. Каганат отвел войска, а Югорская республика пока не имеет сил взять территорию под себя.

– Большой риск.

– А что делать? Надо действовать, ждать времени нет. Блокировку мы поставили, датлайцы потеряли связь с центром. Кто знает, что они предпримут в такой обстановке?..

– Но...

– Ламист, не шуми! Совать голову в петлю я не стану. И потом, нынешняя ситуация для меня – привычная обстановка. Не сгину.

Бутурмен покачал головой. Мои планы не одобрял, но возражать не мог. Здесь я решал, кто и что делает. Эгенворт и Оскольт хорошо объяснили этот расклад своему бойцу.

– Я вообще-то сам хотел пройтись по городу, – сказал Бутурмен. – А то устал сидеть...

– Погуляешь еще. После возвращения. Парни вряд ли обнаружили второй отряд датлайцев. Иначе были бы здесь. Так что пока нам с тобой вдвоем тут работать.

Бутурмен кивнул и принялся активнее работать вилкой. Я последовал его примеру.

Покончив с едой, убрали пустые упаковки в мешок для мусора, навели порядок и включили аппаратуру.

– Судя по показаниям сканера, две группы датлайцев в западном полушарии движутся навстречу друг другу. Видимо, у них общий сбор отряда. Здесь же, в Евразии, они пока продолжают работать по отдельности. Обрыв связи, конечно, отметили, но не спешат менять планы. Ты частоты их аппаратуры не засек?

– Техника проверяет все замеченные источники, однако их несколько тысяч. Невед включил фильтр, но пока ничего нового. Ключевых слов никто не произносит. Либо они шифруются, либо...

– Либо мы пока их не нашли. Ладно. Путь техника пашет дальше. Ты готовься. Я оставлю установку в режиме ожидания. На тот случай, если уйду в город. Как придешь, дай знать. И один не вылезай на улицу.

– Ладно, – без особого энтузиазма ответил Бутурмен и пошел собирать вещи.

А я сел на лежак, пододвинул к себе радиокomплекс (сканер, приемник, записывающий блок в одном корпусе) и раскрыл газету, одну из тех, что взял сегодня в городе. Слушая новости разных каналов из разных стран, искал на страницах любую информацию о каганате. Судя по всему – скоро предстоит вояж туда. Надо хорошенько подготовиться. Тем более мы пойдем в сильно усеченном составе. Вдвоем...

«Восстановлен перерабатывающий завод в Охоткине. Теперь республика сможет получать бензин хорошего качества и в достаточно больших объемах...»

Это не важно.

«Части третьего ударного корпуса разгромили остатки отрядов самопровозглашенного хана Эдыгея в районе Усть-Каменогорска. Передовые подразделения вышли к озеру Зайсан, где встретили части пехотной дивизии вооруженных сил Сибирской республики. Таким образом, возник новый участок совместной границы двух республик, что, без сомнения, положительно отразится на общей обстановке на южном и юго-западном фронте. Напомним, вооруженные силы Сибирской республики сейчас ведут тяжелые бои на линии Поряновск – Усть-Улагая. Им противостоят сводные части Эдыгея и остатков китайской армии, не успевшие отойти вместе с основными силами за старую границу...»

Более интересно с точки зрения понимания обстановки на фронтах, но все равно – не по теме...

«Проблемы с восстановлением всесторонней связи с Самаком. Острая нехватка специалистов в разных областях, отсутствие материальной базы и ремонтных мощностей не позволяют наладить нормальную жизнь в городе и запустить на полную мощность заводы и фабрики. Большое опасение вызывает также тот факт, что отдельные группы и отряды Орду-улемского каганата продолжают проводить диверсионные операции в этом районе. За последние дни ими совершенно восемь диверсий, в результате которых пострадало около двадцати человек.

К сожалению, из-за напряженных боев на других участках фронта армейское командование не может направить сюда достаточно сил, чтобы закрыть дыры на границе. А отряды самообороны не имеют возможности отразить удары противника. Ситуация остается очень сложной...»

Ближе к теме. Самак фактически открыт для ударов с юга. Республика хоть и продолжает захватывать новые районы, но не способна обеспечить им защиту. О, а вот то, что надо!

«По сообщениям зарубежных источников массовой информации, каганат Орду-улем объявил о намерении вернуть отторгнутые за последние два месяца Югорской республикой территории. Как сказал пресс-секретарь армейского командования, эти земли – исконные владения улемской общины еще с пятнадцатого века. И никто не может претендо-

вать на них, кроме законных владельцев. По сути, это заявление – открытое намерение возобновить активные боевые действия на севере каганата...»

И дальше – в том же русле. Сравнения, примеры, выводы... Выходит, скоро здесь запахнет порохом. Что еще?

К сожалению, о каганате газеты Югорской республики говорили не много. Чуть больше о нем упоминали в международных новостях. Но вскользь, без подробностей.

Сводки с фронтов, как и вся информация о войне в бывшей Русинии, уже успела надоесть обывателям за рубежом. Да и последние события на границе Мексики и САС отвлекли внимание.

Я подсчитал количество фронтов и участков боевых действий на территории бывшей Русинии. Вышло ровно двадцать. От Западной Двины до Тихого океана и от хребта Копетдаг до Обского моря шли бои разной интенсивности. Действительно, писать о каждом – места в газете не хватит. Конечно, в специализированных сводках генштабов САС, Германии, Франции, Турции каждому участку уделено достаточно места. Но мне пока туда доступ закрыт. Вернется Харким, спрошу его, сможет ли он проникнуть в секретные файлы военных контор.

Пока же на основании всех изученных данных можно сделать один вывод. Датлайцы так или иначе участвуют в политической жизни планеты. Возможно – это часть их плана проникновения. Так что для захвата и уничтожения

разведчиков потребуется проводить полноценную операцию навреде той, что предлагал я в отношении колоний Анкивара и Равитана. Внезапный выход, удар, захват, уход.

Но для этого нужна предварительная разведка в непосредственной близости от датлайцев. Нужны люди и аппаратура.

Я оживился. Это уже что-то. Если для операции необходимы дополнительные силы, то разведку мы с Бутурменом проведем и вдвоем. Только бы разузнать о каганате поподробнее. Необходимо искать источник информации. Необходим «язык».

Мысленно составив предварительный план, я повеселел. Не придется ждать парней и терять время зря. Поработаем...

Довольный собой, отбросил газеты, отставил в сторону радиокомплекс и хотел было встать. Но в этот момент опять накатило. Как сквозь сон я почувствовал онемение рук и ног, отметил, что падаю на бок и... все.

Выдержит? Или сорвется?

...частичная загрузка, полная загрузка, пределы нормы, регистрация состояния...

Выдержит или не выдержит?

...проверка, загрузка, регистрация...

...или не выдержит?..

Символы, знаки, образы... Все мелькает перед глазами, крутится в голове, принося тупую боль и раздражение. Небольшой перерыв, темнота, и опять накатывает – симво-

лы, знаки...

Такое впечатление, будто я не в пустой комнате, а в лаборатории вычислительного центра. В роли подопытного кролика. Выдержит, не выдержит... Что не выдержит? Мой мозг? Да он и так уже на грани. Сколько можно терпеть эту загрузку?.. Или мои нервы? Они вот-вот лопнут. От злости. На себя и того мутанта, что сидит в моем теле и творит черт знает что!

Ох, доберусь я до тебя! Может быть...

Что он хочет мне сказать? Донести какую-то информацию? Показать нечто? А иначе нельзя? По-людски. Не сводя меня с ума? Я ж сейчас сдохну!..

И опять – темнота...

* * *

Разбудил меня Бутурмен. Причем именно разбудил. Ле-гонько толкнул в плечо, я открыл глаза и... удивленно уставился на него. Вот тут-то мне и пришла в голову мысль, что до меня пытаются элементарно достучаться. Но, видимо, пока безуспешно.

– Что нового? – зевая, спросил я. – Как сходил? Все сделал?

– Да. Все сделал, все принес... Артур, парни провели операцию в колонии Анкивара. Там, где налетели мы. Помнишь?

Я вскочил на ноги. Ни фига себе новость!

– Что? Они рехнулись, что ли? Вдвоем!! Ну, чего замолчал, говори!

– Все нормально, все получилось. Установка уничтожена. Блокировку поставили. Они пошли все вместе. Вчетвером. Сергей вернулся.

Та-ак, Серега объявился!.. Это с его подачи парни полезли в тот мир. И без меня!!

– Дальше что? Выкладывай подробности.

Бутурмен, видя, что я разволновался, поспешил меня успокоить и быстро проговорил:

– Они сделали все так, как ты тогда предлагал. Перешли, провели разведку, внезапно выскочили прямо на станции и взорвали установку. Все сделали очень быстро.

– А с чего они туда вообще полезли?

Бутурмен пожал плечами: мол, не в курсе. Впрочем, зря я его спросил. И так ясно – парни решили сами разобраться с Анкиваром и заодно отомстить за убитого. Да и поднять моральный дух «союзников» не мешало. Но почему без меня?

Усилием воли подавив совершенно ненужные и неуместные сейчас эмоции, я спросил о новых планах парней. Это Бутурмен и рассказал довольно подробно.

Парни решили пока по колониям не работать и вплотную заняться поиском второй группы Датлая. Мою идею относительно дробления нашей пятерки одобрили. Теперь каждый брал с собой техника, пару бойцов прикрытия и начинал по-

иск самостоятельно. «Чистые» миры блокировали. При обнаружении «занятых» миров – проводили первичную разведку и уходили.

Польза от такой тактики огромна – мы здорово ускоряли процесс закрытия второго сектора.

– Ладно, проехали. Потом поговорим с молодцами... Давай показывай, что принес.

Бутурмен поставил в центре комнаты огромную сумку и стал поочередно извлекать из нее новую одежду, обувь, продукты. Достал из кармана пачку денег, скопированных с местных купюр. Техника Годиана могла воспроизвести банкноты гораздо более сложные по исполнению и более защищенные. А эти простенькие бумажки скопировать – пять минут всех дел.

– Сделали по двадцать копий.

– Ого! Перебор. Ну ладно, пригодятся...

– Битрая все сидит в лаборатории. Специалисты его комитета проводят испытания новой аппаратуры. Насколько я понял, пока безуспешно.

– Ничего. Если долго мучиться, что-нибудь получится.

Мы рассортировали привезенное, примерили одежду и обувь. Сойдет. Стилль милитари, но тут большинство так ходит. Практично, немарко, удобно. Да и не перед кем особо фасонить. До открытия дискотек и ночных клубов еще далеко. Хотя я читал, что в республике уже работает индустрия развлечения. Это верно, не все же с ружьем в окопах сидеть

и на заводе вкалывать...

– А у тебя как здесь? – спросил Бутурмен.

– Никак.

Я не стал признаваться, что вместо активной работы просто подрых полдня. Не объяснять же, что мой измененный до неизвестной степени организм решил прилечь и помечтать...

– Головой работал, а не ногами.

– А-а...

– И вот что надумал. Я отправлюсь к границе. Самоходом. Это не так далеко. Попробую разузнать о каганате побольше. Как только соберу информацию, выхожу на связь. Ты отслеживаешь мое местоположение и «прыгаешь» ко мне с техникой. А дальше проводим разведку непосредственно вблизи группы датлайцев.

– Один к границе?! – Бутурмен недовольно покачал головой и возразил: – Это слишком рискованно. Эгенворт строго запретил подобные вещи.

– Мне Эгенворт не указ. Где, когда и как проводить операции – решаю я. И последнее слово за мной. Это было обговорено с самого начала. Ты не знал?

Смущенный отповедью, он кивнул.

– Или один не хочешь оставаться?

Лицо Бутурмена порозовело. Усомнились в его смелости!

– Я готов, но...

– Все будет в порядке. Главное – следовать плану и не де-

лать резких движений. Ясно?

– Угу.

– Значит, так!..

Я отошел от кучи одежды и потер руки, чувствуя, как по телу пробежала дрожь в предвкушении активных действий. Засиделся на месте, запудрил мозги, вон до видений дошло. Пора поработать...

– Значит, так. Сейчас... двадцать три двенадцать. В шесть утра я выхожу. Попробую найти какой-нибудь транспорт. Нет – пойду пешком. Часа за три-четыре доберусь до реки, там вроде проходит сейчас граница. Дальше – по обстановке. Как только сделаю дело – выхожу на связь. Ты – в готовности перейти в указанную точку. А потом мы проверяем местонахождение датлайцев и прыгаем к ним. Все ясно?

– Да, но...

– Это не все, – жестом остановил я Бутурмена. – Я могу выйти на связь и через сутки после выхода, и через двое. В зависимости от обстановки. Ты отслеживаешь мои перемещения по сканеру. Если что – ждешь два часа и уходишь на Годиан.

– Что – если что?

– Если вдруг исчезну, как на Логошете. В курсе, что там было?

– В курсе.

– Вот. Это на крайний случай. Не думаю, что у датлайцев есть возможность выхода в космос. Вот теперь все. Вопросы?

Бутурмен с минуту подумал, потом пожал плечами. Мой оживленный вид и энергия, с какой я излагал план, наверное, вселили в него уверенность в успехе.

– Вопросов нет. Отлично. Тогда я готовлю снаряжение, а ты проверяй установку и аппаратуру. Сканер, радиостанции...

– Оружие с собой возьмешь?

– Обязательно. Но не «форм», а пистолет. Четыре обоймы, четыре гранаты, нож, баллон с аэрозолем... Что еще?.. Пакет на три дня. Флягу с водой. Карту. Плащ. Плащ привез?

– Два.

– Походный набор – спички, зажигалка, фонарь, леска, веревка...

Я ходил по комнате, привычно перечисляя предметы экипировки, и не сразу заметил растерянный вид Бутурмена. Тот сидел возле установки, глядя на нее и нажимая кнопки на панели. Потом повернулся ко мне и приглушенно произнес:

– Артур, она не работает.

– Что?

Я подошел к нему.

– Как так? Что не работает?

– Тестовый сигнал не проходит. Нет подтверждения связи с Годианом.

– Быть не может.

Присев перед установкой, я сам проверил панель управ-

ления, отметил красный огонек в углу – сигнал о недоступности связи. Понажимал кнопки, включая и выключая установку, ввел режим проверки. Через минуту на экране возникла надпись «все системы и узлы работают в режиме ожидания».

– Что за черт! Может, что-то у них на станции? Сбой, обрыв, отключение питания...

– Там двойная система контроля и дублирования. Питание не может отключиться.

– Сам знаю. Но что-то произошло!

Бутурмен посмотрел на меня, осторожно заметил:

– У нас уже было такое. Кратковременное отключение связи. Помнишь, Битрая говорил?

– Говорил? Да, верно. Работа Датлая?

Бутурмен пожал плечами. Раз сам Битрая не может толком ничего сказать, откуда знает боец отряда охраны. Пусть даже старший боец.

– Черт, только этого сейчас не хватает! Ну-ка, что показывает сканер?

Сканер показывал прежнюю картинку. Два десятка меток датлайцев, разбросанные по планете, две наши метки и... больше ничего. Никаких посторонних факторов, излучений, срабатываний. То есть вариант Эрвилада отпадает. Если обрыв – дело рук человека, то эти руки не принадлежат «местным» датлайцам и иным пришельцам.

Я со злостью смотрел на экран, соображая, как быть. Об-

рыв наверняка замечен на Годиане. Битрая, конечно, приложит все силы, чтобы восстановить контакт. Тем более в прошлые разы это успешно выходило. Но как будет в этот раз? И не застал ли обрыв моих парней в момент операции?

Внутри все похолодело от этого предположения. Вдруг они с кем-то сцепились?.. На местных налетели или на пришельцев. В самое пекло! И попрощаться друг с другом не успеют...

Яркая картинка возможной трагедии встала перед глазами. Я pokrutil головой и выругался вслух. И тут за спиной обрадованно закричал Бутурмен:

– Работает! Работает установка!

В два прыжка преодолев расстояние до установки, я вперил взгляд в панель. Горит зеленый огонек, надпись «контакт возможен». Работает!

– Ламист. Дуй туда, выясни, в чем дело. Пусть Битрая лично все проверит и объяснит.

– Хорошо.

– Расскажи о нашем плане. И мигом обратно. Я жду здесь. У тебя время до... полшестого утра.

Бутурмен быстро собрался, махнул рукой и исчез в рамке «контура». Я осторожно перевел дух и сел на пол. Вот это фокус! Здорово нас подколола установка. Вернее, тот, кто устроил обрыв. Так и до инфаркта недалеко.

Наверное, только сейчас в полной мере почувствовал то, что ощущали люди в колониях Равитана, Анкивара и Датлая,

когда вдруг теряли связь с центром. Не зная толком причины обрыва, не имея понятия, когда контакт восстановят. Онемение, изумление, страх, опасение... И безнадежность в душе.

А впрочем... Что их страхи по сравнению с тем ужасом, что испытали мы, угодив в Аберен? Что чувствовали молоденькие девчонки и ребята, шагнув из стен академии в лесные дебри средневекового мира? Так что кому хуже – еще вопрос!..

Почему-то захотелось есть. Я открыл две упаковки с мясом и салатом, нарезал хлеб, включил радиокomплекс и стал ужинать, слушая выпуск последних новостей единого информационного канала Европы. Совмещая, так сказать, пищу телесную и пищу духовную.

Ночь прошла беспокойно. Где-то неподалеку раздавались выстрелы, потом натужно гудели автомобильные движки, явно шли тяжелые транспорты, скорее всего военные. Затем опять стреляли, но уже вдалеке. Видимо, в городе или на подступах к нему шли короткие бои с диверсантами противника. А может, это новичков из отрядов самообороны натаскивали для боя в ночных условиях.

Я то засыпал, то открывал глаза, глядя в потолок и думая, что сейчас там у парней. Как идут дела. И не увлекся ли Антон, его иногда заносит...

Будильник хронометра поднял меня в двадцать минут шестого. Позевывая, я встал, несколькими взмахами размял ру-

ки и плечи, опустошил стакан воды и подошел к установке.

Глянул на табло и замер. В углу горел красный огонек. Связь с Годианом отсутствовала...

– Твою мать!

Выключив установку, запустил проверку аппаратуры. Результат тот же. Опять обрыв. Что за фокусы?! Кто же так баляется?! Неужели действительно Датлай? Но откуда у него такая аппаратура?..

Уняв закипавшую злость, вновь и вновь запускал тесты, проверяя состояние установки и наличие связи. По ходу дела сам себя успокаивал – такое уже было, ничего особенного, ведь наладили. Надо подождать. Немного...

Когда через двенадцать часов связь не восстановилась, я отключил установку, поставил аккумуляторный блок на подзарядку и сел на пол. Хватит терзать технику. Она здесь ни при чем. Ясно, что обрыв – внешняя причина. Причем обрыв качественный. Даже Битрая ничего сделать не может. Иначе Бутурмен давно был бы здесь.

А раз его нет и установка молчит – дело швах. Связь оборвана, контакта с Годианом нет. Я застрял в этом мире на неопределенный срок. И теперь вместо запланированных поисковых работ надо думать, как выжить здесь.

Кому сказать спасибо за подарок? Очень большое мерси! Удачно пошутили...

3

- А с чего ты взял, что все это – случайность? Техническая погрешность? В корне неправильный вывод.
- Тогда как это все понимать?
- Как заранее предусмотренное событие. Часть плана.
- Какого?
- Этот вопрос пока опустим.
- Ну и на черта я вам сдался? Подопытных кроликов не хватает?
- Опять ошибка. Никакой аналогии с привычными для тебя явлениями. Опыты никто не ставит. Ты проходишь проверку.
- Какую?
- Опустим.
- Опять! Да вы задолбали своими проверками! Я ведь терпеть долго не стану! Тело мое, сознание мое, вы здесь – непрошеные гости.
- А вот тут ты ошибаешься.
- Что? Хочешь сказать – тело не мое?
- Твое. Все твоё – тело, мозг, разум. И все остальное – теперь тоже твоё. Ты пытаешься разглядеть в нас врагов, упуская из виду одну деталь. Мы – часть тебя. Ища врага, ты все время смотришь в зеркало.
- Как это понимать?

– Как факт.

– И где же тогда мои настоящие враги?

– Не знаю. Там, где ты ищешь, – только друзья. А там, куда ты пока не заглядывал, – твои владения.

– Как?

– Об этом не сейчас...

Очнулся я в паршивом настроении. Очередная отключка вывела меня из себя. И этот диалог с невидимым собеседником!.. Точнее, с видимым. Очень даже хорошо.

Проклятое внутреннее «Я» воспроизвело недавнюю попытку поговорить с ним. Там, на Земле, перед зеркалом. Опять я сидел в кресле, смотрел на отражение и разговаривал.

Издевательски подробно воспроизведены все детали, даже джинсы и футболка. И босые ноги. Ничего существенного оно не сказало. Только дало понять, что винить во всех бедах стоит не технику, а неких составителей некоего плана. И вновь никаких подробностей, никакой ясности. Впрочем...

...Впрочем, осталось странное ощущение после «сна», что речь шла не о поломке аппаратуры и не о вынужденном одиночестве. Тот, другой, пытался толковать мне, что план – нечто более грандиозное и масштабное, чем простой сбой техники.

Может, следует начать отсчет с момента первого провала? Или с момента создания «контура»? Или еще раньше?..

Я встал, вялыми движениями размял ноги, покрутил руками. Подошел к окну. Утро. Продрых весь вечер и ночь. Здорово отдохнул...

– Значит, не враги? – громко сказал я. – Но на друзей тоже не тянете. Иначе бы не мешали. «Сеансы» свои не вовремя не проводили.

Сделал паузу, посмотрел по сторонам. Ответят или опять промолчат?..

Молчат, гады!

– Выбирали бы для этого подходящее время! И вообще можно и поаккуратнее... передавать свои образы или как их там! И объяснили бы сперва, что и как!

Ни черта они не хотят разговаривать. Снова ждут удобного момента? Ну и хрен с ними! И нечего больше забивать голову. Надо думать, как быть дальше.

Итак, что имеем? Застрял в чужом мире, связи нет, перспективы неясны. Что же делать?

За окном опять раздались выстрелы. Новообразованная власть демонстрирует силу и намерение навести порядок. Или просто пацаны хулиганят, палят по воронам из найденных стволов...

Город живет своей жизнью, как и республика, как и вся планета, и не знает, что в одном из домов в пустой квартире сидит человек из другого мира. Сидит и ломает голову. И

скоро сломают...

«Что делать?.. Что и было задумано. Датлайцы здесь, их установки работают. В любом случае надо искать, находить. И уничтожать. На это уйдет по меньшей мере месяц. За это время либо сам отыщу способ наладить связь, либо Битрая и К° восстановят контакт. Не хватит месяца, подожду два, три, десять... Опыт автономной работы есть, не впервой зависаю. Так что – от винта!...»

Я хотел провести разведку на границе с каганатом. Проведем. Только для этого надо туда попасть. А чтобы попасть – миновать город, внешние посты охраны и позиции передовых частей, если они, конечно, есть. Не исключено, что первый выход ничего не даст. Тогда нужен второй, третий. Чтобы не сгореть на элементарной проверке документов и вообще иметь доступ в город... надо легализовать свое положение. Нужно выходить из подполья.

Делать это здесь, в Самаке, несколько опрометчиво. Как и ко всякому недавно освобожденному городу, к нему особое внимание властей. Полиция, военная комендатура, патрули. Усиленный режим проверки, посты на выездах... Надо искать другой вариант.

Глаза отыскивали на карте точку, обозначавшую Самак. Ближний от него город – Тарсат. Почти две сотни километров на север. Какое-то время назад он был форпостом республики на юге. Сейчас уже в тылу. Налаженная инфра-

структура, какие-то государственные учреждения, властные структуры. Там поспокойнее, чем в Самаке. И не такой режим безопасности.

Легализоваться – получить документы, регистрацию, возможно, работу – лучше там. И уже оттуда ехать в Самак. Как полноправный гражданин республики. А дальше – по обстановке...

Отложив бумаги, обвел взглядом комнату, глубоко вздохнул и шумно выдохнул. Резко встал. С силой потер ладони друг о друга. С наигранной бодростью изрек:

– Начнем, пожалуй!

Не скажу, что мой план – вершина стратегии. Но в данном положении ничего лучше пока нет. В любом случае надо внедряться в здешнюю жизнь. Не все ли равно, где это сделать – в Тарсате или другом городе? Не выйдет там, всегда смогу прыгнуть в другое место и попытать счастье снова. Спешить некуда...

Два лежака, два рюкзака, продукты, снаряжение, боеприпасы, генератор, калорифер, радиокомплекс, техника, оружие, установка. Тащить все это с собой нет смысла. Да и возможности тоже нет. Придется оставить большую часть на месте. Не в квартире, конечно.

Пришлось потратить два часа на оборудование схрона в подвале дома. Некогда жильцы здесь построили небольшие кладовые для солений, картофеля и кое-каких вещей. Кир-

пичные коробки уцелели.

Я выбрал одну в дальнем углу, выгреб лишнее – старая детская коляска, древние санки с ржавыми полозьями, деревянные ящики из-под картофеля, битые трехлитровые банки, рейки, лопата, лом, грабли – в песчаном полу вырыл приличных размеров яму и уложил в нее четыре больших тюка. Сразу все не влезло, пришлось углублять яму. Потом накрыл все покрывалом и засыпал песком. Сверху наставил ящики, заполненные песком, пристроил коляску и закрепил ее ломом.

Вряд ли кто сунется в дом, еще меньше шансов, что кто-то полезет в подвал, и уж совсем невероятно, что кто-нибудь решит проверить содержимое именно этой кладовой. Но на всякий случай заминировал схрон. Если вдруг кто-то зачем-то... И следов не найдут.

С собой взял только сканер, радиостанцию, маленький фонарик, пистолет с двумя обоймами, нож, местные деньги. Ну и установку, конечно.

Переделся. Брюки свободного покроя из плотной, очень крепкой ткани, футболка, легкая куртка, обувь – что-то вроде армейских ботинок, только раза в три легче и прочнее. Одежда темных тонов, неприметная, немаркая. То, что надо.

Выбрал на карте точку перехода – на окраине Тарсата, активировал установку. В центре комнаты возник мерцающий периметр «контура». Время его существования ограничено сорока секундами. Вполне хватит, чтобы перейти.

Установка уже была упакована в баул. Я подхватил ее и повесил на плечо. Шагнул в «контур». Привычная порция холода, задержка дыхания и легкий хлопок за спиной. Прыжок длиной в две сотни километров начался...

...И сразу закончился. Я стоял у входа какого-то неказистого строения, буквально буравя носом дверь. Увидев близкое препятствие, сделал шаг назад и сморщил нос – воняло ужасно. Брошенного в сторону взгляда хватило, чтобы понять – меня вынесло в старый, давно брошенный свинарник.

«Он что, ее нарочно настроил на подобные заведения?!» – помянул недобрым словом Харкима. Установка с завидным постоянством перемещала нас в самые паршивые и вонючие места.

Толкнув дверь, вышел на улицу и огляделся. Та-ак... Прямое попадание! Несколько низких длинных строений, заросшие крапивой и лопухом тропинки и дорожки, выцветший покоробленный асфальт, скрытый под травой холм. Слева километрах в двух частные дома, а за ними, еще в двух километрах, – высотки города. Тарсат. Прибыли.

Отойдя метров на сто от свинарника, выбрал удобное место, поставил баул с установкой в траву и поднял бинокль. Несколько минут изучал местность.

Дома в пригородном поселке большей частью жилые, по широкой улице ходят люди, пацаны катаются на велосипедах. Левее, в поле, работают несколько тракторов. Таскают

на прицепе картофелеуборочные комбайны. Там же десятка два человек. Видна грузовая машина, явно за картофелем едет. Тут все ясно. Страда в разгаре. За картофельным полем еще одно – зерновое. Верно мы определили время года – ранняя осень.

Теперь город. Четко видны крайние дома. Улица. Тоже люди ходят. Линии электропередач, автобус на дороге, грузовик...

Правее на пару километров – дымят заводские трубы. Жизнь бьет ключом.

Будь это наша Земля, я бы, не раздумывая, пошел в поселок. Там жители простые, в общении доступные. Легче найти общий язык, вывести что надо. Но у нас мирная жизнь. А здесь – гражданская война. Пусть и не в самом разгаре, пусть тут и вроде как тыл, но все равно. Чужак всегда на подозрении. Особенно в небольших населенных пунктах. Так что шагать мне в обход, выбираясь сразу в город. Хотя бы вон по той балочке, что идет вдоль картофельного поля. Только не сейчас, а когда стемнеет и люди уйдут с поля. Четыре-пять километров я пройду за час.

Установку тащить, конечно, не стоит. Надо спрятать. Где? Вон те заросли орешника подойдут? Вполне...

В Тарсате активная жизнь продолжается и после захода солнца. По хорошо освещенным улицам ходят люди, проскакивают редкие автомобили, вальяжно разъезжают автобусы,

спешат по делам велосипедисты. Народу довольно много, с Самаком не сравнить. И здесь гораздо светлее, фонари горят все, а не через один. Свет в окнах домов, в витринах магазинов.

Быстро миновав окраину города, я вышел в центр. Здесь и людей побольше, и посветлее. Легче затеряться в толпе. Опять же в отличие от Самака тут действует полиция. Патрульные попарно разъезжают на велосипедах, часто делая остановки. Иногда проверяют документы, иногда просто стоят на перекрестках, рассматривая прохожих. К счастью, патрулей немного, и без дела они к людям не лезут. Но все равно на глаза им лучше не попадаться. Без документов да с таким багажом можно нешуточно влипнуть.

Порядок действия прежний – провести разведку, получить информацию. Легче всего это сделать в заведениях типа ресторана, ночного клуба, кафе.

Правда, ресторанов и ночных клубов я пока не видел, но вот кабак нашел довольно быстро. Первый этаж пятиэтажного дома, довольно скромная вывеска – неоновая реклама над навесом, несколько ступенек и двустворчатая дверь. Бар «Катарина».

Это было довольно большое помещение, разделенное на две неравные части, разгороженные полутораметровой декоративной стенкой. В большей части столы и стойка бара, в меньшей – бильярд. В баре работает телевизор. Огромный, ламповый. Звук отключен, на экране мелькают полуголые

красотки с микрофонами. Слушать их действительно незачем, а вот посмотреть есть на что.

Полумрак, смог сигаретного дыма под потолком, приглушенный гул голосов, резкие удары шаров, возгласы, звон пивных кружек.

Довольно спокойно. Люди пьют, едят, говорят. Компании по три-пять человек, иногда больше. У бильярдных столов любители погонять шары.

Посетители – мужчины от двадцати до пятидесяти лет. Одежда обычная, повседневная. Разнообразие нарядов не видно. Брюки, джинсы, рубашки, футболки, безрукавки, куртки. На ногах туфли, армейские ботинки, кроссовки.

Судя по всему, это рабочие с заводов, артелей, жители окрестных поселков. Для них бар – место отдыха и приятного времяпрепровождения после рабочего дня. Пара кружек пива, приятная беседа, партия в бильярд, а потом домой. Видно, что конфликтов здесь не бывает или бывает, но мало.

Я действовал по старой схеме. Нашел место, заказал пиво и нехитрую закуску (бутерброды, мясную и рыбную нарезку), попил, перекинулся парой фраз с соседями, ответил на вопросы (кто, откуда, где живешь?). А потом подсел к одной компании.

Это были местные жители, рабочие с авторемонтных мастерских. Отработав дневную смену, они по привычке зашли в бар – посидеть, попить пива, обсудить последние новости.

Новичка приняли доброжелательно, но сперва устроили небольшой допрос – кто? откуда? зачем приехал?.. Мера предосторожности, вполне обоснованная в такое тревожное время.

– Ситаховка. Поселок под Палатинском. У нас там совсем туго!.. Народу нет, делать нечего. А в городе... – Я махнул рукой, вздохнул и глянул на собеседников. – Сами знаете.

– Знаем, – кивнул один из них, седовласый мужчина лет пятидесяти. – Крепко вам досталось тогда. Сперва бомбардировка, потом бои...

– Там что, сейчас вообще никого? – спросил второй. Этот был моложе раза в два. С каким-то унылым лицом и замедленными, усталыми движениями.

– Ну почему никого?.. – вспомнил я то небольшое, что знал о Палатинске.

Бомбардировка двумя эскадрильями в восемьдесят седьмом, затяжные бои между частями Югорской республики и отрядами самозванного правителя области, решившего создать нечто вроде анклава. Применение гаубичной артиллерии, установок РСЗО. После двух месяцев боев от довольно приличного по размерам города мало что осталось. Обе стороны не хотели отступать. Палатинск – крупный железнодорожный узел. Кроме того, здесь были аэродром, нефтеперерабатывающий завод, теплоэлектростанция. А также несколько больших предприятий оборонного назначения, склады с военным имуществом... Лакомый кусок.

– Почему же никого? – пожал я плечами. – Кое-кто живет. Слышал, есть планы по восстановлению промышленности. Опять же ТЭС хотят запускать... Но... Там ни условий для жилья, ни жратвы нет. Люди на своих участках копаются, тем и живут.

Собеседники понимающе закивали.

– А здесь хоть жить есть где. Да и город... После нашего поселка здесь все кажется роскошным. Вон кабаки, пиво, жратва... Огни горят, народу полно... Тоже хочу так... Мне бы только работу найти и угол какой.

– С этим не проблема. – Седой пододвинул мне тарелку с бутербродами. – Работа есть, полно. Люди везде нужны. На бирже труда списками все стены заклеены. Ты делать чего можешь?

– Да что скажут, то и буду.

Я про себя порадовался невнимательности новых знакомых. Будь они понаблюдательнее, заметили бы и добротную по здешним меркам одежду, и отнюдь не оголодавший вид «погорельца». Может, скудное освещение не давало разглядеть меня, а может, и не особо интересовало, вру я или нет?..

Так или иначе, но в компанию меня приняли. Я пил пиво, слушал разговор, иногда задавал вопросы и... мотал на ус.

Посетители в баре менялись. Кто-то приходил, кто-то уходил. Время шло к полуночи, и зал был забит почти битком. Здесь в основном были завсегдатаи. Кто неподалеку жил или работал. То и дело звучали приветственные возгласы, шлеп-

ки рукопожатий, шутки и смех.

К нашему столику тоже подходили. Здравовались с моими новыми знакомыми, о чем-то говорили. Спрашивали, сами рассказывали. Не обходили вниманием и мою персону.

– Приезжий, – объяснял Николай (седой). – Из-под Палатинска.

– Работу ищет, – добавлял Никита (молодой). – Любую.

– Ну, это не проблема! – успокаивали знакомые. – У нас на заводе слесаря требуются. И фрезеровщики, и токари, и грузчики.

– Да и водители, – добавляли другие. – А вон у Сеньки Комара в артели электрики, наладчики, техники...

– Платят прилично, карточку продуктовую дополнительно дают на детей. У тебя дети есть?

– Нет, – смущенно качал я головой.

– Ну да, молод еще!..

– Карточки положены и тем, кто вахтовым методом работает. На военном заводе доплачивают и за режим.

– На биржу ему надо, – говорил Никита. – Там и разберется.

– А что на бирже?! – возражал кто-то. – Те же места! Я так думаю, лучше по знакомству идти, чем так... по направлению. Опять же свои люди, легче привыкнуть. И жилье подберут приличное, а не халупу какую, что руководство выделяет.

– А что, еще и жилье дают? – вполне искренне изумился я.

– А как же! Дома стоят, квартир полно. В городе едва ли половина населения сейчас! Вот и заселяют. А будет желание купить – есть жилой фонд. Кредит дадут беспроцентный. И помогут с оформлением.

Щедрые условия, надо признать. Впрочем, объяснение такой щедрости одно – заводам позарез нужны рабочие руки. Ибо вкалывать на производстве даже при таком «шоколадном» режиме далеко не каждый согласен. Кто-то отвык, кто-то нашел иное занятие, кто-то погиб, другие в армии. Труд женщин здесь используют только в определенных производствах – швейные, ткацкие артели, больницы и лазареты, детские сады, школы. К станку их не ставят и за баранку трактора и грузовика не сажают. Берегут.

– Да, это здорово! – восхитился я. – Утром на биржу побегу. Выберу подходящее. Чтобы денег побольше платили! Надоело в нищете жить.

Это замечание вызвало смех. На меня смотрели с интересом и снисхождением. Видимо, подобные стремления высказывались многими новичками.

– На какие-то особые богатства не рассчитывай, – предупредил Николай. – Даже токари и слесари пятых и шестых разрядов получают около двухсот пятидесяти рублей. Вполне прилично. Хватает и на продукты, и на одежду... На себя и на семью. Но ничего лишнего он позволить не может. Машину, например... Даже инженеры не скоро машину купят.

Хотя имеют и по три с половиной сотни.

– Машину сейчас мало кто имеет, – вставил Никита. – Бензин – дефицит. Дизельное топливо и газ – дефицит, хотя и меньший. Да и личные авто могут забрать для армии. Хотя и заплатят по реальной стоимости.

– Чтобы денег заработать, надо на границу ехать, – прогудел здоровенный мужик с могучими плечами и какой-то нереально-объемной шеей.

Это был Данила – бригадир смены кузнечного цеха. Рост под два метра, силища необычайная. И при этом невероятно спокойный характер. Хотя, как успел шепнуть Никита, этот гигант во время уличных боев в городе успел повоевать. И пришиб какого-то гада голой рукой. У того голова ушла в плечи.

– Там сейчас платят хорошо, – продолжил Данила. – Даже простым рабочим. По триста – триста двадцать рублей. А со специальностью – и по четыре сотни.

– Ну да! – воскликнул его приятель – тщедушный парень с заросшей щетиной физиономией. – Платят! Да там легче пулю схватить, чем свои деньги получить. Это же верное самоубийство – лезть на границу!

– Зато деньги! – почему-то вздохнул Никита.

– Приманка. Для тех, у кого в голове ветер, а в кармане пусто.

– Или для тех, за кем кровь, – негромко сказал Николай. – На границу бегут и от полиции.

– Я видел списки вакансий в Самаке, – пробасил Данила. – Целая простыня. В три слоя. Проще сказать, кто там не нужен. Остальных с руками оторвут, даже если пентюх и неуч.

Я насторожился. Самак! Уж теплее... Что еще знают об этом городе?

– Самак – это где-то на юге, да? – будто бы мимоходом спросил я.

– Да. Сто девяносто километров. Его недавно освободили. Но туда соваться опасно. Слишком часто банды из каганата снуют. Вон сегодня передали – напали на поселок, вырезали всех и дома подожгли. Когда солдаты приехали – одни головешки остались.

Это новость! Я и не знал, не успел проследить за радиопередачами из-за последних событий.

– И что, всех берут? – делая удивленный вид, поинтересовался я.

– Всех. И зачастую документов не спрашивают. – Никита покрутил головой, словно осуждая легкомыслие властей Самака. – Конечно, у них есть ориентировки на более-менее известных бандитов. Но всякая мелочь может проскочить.

– Всяка мелочь под пули не ползет, – рассудительно сказал Данила.

– Если только не хочет на ту сторону перейти.

– Для этого на биржу приходить не обязательно.

Рабочие увлеклись темой, обсуждая и нехватку людей, и количество вакансий, и оплату труда, и проблему бандитиз-

ма. Вспоминали, приводили примеры, спорили, доказывали...

Я вертел головой, слушая всех сразу, вычленив нужное, важное. И внутренне ликовал. Мой план вполне осуществим. И даже документы не нужны. Правда, какая-то легенда все же должна быть. Но это уже мелочи...

Часы показывали половину двенадцатого ночи. Людей в баре стало гораздо меньше. Все спешили по домам. Завтра утром опять на работу, надо отдохнуть. Наша компания тоже расходилась. Я напоследок выяснил адрес ближайшего общежития, где можно было переночевать. Потом пожал руки рабочим, выслушал последние наставления и пообещал, если вдруг выберу место здесь, в Тарсате, обязательно найти их.

Улицы тоже опустели. Фонари теперь горели не все, а через один, и все равно света было достаточно, чтобы разглядеть и дорогу, и редкие машины и людей.

«Что ж, – подумал я, – часть дела сделана. Информация получена. В Самак приеду вполне легально, да еще с направлением от местных кадровиков. Но это не все. Теперь бы получить сведения о местном криминалитете. Так сказать, об изнанке жизни. Бар „Катарина“ для этих целей не подходит. Нужно другое место...»

И оно есть.

– «Бездна», – рассказывал о нем Никита. – Перекресток Кутеповской и Барминной. Вполне приличное заведение, но после двенадцати туда любит наведываться всякая шантрапа. В основном не местные.

– А полиция куда смотрит?

– Что полиция?.. Эти парни не дураки – с собой ничего такого не носят. Только оружие. Но оно разрешено.

– Смотри, – вставил Николай. – Это публика гнилая. Могут и нож в бок сунуть, и по башке дать. А если почуют, что за ними хвост полиции, – начнут стрелять. Они хоть и мирно себя ведут, но лучше с ними не связываться.

Не связываться!.. Хороший совет. Но в том-то и дело,

что просто необходимо связаться с «шантрапой». Ибо только они смогут рассказать то, о чем не знают рабочие.

О «деловых» людях на границе и около нее. О возможных связях с каганатом. О тайных путях и «дырах» на границе. И тех, кто может владеть такой информацией.

Подобные сведения просто необходимы для того, кто не исключает тайный переход границы и появление в каганате. То есть – я.

Перекресток, где располагалась «Бездна», был более оживлен, чем другие улицы. И освещен лучше. Кутеповская – почти центр города. Неподалеку мэрия, полицейское управление, штаб гарнизонной части. Плюс офисы и штабы некоторых гражданских и военных организаций. Поэтому и людей больше, и освещение сильнее...

На первый взгляд, место для увеселительного заведения с сомнительным контингентом выбрано неудачно – под носом у полиции и армии. Но на самом деле как раз из-за обилия всевозможных офисов и штабов полиция проявляла минимум активности. Кто рискнет устраивать беспорядки или как-то иначе нарушать общественный порядок?

Сбавив шаг, я прошел мимо бара по другой стороне улицы, внимательно рассматривая вход в «Бездну», сам перекресток и обстановку на нем. Ничего особенного. Проскочил автобус с затемненными окнами, следом грузовик. Мимо прошли с десяток человек, все мужчины. Двое заверну-

ли в бар. Через несколько секунд оттуда вышли пятеро мужчин среднего возраста. Одежда обычная – брюки, рубашки, легкие куртки или безрукавки. Яркое освещение позволяло разглядеть мелкие детали одежды и лица людей. Ничего особенного – люди как люди...

Два больших семиэтажных здания – мэрия, управление полиции, офисы городских служб – стояли на самом перекрестке. Во многих окнах свет – кто-то еще работает. Над ближним зданием лениво колыхается на ветру флаг республики – на темно-красном поле зеленая поперечная полоса в серой окантовке.

Не обнаружив ничего подозрительного, я еще раз посмотрел по сторонам, потом перешел дорогу и толкнул тяжелую дверь бара.

Внутренняя планировка «Бездны» мало чем отличалась от планировки «Катарины». Наверное, в городе действовал единый стандарт интерьера подобных заведений.

Довольно большое помещение. Слева общий зал – столы, стулья, стойка бара. Справа за перегородкой игровой зал. Бильярд, дартс, игровые автоматы...

Приглушенная музыка – импортная, неяркое освещение, мерцание включенного экрана телевизора над баром. Людей не очень много. Десятка два в общем зале, чуть меньше – в игровом. Кто гоняет шары на бильярде, кто пытается удачу у «одноруких бандитов», кто бросает стрелки в мишень.

Лучшее место для наблюдения – у стойки бара. Видны оба зала, вход и дверь в туалет. Да и при случае есть куда спрятаться. Мельком глянув на себя в большое зеркало на стене, я пошел к бару.

За стойкой стоял тучный мужик лет сорока, с небольшой бородкой, короткими полуседеыми волосами и изогнутым носом. Взгляд цепкий, настороженный. На лице едва заметная улыбка.

В заведениях подобного рода персонал обычно на крючке либо полиции, либо бандитов. Иногда на тех и на других сразу. Это и неудивительно. Официанты и бармены постоянно общаются с клиентами, что-то видят, что-то слышат. Зачастую помогают кому-то. Так что ни одна, ни другая сторона не проходит мимо таких помощников.

Местный бармен тоже «стучит» кому-то. Вероятнее бандитам. Уж больно неприятный у него вид. Впрочем, это субъективное мнение...

* * *

– Что-то закажете? – прогудел бармен, продолжая сверлить меня взглядом.

Я посмотрел на зеркальную стойку за спиной бармена. Три длинных ряда бутылок. Водка, коньяк, бренди, виски, джин, ром, горилка, мартини, чинзано, вина, настойки... Неплохо для воюющей республики! Видимо, бутлече-

ры³ здесь процветают.

– Мартини с тоником и льдом. Двойная порция.

Бармен неспешно извлек из холодильника запотевшую бутылку мартини, налил сто граммов в измерительную мензурку, потом перелил в конусообразный бокал на высокой тонкой ножке. Затем вытащил пластиковую двухлитровую бутылку и вылил в бокал граммов сто пятьдесят тоника. Достал с нижней полки небольшой пластиковый контейнер, в котором был переносной холодильник, щипцами вытащил три кубика льда и тоже аккуратно опустил в бокал. Следом бросил тонкую соломинку. Бокал поставил передо мной.

– Десять рублей.

Я невозмутимо раскрыл кошелек, поискал десятирублевую купюру, выложил на стойку. Боковым зрением успел отметить быстрый взгляд бармена на кошелек. Внушительная пачка денег должна произвести на него впечатление. Там лежало почти три тысячи рублей. По местным меркам – огромные деньги.

Ход простой и незамысловатый. Но вполне действенный. Бармен обязательно поделится с кем-нибудь впечатлением о новом клиенте и о содержимом его кошелька. И эти «кто-нибудь», может быть, захотят свести более близкое знакомство со мной. С целью дележа чужих финансов. Не здесь, конечно, а где-нибудь в тихом укромном месте.

Да, риск есть. Как и шанс засветить кошелек впустую. Но

³ подпольные торговцы спиртным.

тут уж выбирать не приходится. У меня нет времени придумывать более изысканные ходы. А устраивать захват «языка» прямо здесь глупо...

Убрав кошелек, я подхватил бокал, стенки которого успели за неполную минуту запотеть. Через соломинку втянул коктейль. Хм-м! По крайней мере мартини здесь настоящее. Вкупе с тоником – божественный вкус. А лед снимает легкую горчинку и оттеняет сладкий привкус вермута. Не зря платил деньги.

Я сел вполоборота и, неторопливо опустошая бокал, стал рассматривать зал. И посетителей, сидевших в нем.

«Николай не врал. В этом заведении есть интересные персоны. Интересные с точки зрения нужных знакомств. Всего несколько, но есть. Вон за дальним столиком, в углу, где совсем мало света, сидят четверо. Джинсы, черные водолазки, просторные куртки, по покрою напоминающие пиджаки. Левые полы подозрительно топорщатся. Фигуры плотные, крепкие, лица не то чтобы злые, скорее нерадостные. Взгляды пристальные, прицельные. Кто они? Скупщики краденого, контрабандисты, поставщики наркотиков, бандиты?.. Навскидку и не определить. А вон еще одна пара. Прикиды схожие, а вот лица другие. Эта братия рангом пониже. Посредники, продавцы наркоты, исполнители, словом, шестерки. Возможно, пришли вместе с теми, но сидят отдельно. Уровень не тот».

Остальные посетители бара были обычными людьми – ра-

бочие заводов и артелей, фермеры из пригородных поселков. Трогательный симбиоз...

Кстати, никто из рабочих оружия с собой не принес. Хотя в республике гражданам разрешено хранить и носить огнестрельное оружие, короткоствольное и длинноствольное. Только не автоматическое. Но зачем рабочим оружие в городе, вдали от линии фронта? Это в Самаке все поголовно таскают стволы, а здесь нет. Вот и еще одно отличие обычных людей от «крутых».

Продолжая разглядывать оба зала – от бара были хорошо видны и игровой, и столики общего, – я внезапно заметил, что сам стал объектом пристального внимания. Со стороны тех самых парней. Ключули. Мой интерес привлек их взгляды или просто рассматривают новичка? Ладно, не будем им мешать.

Подхватив бокал, я пошел в зал, выбрал подходящий столик у стены и сел лицом к входу. И стойка бара видна, и крутые парни, и вход в помещение. И слить при случае можно – за спиной ход в подсобное помещение.

Парни проводили меня недобрыми взглядами и переглянулись. Потом посмотрели на соседей – ту самую пару. Буквально через несколько секунд один из них подошел к четверке, а потом рванул к бару. Ключули.

Я старательно делал вид, что интересуюсь игрой в сосед-

нем зале, кося взглядом в зеркало на стене. В него отлично видно, как худошавый патлатый хлыщ подходит к стойке бара, что-то шепчет бармену. Тот внимательно слушает, бросает в мою сторону недобрый взгляд и шепчет в ответ. Сликает информацию: общие впечатления, оценка внешнего вида и, конечно, – содержимое кошелька.

Вот и все. Что бы местные «деловые люди» ни подумали обо мне, они захотят проверить, кто я такой. А заодно заполучить мой кошелек. Здесь работать не будут, подождут, пока покину «Бездну».

* * *

Прошло полчаса. Народ начал расходиться. Покинули бильярд игроки, ушли из зала рабочие. Им на смену заявили несколько человек, но буквально на десять минут – пропустить кружечку пива.

Бандиты еще сидели. Получив от бармена информацию, они как-то утратили ко мне интерес и даже не смотрели мою сторону. Либо так хорошо маскировали свои намерения, либо посчитали, что я – не подходящий объект для потрошения.

Я недовольно хмурил брови, допивая уже второй коктейль. Заказ делал у стойки и, расплачиваясь, опять засветил бармену кошелек. Доложив предварительно туда еще одну пачку десятков – для солидности. Но бармен не повел и гла-

ЗОМ.

Их не интересуют деньги? Эту четверку – может быть, но их прихлебателей-то должны. Вряд ли они имеют такой куш даже за полгода. Тогда в чем дело? Думают, что я полицейская подстава? Может быть...

Расстроенный, я допивал остатки коктейля, скользил взглядом по залу, не упуская из виду бандитов. Вдруг мелькнула мысль – а если они не бандиты?! А просто работяги, строящие из себя крутых. Но зачем? Что же делать?..

Скосив взгляд на левую руку, посмотрел на часы. Начало второго. Уже много времени. Сидеть здесь дальше не имеет смысла. Искать другие заведения, где могут быть бандиты, – глупо. Бродить по подворотням в поисках шпаны – еще глупее.

Остается одно – идти в общежитие. На сегодня приключений хватит.

Придя к такому выводу, я отставил бокал и поднялся.

«Ладно, попробуем другой вариант. Если и он ничего не даст – значит не повезло...»

Напустив на себя недовольный вид, я подошел к стойке бара, тяжело навалился на нее и вперил взгляд в длинный ряд бутылок за спиной бармена. Потом посмотрел на него.

– Что-то еще? – процедил тот.

– Что-нибудь покрепче водки есть?

Тот удивленно вскинул брови, показал рукой на высокую бутылку с желтоватой жидкостью.

– Горилка. Шестьдесят один градус.

– Не-е. Я не об этом. Травка есть? Или порошок?

Бармен пару секунд напряженно смотрел на меня, словно не веря своим ушам. Потом мотнул головой.

– Не держим.

Я хмыкнул, поправил воротник куртки.

– Завоза нет? Некому везти? И этим тоже?

Мой взгляд упал на столик, за которым сидела та четверка.

– Или у вас тут нет любителей раскумариться?

Бармен слегка побледнел, кинул растерянный взгляд в зал, потом так же неохотно сказал:

– Я тебя не понимаю. Что-нибудь надо?

– Надо. Скажи, в городе есть где переночевать?

– На Тисовой гостиница «Орион». Дешевая. И отсюда близко, минут пятнадцать пешком.

– Ясно...

Рабочие называли мне другое место – общежитие бывшего института машиностроения. Неподалеку от биржи. Может быть, на Тисовой местная «малина»?

– Это где? – недоуменно спросил я. – В вашем городе хрен что найдешь! Братва говорила, что есть приличные места, а тут одни забегаловки. Нормальных пацанов нет. Даже курнуть нечего.

Нелестное мнение о «Бездне» бармен воспринял болезненно. Нахмурил брови и окатил меня злым взглядом. Но

сдержался. Пробурчал:

– Выйдешь из бара налево, там Барминная. По ней до перекрестка и снова налево. Вдоль забора метров триста – трехэтажное здание. Это и есть «Орион».

– А там травку можно найти?

– Не знаю.

– Ладно, кореш, – примирительно сказал я. – Не буксуй. Я не хотел тебя обидеть. Если хочешь, наши парни будут завозить товар и к тебе тоже. Чтобы как у людей все было.

– Какой еще товар?

Я ухмыльнулся, растянув губы до ушей. Подмигнул.

– Тот самый. Который цепляет лучше водки и горилки.

– И откуда у вас такое богатство?

– Из Зырян. Слышал?

– Слышал...

Бармен озадаченно мигнул и опять посмотрел в зал. Похоже, поверил, что я действительно могу достать наркотики.

Что значит – иметь нужную информацию! Зыряны – довольно большой город в пятистах с лишним километрах на восток от Тарсата. До войны там действовал крупный научно-исследовательский медицинский институт. У них были свои плантации конопли и мака.

Когда началась гражданская война, институт закрыли. Склады и плантации разграбили. И даже сейчас, когда республика вновь взяла власть в городе, подпольные цеха гнали продукцию – марихуана, анаша, опиум...

Сказав, что приехал из Зырян, я тем самым дал понять, что принадлежу к зырянновской наркосети. И выступаю в качестве агента. Вот за эту информацию местная братва ухvatится. И захочет услышать от меня объяснения. Ну а если не захочет... Тогда это не братва вовсе, а я – лопух, потерявший зря время.

– «Орион», говоришь? – переспросил я и махнул бармену рукой. – Бывай, дядя!

Поправил воротник куртки и потопал к выходу. На полпути притормозил, вроде как отряхнуть штанину, и увидел, что бармен вышел из-за стойки и спешит в зал. К той четверке парней, что все еще сидели за столом.

«Так-то, – удовлетворенно подумал я. – Теперь уж мимо ушей не пропустите...»

На улице царилa осенняя ночь. Похолодало, подул свежий ветерок. Табло на самом высоком здании показывало всего семнадцать градусов. От дневного тепла не осталось и следа. Впрочем, кому-то семнадцать градусов – холодно, а по мне – в самый раз. Футболка под легкой, почти невесомой курткой промокла насквозь. И снять ее я не мог, она скрывала наплечную кобуру и пистолет.

Машины исчезли, прохожих на улице нет, две трети фонарей не горят – режим экономии электроэнергии. Правда, у зданий мэрии, полиции и городских организаций дежурят патрули, но здесь, на углу Барминной и Тисовой, тихо и без-

людно.

Я шел по указанному барменом маршруту, надеясь, что последняя информация заставит местных бандитов выпасть из летаргического сна и проверить, что за хлыщ приехал в их город. Наверняка в Тарсате есть своя сеть распространения наркотиков. Пусть и чахлая, слабая. А тут приезжает некто из города, широко известного как центр наркоторговли, и начинает задавать вопросы. Подозрительно...

В таких случаях братва времени даром не теряет. «Гостя» берут в оборот и беседуют. Либо мирно, либо – не совсем.

Я успел свернуть на Тисовую и пройти вдоль забора метров пятьдесят, но никакой слежки, никакой погони не обнаружил. Может, ждут у «Ориона»? Самонадеянный ход. Не факт, что я пойду именно туда...

Тисовая была освещена хуже, чем центральные улицы. Горел каждый пятый фонарь, окна в домах темные, так что света совсем мало. Вдобавок луна скрыта за облаками. Дома здесь большей частью двух – и трехэтажные, между ними дворы с кустарниками и лужайками, дорожки, невысокие заборы... В глубине дворов строения – гаражи, сарайчики. Там темно, различить что-нибудь невозможно. Отличные места для засады.

Конечно, местные парни город знают отлично, могли пройти по дворам и стеречь меня где-нибудь в подворотне. Однако я не слышал ничего подозрительного. Ни шороха, ни

шлепанья подошв по асфальту и земле, ни напряженного сопения.

Большая часть пути позади. Впереди уже можно различить трехэтажное здание, на фасаде которого горит небольшая вывеска – «Орион». Перед зданием горит фонарь. Рядом припаркованы две легковые машины. Стоят несколько человек. Они?

Трое или четверо, из-за машины не видно. Нехилые фигуры и, судя по всему, совсем не старые люди. Личный транспорт – роскошь, доступная пока очень немногим.

Я тронул локтем рукоятку пистолета, прикидывая на ходу маневр. Эти парни могут подпустить меня ближе, а там либо попробуют захватить, либо устроят пальбу. Первый вариант не опасен, второй нежелателен. Перестрелка неподалеку от полиции в мои планы не входит. Бегай потом по улицам, заметая следы. И «языка» взять сложнее.

Сосредоточившись на стоящей у «Ориона» компании, я немного ослабил внимание за дворами, поэтому, когда с левой стороны зашумели кусты, вполне естественно вздрогнул.

Из кустов выскочили два парня и загородили мне дорогу. И хотя освещение оставляло желать лучшего, я сразу опознал в них тех братков, что сидели в «Бездне». Не утерпели все-таки.

– Стоять! – приглушенно скомандовал один из них, тот, что повыше. – Пикнешь – пришью.

В правой руке он держал внушительного вида кинжал. Второй стоял вроде бы с пустыми руками, но левая пола его куртки сильно оттопыривалась.

«Оба спереди, сзади никто не боится, — мелькнула мысль. — ...А те люди у гостиницы не из их команды. Иначе бы эти не боялись шуметь. Уже легче. Но сколько их? Двое? Или еще кто в кустах сидит?»

— Иди за нами и не вздумай дернуться, — предупредил тот, что с ножом.

— Ага, ага... — забормотал я, делая испуганное лицо и поднимая руки на уровень плеч. И прилагая большие усилия, чтобы не растянуть губы в довольной улыбке — сами в темное место уводят. Не придется потом утаскивать и прятать...

За кустарником была небольшая площадка, окруженная молодыми деревцами. Метрах в сорока стоял трехэтажный дом, неподалеку — несколько деревянных строений, чуть дальше — стена еще одного здания. Единственный источник освещения — фонарь у подъезда дома. Лампочка ватт на шестьдесят. Да еще луна, выплывшая из-за облаков, немного подсвечивала землю.

Один из братков — тот, что повыше, с ножом, — толкнул меня в спину и злобно прошипел:

— Значит, наркоту привез?! И сам толкать собираешься? И платить за чужое место не хочешь?

— Парни, парни, в чем дело? — испуганно и удивленно лепетал я, пожимая плечами. — Какую наркоту? Вы о чем?

– О том, придурок, – вступил в «беседу» второй, с пистолетом, – что ты трепал бармену в «Бездне». О порошке, травке и поставках... Забыл?

– Да я... да я это... – чуть пятась и принижая голос, продолжал бормотать я. – Я ведь так... понты кидал...

– Понты? Я тебе сейчас за такие понты яйца отрежу! – Первый угрожающе махнул ножом перед моим носом и шагнул вперед.

Мой дрейф в сторону дома и тихий голос заставили их подойти ближе. А трусливое безвольное поведение придали уверенности и снизили бдительность. По крайней мере наступали они на меня плечом к плечу, не позаботившись даже взять в «вилку» – то есть зайти с двух сторон.

«Больно самоуверенные и тупые типы. Не очень-то я похож на того, кто испугается ножа и двух придурков... Или привыкли подавлять любого, не знают, что может быть иначе?..»

Отходил я с определенной целью – чтобы увести их подальше от дороги. Вдруг кто случайно увидит или услышит...

– Кто тебя послал сюда? – продолжал наседать первый. – И зачем?

Все, хватит. Нормальное место, никто не увидит. Да и тянуть больше нельзя...

– Кто послал? – Короткий взгляд на второго – как тот себя ведет, где его руки? – Если скажу – не поверишь.

– Хватит дурака валять! Я тебе сейчас рожу располосую, враз перестанешь языком трепать! Кто послал?!

– У меня на бумажке записано. – Я зашарил в кармане, вроде как ищу что-то.

Там лежали информационные бюллетени, сорванные со щита еще в Самаке. Бандиты сперва напряглись, потом увидели листки, опустили руки. Я сунул смятую бумагу им под нос.

– Вот, читайте.

– Ты что, козел, нам суешь? – начал было второй, отбрасывая мою руку в сторону и делая шаг вперед. – Какие бумажки?.. На хрена они мне сдал...

Едва он закрыл обзор товарищу, я левой рукой саданул ему по глазам, а когда тот с приглушенным возгласом отпрянул, запрокинув голову, правой влепил в кадык. Бандит еще стоял на ногах, когда я толкнул его на напарника, а сам достал нож.

Первый, надо отдать ему должное, сориентировался быстро. Не став удерживать товарища, обогнул его и кинулся вперед, выставив нож. В сумраке ночи не разглядел лезвия моего ножа, попробовал нанести удар, получил клинком по запястью, вскрикнул, роняя оружие, и захрипел. Мой выпад достиг цели – левой стороны груди. Еще один удар разорвал кожу над ключицей и легко погрузился в тело.

Пока один дергал ногой и икал в предсмертных судорогах, а второй тяжело приходил в себя, я на ощупь нашел бума-

ги, сунул их обратно в карман, схватил уцелевшего, быстро скрутил ему руки за спиной и поволок к дому. Досматривать первого не стал. Два смертельных удара – хорошая гарантия выполненной работы.

Дом был жилым – это я разглядел даже в темноте. А жилой дом, в каком мире он ни стоит, имеет стандартную конструкцию. Этажи, крыша, стены и... подвалы. Подвалы сейчас меня интересовали больше всего.

Подвал первого подъезда заколочен крест-накрест толстыми досками. Подвал второго завален железным ломом и битым кирпичом. Подвал третьего вроде как доступен. Фонарик высветил низкий потолок, кирпичные, в подтеках стены, песок и гнилые доски под ногами. Куча мусора в углу, резкий запах аммиака, сырость. Самая подходящая обстановка...

Прийти в себя пленнику я позволил, только когда закончил все приготовления. Это не заняло много времени – покрепче связать руки, срезать ремень джинсов и стянуть их, вставить меж коленей обломок доски, зафиксировав ноги. Срезать трусы, стащить куртку и свитер, подготовив тем самым братка к самой драматической части встречи.

От сырости и холода тот быстро пришел в себя. Дернулся, мотнул головой, шевельнул руками – безуспешно. Мутный взгляд рыскнул из стороны в сторону, налетел на фонарик. Глаза моргнули.

– Блядь!..

Несильный удар по скуле заставил его замолчать.

– Говорю я. Ты слушаешь, потом отвечаешь. Отклонение от плана – минус палец. И так далее. Ясно?

– С-сука! Тебя на куски...

– Но сперва я тебя!

Острые ножа вошло в ступню в миллиметре от большого пальца, перерубив кожу, сухожилия и кость. Дикий рык вырвался из пасти бандита и тут же стих. От удара по губам.

– Продолжим или понял?

Скрежет зубов, приглушенный стон, невнятная ругань. Луч фонарика выхватил искаженное болью и ненавистью лицо. Глаза лезут из орбит, по губе на подбородок обильно стекает кровь.

– Готов к беседе? Не слышу?! Нужен стимул?!

– Что ты хочешь?

– Ага, одумался! Тогда начнем...

...До общежития, о котором говорили рабочие, я добрался в начале третьего часа ночи. Вопреки ожиданиям оно еще работало. В небольшом холле за высокой стойкой сидела администраторша – тучная женщина лет сорока. Лицо усталое, глаза за стеклами очков покрасневшие.

Тут же в холле находились человек пять. Судя по обилию чемоданов и дорожных баулов – приезжие. Одеты по-деревенски – брюки из плотной ткани, резиновые и кирзовые са-

поги, рубахи в клетку, пиджаки, сшитые по моде двадцати-, а то и тридцатилетней давности, длинные плащи. На головах кепки или шляпы. Возраст – от двадцати до пятидесяти лет. Наверняка сельчане.

Они сгрудились у стойки, читая объявления, вывешенные на доске, и что-то спрашивая у администратора. Та листала толстую книгу и косила взглядом на приезжих.

Я подошел к администратору, стукнул пару раз по стойке.

– Простите. По поводу номеров. Есть одноместные?

Женщина подняла голову, бросила на меня оценивающий взгляд. Покосилась на мужчин.

– Одноместные есть только на втором этаже. Не люкс и не полулюкс.

– То есть?

– Туалет и душевая общие. Кухня тоже общая.

– Нормально. Мне на эту ночь.

– Одиннадцать рублей. Вы на работу устраиваетесь?

– Да.

– Если денег нет, можете дать расписку. После получения аванса расплатитесь.

– Даже так? – удивился я. Интересные порядки! – Нет, я заплачу сразу.

Отдав деньги, я взял ключ с большой биркой, выяснил, куда идти, и отошел от стойки. Мое внимание привлекли объявления.

Это были списки вакансий на заводах и в артелях – пере-

чень специальностей, уровень зарплаты, графики работ, другие условия. А также адреса, по которым надо обращаться. Большей частью это были отделы кадров заводов.

Рабочие в баре не соврали – уровень зарплат приблизительно такой, как они говорили. Плюс некоторые льготы, страховки, надбавки. Плюс дополнительный продуктовый паек.

Довольно щедрые условия, недаром приезжие сельчане так оживленно переговариваются, обсуждая прочитанное. Для них это в диковину. Видимо, отвыкли от нормальных условий.

Дочитав списки, я направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Хотелось упасть на кровать и закрыть глаза. Длинный, полный напряжения и тревог день здорово вымотал меня.

...Бандита звали Петр. Это первое, что я у него узнал. На второе выяснил, кто он и на кого работает. На третье – что представляет собой местный криминалитет. На четвертое... На пятое... И так далее по списку.

Петро отвечал. Не то чтобы охотно и с желанием, но правдиво и в достаточном объеме. А когда правдивость с моей точки зрения падала ниже критического уровня, я приводил ее к нормальному виду с помощью ножа и кулаков.

Под конец беседы бандит уже уразумел, что я не лох, не мелкая шестерка, не наркоторговец и вообще не имею ника-

кого отношения к криминалу. Также у него хватило ума понять, что и к властям не имею никакого отношения. На этом его фантазия иссякла. Что пошло на пользу разговору. Ибо ничто не пугает больше, чем полная неизвестность.

– Убьешь? – безжизненным голосом спросил он, глядя на нож.

– У тебя есть другие предложения?

Бандит опустил голову, уставив взгляд на окровавленные ступни. Подышать ему, как и всякому человеку, не хотелось. Умолять и плакать не позволяла гордость, порядком истоптанная за последние полчаса. А рассчитывать на снисхождение глупо.

Я бы оставил ему жизнь. Если бы точно знал, что он не побежит к своим браткам и не выложит подробности последних событий. А так... удар ножом в сердце был актом милосердия. Быстрая смерть. Без мук и страданий.

Труп я спрятал в небольшой ямке и завалил мусором. Пятна крови затер, промел пол тряпками. При поверхностном осмотре отыскать следы пребывания невозможно. Если кто и будет искать...

Одноместный номер общежития – это небольшая комната, узкая кровать с железной сеткой, прикроватная тумбочка, шкаф под одежду, стол и два стула. Мебель старая, с облезлой краской, со сбитым лаком. Кровать скрипит. Матрац выцветший, подушка давно потеряла форму и половину пе-

рьев. Одеядло сбитое. Белье тоже далеко не новое, правда, свежевывстиранное, отглаженное.

На потолке шестидесятиваттная лампочка под зеленоватым абажуром. Нижняя часть окна закрыта листом фанеры. Верхняя застеклена. Форточка забита гвоздями.

Суровая спартанская обстановка. В качестве ночлежки подойдет, и то на короткий срок. Как раз для тех, кто приехал искать работу. Те, кто уже работает, либо покупают жилье в рассрочку, либо снимают квартиры, благо половина домов в городе пустует.

Пять минут я потратил на осмотр и некоторые перестановки. Кровать от окна перетащил к внешней стене, скрыв тем самым ее от обзора извне. Шкаф поставил в трех шагах (благо он пустой и легкий). Рядом впритык поставил стол. Дверь закрыл на замок, под ручкой пристроил стул. Так, чтобы он спинкой фиксировал ручку в верхнем положении. Теперь дверь без большого шума и применения инструмента не открыть.

Пожалуй, все. Меры безопасности приняты. На тот случай, если бандиты вдруг каким-то образом сумеют вычислить меня и попробовать пришить. И хотя вероятность такого исхода близка к нулю, расслабляться себе я не позволил.

Раздеваться не стал. Только снял обувь и куртку. Пистолет положил под подушку, нож пристроил под матрацем. Перед тем как выключить свет, еще раз осмотрел комнату.

Сквозь окно внутрь без шума не проникнуть. При обстре-

ле кровать в мертвой зоне. Вот если прилетит граната, будет хуже. Правда, ударную волну и часть осколков примут на себя шкаф и стол. На меня они не упадут – поставлены враспор. В случае прорыва через дверь я услышу шум и успею встретить «гостей». Конечно, не идеал обороны, но и этого хватит.

Выключив свет, я лег на кровать и закрыл глаза. Несколько минут лежал, мысленно оценивая полученные сведения, а потом заснул.

* * *

...Проснулся в паршивом настроении. Сам не знаю, от чего. Перед глазами белый, в разводах и подтеках потолок, в ушах легкий гул голосов и шум шагов за дверью, во рту привкус вчерашнего мартини. В левой руке пистолет. Когда успел вытащить его из-под подушки, не помню. Интересный, наверное, был сон...

Пять минут ушло на приведение обстановки в комнате в прежний вид. Шкаф в угол, стол на место, разблокировать дверь, подвинуть кровать. Сунув пистолет в кобуру и накинув куртку, подхватил полотенце и вышел в коридор. Где-то тут умывальник...

Туалетные комнаты на этаже были разделены на две части. Мужская и женская. Три душевые, ряд умывальников, сушилка. В соседнем помещении – уборная.

Когда я вошел в туалетную комнату, здесь уже были два человека. Средних лет мужчина и молодой парень с копной рыжих волос. Они обернулись на звук шагов, и я узнал в них вчерашних сельчан, что приехали ночью.

– Привет, – махнул рукой рыжеволосый. Капли воды с его руки сорвались и веером упали на мои брюки. – Ох, извини!

– Ничего.

– Ты тоже на работу устраиваться приехал?

– Что-то вроде того...

Я подошел к свободному умывальнику, крутанул кран и взял из мыльницы мыло. Это был прямоугольник простого хозяйственного мыла, еще нового, видимо, только сегодня положенного.

Потекла вода. Сначала желтоватая, ржавая, потом чистая. Причем не только холодная, но и горячая. Это плюс...

– Уже решил, куда устраиваться, или нет? – не умолкал рыжий.

– Думаю, – лаконично ответил я, намыливая руки.

– А мы уже решили... На строительный. В ремонтный цех. Платят хорошо, жилье дают, дополнительный паек опять же...

– Хватит болтать, балабол! – осадил его старший. – Дай человеку умыться.

– А я чё? Я ничё. Не мешаю.

Зубные щетки в набор принадлежностей не входили. Пришлось выдавливать пасту на палец. Я пару минут чистил зу-

бы, будучи избавленным поддерживать разговор со словоохотливым парнем. Впрочем, это не мешало ему продолжать монолог. Его старший товарищ ушел, перед этим поторопив его и напомнив о завтраке.

– Это мой дядя, – кивнув вдогонку старшему, сказал парень. – Строгий, но... справедливый.

– Рад за тебя.

Я вытер лицо и руки полотенцем, повесил его через плечо и подошел к парню.

– Артур.

– Семен.

Он пожал мою руку и расплылся в улыбке.

– Будем друзьями!

– Будем, – вернул я ему улыбку. Довольный вид молодого парня возвратил мне нормальное настроение.

– Тогда пошли завтракать.

– Хорошая идея. Но мне некогда. Биржа уже открылась. Надо поспешить, а то самые лучшие места разберут.

– Не успеют. Мы уже выяснили – на бирже людей мало. А мест много, выбирай, сколько хочешь.

– Правильно. Но я все равно побегу.

Махнув рукой Семену, я вышел из комнаты и направился к себе. Часы показывали начало десятого, действительно пора. Надо заканчивать предварительную работу и возвращаться в Самак. Впереди много дел...

Искомое заведение находилось на Катаманской улице в северной части города. Трехэтажное здание старой постройки, выкрашенное в серый цвет. Большие окна, высокие потолки. Широкие коридоры. Массивный навес над крыльцом, двустворчатые двери из дуба, тяжелые медные кольца.

Два больших стенда у входа спрятаны под многочисленными листами с перечнем вакансий. Точно такими же листами увешаны стены холла и приемной.

В холле находились человек пятнадцать. Большею частью приезжие из сельской местности. В возрасте тридцати-сорока лет. Наверное, в местных селах дела идут совсем плохо, и каторжный труд на земле не позволяет нормально прожить. А может, у них иная причина?..

Тут же в холле было два больших стола, на них лежали бланки заявлений, образцы контрактов, списки предприятий города и области, ручки, карандаши, ластики.

С противоположной от входа стороны три двери. На всех надписи – «Приемная отдела кадров». Чуть в стороне за углом еще один кабинет – там сидит представитель вооруженных сил. Набирает будущих солдат.

Я начал просмотр объявлений с левой стены. Первый стенд – перечень городов, где можно найти работу. Большой список. От Печоры и Уренгоя до Тарсата. Везде нужны рабочие руки. Но все города мне не нужны. Нужен только Самак.

А вот и он! Итак: «Стенд номер шесть по правой стороне. Вакансии на гражданских предприятиях, в частных артелях,

места в вооруженных силах, полицейских формированиях и отрядах самообороны. Прием заявлений и консультации в кабинете номер три».

Отыскав взглядом шестой стенд, я подошел к нему.

Восемь отдельных колонок. Производство, коммунальные службы, сельскохозяйственный комплекс, ремонтные силы, железная дорога, строительство... И служба. На выбор – армия, полиция, гражданские формирования. Множество вакансий, и по сравнению с другими городами в Самаке уровень зарплат в полтора раза выше.

Власти в срочном порядке восстанавливают инфраструктуру недавно захваченного города. Видимо, Самаку предназначено быть опорным пунктом южного рубежа обороны.

Как я успел заметить, популярностью у соискателей шестой стенд не пользовался. Деньги, конечно, всем нужны, но рисковать из-за высоких ставок желающих не было.

«Отпадают почти все области, – рассуждал я, скользя взглядом по колонкам. – Везде нужны работяги, вкалывающие от и до на одном месте. Либо привязанные к своему району. Производство, строительство, фермерство... Нужно что-то другое. Свободный график, возможность уезжать, отсутствие контроля. Существует ли вообще такое место?.. Относительной свободой обладают только ремонтники, но и то в пределах города. Железная дорога?.. Вариант. Дело знакомое, можно сказать, привычное. Но... Машинистом или по-

мощником не пойду. Дорожником, стрелочником, смазчиком, а тем более ремонтником – тоже. Грязная, однообразная работа. Что же остается?...»

Взгляд остановился на выделенном красным цветом абзаце. Армия и полиция. Ну, тут даже смотреть не стоит! Хватит с меня и Ругии. Иная ситуация, иной расклад...

За спиной хлопнула дверь. Я обернулся и увидел своих знакомцев по общежитию. Пятерка сельских жителей, приехавшая искать лучшей доли. Мелькнула рыжая шевелюра. Семен собственной персоной. Чего это они пришли? Ведь вроде решили в ремонтники идти...

Семен тоже увидел меня. Махнул рукой и подошел ближе.

– Привет.

– Ну, привет... еще раз. Не пошли на строительный завод?

– Да ну их! – махнул рукой Семен. – Ошалели совсем. Как услышали, что в Самаке платят почти в полтора раза против здешнего, захотели сами посмотреть. Мол, можно и на земле сесть и деньги получать.

– А ты?

– А что я? Одному оставаться неохота. А всем вместе можно хоть на северный полюс махнуть. Даже интересно. А ты как? – любопытствовал он.

– Да вот смотрю...

– Слушай! – Семен понизил голос и глянул по сторонам. – Что нам сказали-то! Ночью, оказывается, большая стрельба была. В городе.

– Даже? – удивленно протянул я. – Где?

– Гостиница «Орион». Слышал о такой? Говорят, где-то неподалеку от нашего общежития.

– Нет, не слышал, – напрягся я.

– Говорят, у входа стычка произошла. Толком неизвестно, но вроде как местные бандиты поехали выяснять отношения с кем-то и налетели на других бандитов. Началась стрельба, подоспела полиция. И всех!..

Семен рубанул воздух рукой, наглядно демонстрируя, как полиция разобралась с криминалом.

– Восемь трупов, трое раненых. И вроде кто-то удрал. У «Ориона» полно полиции. Подходы перекрыты.

– А ты-то откуда знаешь?

– Мужики местные сказали. Те, что на строительном работают. Они и о Самаке рассказали, и о деньгах. Вот наши после разговора и стали думать...

– Да, интересно...

«Это братва из „Бездны“ меня искала, – сделал я несложный вывод. – Когда потеряли следы двух своих людей, решили устроить шмон в гостинице. Ну и налетели сперва на посетителей, потом на полицию. Им и в голову не пришло, что я нарочно навел их на гостиницу, чтобы сбить с толку. А шустрые братки!.. Полиции не испугались. Видимо, моя байка о новой наркосети их сильно задела...»

– Наши вон идут, – махнул рукой в сторону односельчан Семен. – Данные о Самаке ищут. Ты, я смотрю, тоже этим

городом интересуешься. Не хочешь с нами?

— А? — выплыл я из своих размышлений. — Посмотрим. Делать окончательный выбор рано...

Семен кивнул и отошел к своим. А я повернулся к стенду. Глаза заскользили по спискам, выискивая подходящие варианты.

«Слесарь в железнодорожное депо... сцепщик на станции Одутнево... Ученик помощника машиниста на маневровый тепловоз... Настройщик радиоаппаратуры... Каменщик... оператор башенного крана... Ставки, оплата, условия, жилье, профсоюз, обеспечение...»

И все не то. Нет, для человека, желающего найти прилично оплачиваемую работу, полно вариантов. Вон инженерные должности. На производство, на строительство... От четырехсот до шестисот рублей. Нужен главный инженер на вновь открываемый завод металлоконструкций. Голый оклад — восемьсот рублей. Плюс все надбавки и премии, в сумме — до полутора штук! Ученик помощника машиниста и тот две сотни сразу имеет! Но мне это не подходит.

Первая колонка, вторая, третья... Ничего. Четвертая, пятая. В глазах рябит от букв и слов, строчки начинают прыгать вверх-вниз. Шестая...

Семен с односельчанами стоят рядом. Читают списки, громко обсуждают варианты, ахают при виде сумм в графе «оплата». Судя по горящим глазам, они готовы писать заявления. Не отпугивает даже красная точка перед названием

вакансии – знак повышенного риска.

Семен скользит глазами по колонкам, вычитывает, дергает соседа за рукав, тычет пальцем и возбужденно сопит. Дорвался! Уже ощущает себя миллионером.

А что мне делать? Седьмая колонка – ничего. Восьмая... Да-а... При всем богатстве выбора...

«Посмотрим с другой стороны. Что из предложенного наиболее подходит по условиям? Место водителя в редакции недавно открытой газеты „Новости Самака“. Хотя еще не факт, что у меня будет хоть одна свободная минута. Может, наладчик на подстанции?.. Мимо. Что же теперь?..»

Взгляд проскочил по спискам слева направо и обратно.

«А если сделать иначе? Найти здесь любую вакансию, а уже на месте сделать окончательный выбор. Ведь оказаться на начальном этапе всегда можно. Пожалуй, это наиболее приемлемый вариант. И нечего терять время...»

Размышляя над последней идеей, обернулся, глянул по сторонам. Компания Семена в полном составе стояла возле кабинета номер три. Наверное, нашли подходящий вариант и готовы писать заявления. Счастливчики...

Я уже хотел было отойти от стенда, когда взгляд случайно упал на соседний стенд, где висели списки вакансий в других регионах республики. Лист формата А3 с большим заголовком. «Новое предложение. Выгодная работа для гражданских лиц на строительстве военных и гражданских объектов. Самак и прилегающие районы. Двойная оплата плюс

еженедельные премии. Страховка и соцпакет». Это сыр. Тот, что в мышеловке. А теперь суть дела...

Черт, очень скудные сведения, минимум пояснений. Только туманные намеки на большие деньги и льготы. С чем хоть связана работа?

«Пути сообщения. Магистраль. Энергосеть. Снабжение...»

Ничего конкретного. Энергосеть? Электростанции строить, что ли, будут?.. Больших рек там нет, каскадов тоже. Тепловую?

Ладно, это не так важно. Что бы там ни было, окончательно решать придется по ходу дела. Пора идти в отдел кадров...

– Большое строительство. Восстановление железнодорожного сообщения с Россией, прокладка линий электропередач и нефтепровода. Общая протяженность – почти сто пятьдесят километров.

– И зачем?

– Между Югорской республикой и Россией заключен договор. Они будут пересылать сюда технику и оборудование. А также вооружение.

Я с недоверием посмотрел на висевшую на стене карту. Извилистая сине-красная линия соединяла Самак и Жембас, пересекая по пути две реки, степь и обходя небольшое озеро. Нехилое строительство. И по размаху, и по затратам. Да и по риску. По крайней мере две трети территории, через которые будут проложены пути, либо находятся под властью небольших территориальных формирований, либо ничейные. То есть – спорные.

Так что для охраны строительства надо на одного рабочего привлекать одного солдата. Как минимум. Эту мысль я высказал хозяйке кабинета – заместителю начальника отдела кадров.

Эту солидную должность занимала еще не старая женщина лет сорока, довольно привлекательная и фигуристая. Правда, общее впечатление портили большие очки в роговой

оправе и усталый вид.

Она выслушала меня и кивнула.

– Да. Обеспечение безопасности работ – самая больная тема. Там действуют отряды Орду-улемского каганата и другая мерзость. Кроме того, в зоне ответственности Руси и идут постоянные стычки с отдельными группами Харальского каганата. Вот почему, кроме рабочих и специалистов, мы набираем добровольцев в отряды самообороны. Может быть, вы хотите попасть именно туда?

– Да нет, благодарю, – как можно более равнодушно ответил я. – Служба не привлекает меня. Я человек мирный, хотел бы спокойно работать.

– Ясно, – с явным сожалением протянула женщина, бросая на меня проницательный взгляд. Не очень-то я походил на мирного человека. – Тогда могу предложить работу на самом строительстве. Вот списки, выбирайте сами. Здесь перечислены вакансии, условия работы, страховые обязательства...

Она протянула мне три листа бумаги, указала на стул возле шкафа и нажала кнопку вызова следующего посетителя.

Прошло несколько минут. Я углубился в изучение списков и поднял голову, только когда услышал стук двери и чей-то голос.

К столу подходил здоровый молодой парень лет двадцати пяти – двадцати семи. Короткая стрижка, литые плечи, скрытые под футболкой и безрукавкой. Темно-серые джинсы, синие кроссовки. Еще один соискатель работы? Что-то

он не очень похож на выходца из деревни или из разоренного города...

Парень тоже искал работу в Самаке. Он выслушал вводную речь кадровички, посмотрел вакансии. От службы отказался наотрез. Зато принял предложение пойти на железную дорогу.

Погруженный в поиск места, я не очень внимательно следил за разговором, но одно уловил сразу. Парень был слегка не в себе. Он спешил, волновался и не очень удачно скрывал это. В армию и полицию явно не хотел попадать. Но дал согласие едва ли не на первое же названное место. По-моему, толком и не поняв, кем, собственно, будет работать. Странный какой-то...

Женщина, обрадованная быстрой вербовкой рабочего, моментально оформила документы, дала подписать трудовой контракт, выписала проездной лист и сообщила, что аванс тот может получить в кассе.

Парень покорно подписал документы, убрал в карман свой экземпляр договора, взял лист, коротко поблагодарил и встал. Его взгляд опять прошелся по мне. Радости в этом взгляде было мало. Больше настороженности и тревоги...

* * *

– Ну что, вы определились? – спросила меня женщина.

– Почти. Должность водителя в управлении строитель-

ства... Скажите, какие обязанности он выполняет?

– Это уже решат на месте. Либо будете возить руководство, либо работать в службе снабжения. Доставка грузов, продовольствия, оборудования, материалов...

– Ясно.

«Ясно, что это цепь. В смысле, будешь привязан к месту. Никаких долгих отлучек, никаких исчезновений. Не подходит!...»

– А что за служба снабжения? В объявлении об этом ничего не сказано.

Кадровичка смерила меня внимательным взглядом, секунду помедлила и взяла со стола карандаш. Ткнула им в карту.

– Вот линия будущего строительства. Для обеспечения безопасности работ и охраны через каждые двадцать километров вдоль железной дороги будут построены временные опорные пункты. На каждом небольшой гарнизон. Задача гарнизона – охранять свой участок и патрулировать прилегающие районы. Снабжением этих опорных пунктов, а также баз отрядов самообороны и будет заниматься указанная служба.

– Автотранспортом?

– Что?

– Снабжение будет осуществляться автотранспортом?

– Да. Может, еще по железной дороге.

«Поставки не каждый день, – быстро соображал я. –

Забросить на пункт продукты, воду, боеприпасы, снаряжение... В лучшем случае раз в три-пять дней... Это интересно... по крайней мере это единственное, что подходит мне. И оплата неплохая. С остальным разберемся на месте. Уйти с работы всегда смогу...»

– Что вы скажете?

– Это мне подходит.

– Да? – Большие карие глаза взглянули из-под очков. – Уверены? Но эта работа сопряжена с некоторым риском. Территории большей частью ничейные, попадаютсся отряды противника. Есть вероятность столкновения с врагом... Вы же хотели более спокойное место?!

Въедливая тетенька! Все помнит. На вшивость проверяет, что ли?..

– В Самаке любая работа связана с риском. Чуть больше, чуть меньше – не так важно... оформляйте.

Женщина достала толстую папку и начала колдовать с бумагами. Вписала мои данные в учетную книгу (документы при этом спросила, но довольно спокойно отнеслась к их отсутствию). На машинке отбила направление и временное удостоверение личности. Заполнила бланки контрактов. Выписала проездной лист.

– Выезд сегодня в семнадцать ноль-ноль. Автобус отходит отсюда. Вещи у вас есть?

– Есть.

– Разрешено с собой провозить не больше двух чемода-

нов, баулов или сумок. Остальное можете забрать позднее.

— У меня всего одна сумка.

— Хорошо. Аванс можете получить прямо сейчас. До отъезда свободны. Не опаздывайте.

— Понял. — Я встал. — Благодарю.

— Не за что.

* * *

Я получил аванс — сто рублей, расписался за деньги, уточнил, где будет ждать автобус, и вышел из здания. Одно дело сделано! Теперь марш-бросок за установкой и обратно. И не мешало бы перекусить. Во рту со вчерашнего дня ни крошки...

Посмотрев на часы, прикинул, сколько времени займет путь до деревни, и пошел к дороге. Надо спешить...

Днем на улицах города было довольно много народу. Кто-то шел пешком, кто-то ехал на велосипеде. Ходили автобусы, лихо проскакивали перекрестки грузовые и легковые машины. Вторых гораздо меньше, чем первых.

Патрульных немного. Ходят парами, сканируют глазами местность, о чем-то негромко переговариваются. К людям не пристают, документы не спрашивают. Да и не у всех они есть-то, документы.

И все же я не рисковал лезть им на глаза. Даже имея в кар-

мане предписание и контракт. Быстро миновал пару улиц, свернул на перекрестке, проехал на автобусе пять остановок и оказался неподалеку от окраины города. Отсюда до пригородного поселка, где оставил установку, не больше пяти километров. Часа полтора туда, столько же обратно. И там минут тридцать. Итого – три с половиной часа. Плюс некоторое время на марш до биржи. В запасе останется еще час. Как раз поесть успею...

Обратный путь в город вышел несколько более долгим, чем предполагал сначала. И баул – не пушинка, и тащить его не очень удобно. Благо уже возле самого города поймал попутку – грузовик с завода. Молодой парень кивком разрешил мне залезть в кузов и довез почти до самой биржи. Здесь в отведенной для новозавербованных рабочих комнате я и дожидался автобуса. Здесь же и перекусил. А потом, пока комната пустовала, успел проверить обстановку с помощью сканера.

Результат вызвал недовольство. Ближайшая группа датлаймов покинула прежнее место и двигалась в направлении на юг. К основной группе. Туда же летела еще одна группа, из Южной Америки.

Видимо, на совещание. Тема сбора понятна – обрыв связи с Датлаем. А вот что решат и как будут действовать эти «штирлицы» – вопрос. Единственное, что утешает, – никуда они с планеты не денутся! А так пусть летают и ездят на

здоровье. До поры до времени...

Автобус подали ровно в семнадцать ноль-ноль. Небольшой, с удобными откидными креслами и мягкой обивкой. Правда, изрядно полинялой. В него, кроме меня, загрузились всего двенадцать человек. Среди них я увидел того здоровяка и... Семена со своим дядей. Все-таки решили попытаться счастья в погоне за длинным рублем.

Семен при виде меня заулыбался, махнул рукой, приглашая сесть рядом.

– Здорово, что вместе. А мы вот решили поехать.

– А остальные?

– Устроились здесь. Там, мол, риск слишком большой. А я думаю, какой риск?! Все нормально...

– Не шуми, – одернул его дядя. – И языком зря не мели. Риск!.. Кабы не риск, таких денег не платили.

Семен пожал плечами и подмигнул мне. Мол, пусть говорит. Мы-то знаем, что будет.

Я поставил баул в нишу для багажа, сел рядом с Семеном, вытянул ноги и зевнул. Клонило в сон. Когда поворачивал голову к окну, посмотреть, как отъезжает автобус, поймал холодный взгляд сбоку. На меня с легким прищуром смотрел тот крепыш, что был в отделе кадров. Нехорошо так смотрел. Чего это он?..

...Из диспетчерской станции ПСД Битрая и его команда

не вылезали почти целые сутки. Двенадцать запусков, двенадцать попыток восстановить связь. Работа аппаратуры на износ в предельно допустимом режиме с максимальной подачей энергии. Трижды установка выходила на уровень контакта. Еще пару раз сканер фиксировал наличие второго источника излучения. Но аппаратура не могла «схватить» сигнал. Потом из строя вышел один блок. Второй... А затем Битрая приказал прекратить эксперимент, пока установка не накрылась вся.

– Нет связи! – разводил руками профессор. – Смещение координат, блокировка, сбой!

– То есть восстановить связь сейчас невозможно? – звенящим голосом спросил Антон.

– Нет.

Профессор опять развел руками, избегая смотреть парням в глаза.

– Мы даже не знаем, почему это произошло. Будем искать обходные пути...

– А Артур?

Битрая вздохнул, обвел взглядом землян и персонал станции. С трудом вытолкнул сквозь сжатые зубы:

– До Артура нам сейчас не добраться.

Это прозвучало как приговор.

Работа не прекращалась всю ночь. Битрая велел перевезти на станцию часть аппаратуры из своей лаборатории и ско-

мандовал смонтировать тестирующее устройство и анализатор прямо в зале, где стояла установка. Свободных сотрудников он усадил за компьютеры. Просчитывать бесконечные формулы и искать причину сбоя.

Новистра, раздосадованный и взволнованный не меньше остальных, привез на станцию целый пакет тонизирующих и укрепляющих средств и ходил с помощником из кабинета в кабинет, заставляя каждого проглатывать по пригоршне таблеток. Всех, не исключая Битраю.

Парни тоже не спали. Сидели в выделенном им особняке в огромной гостиной, пили вино и... молчали. Говорить никому не хотелось. Да и не о чем было.

Работу по блокировке временно приостановили.

Утром Битрая сам приехал к парням.

– Связь пока не восстановили, – с порога объявил он. – Но одну из возможных причин сбоя нашли.

– И?..

– Дело в нашей аппаратуре. Той, что мы ставим в секторе. Она создает фоновое излучение, которое влияет на связь между мирами. Чем больше миров «закрыто», тем сильнее фон.

Это было так неожиданно, что парни растерялись. Выходит, сами себе напакостили!..

– То есть, – запинаясь, выговорил Марк, – чтобы вернуть Артура, надо отключить аппаратуру блокировки во всех «за-

крытых» мирах?

– Не факт, – устало покачал головой профессор. – Во-первых, такая операция – дело опасное. Мы рискуем открыть сектор. Неизвестно, как далеко продвинулся противник в своих изысканиях. Так можно потерять все, что с таким трудом завоевали... И во-вторых. Фоновое излучение – только одна из причин сбоя. Возможно, связь восстановить не удастся даже после отключения блокировки.

– Что же делать?

– Ждать. И искать пути обхода этого чертова излучения. Над чем мы сейчас и трудимся.

Толик, до этого ходивший вдоль стены, впечатал кулак в ладонь и развернулся к Битрае.

– Профессор. Сейчас не до теоретических изысков! Наш друг – один против двух десятков датлайцев. В нестабильном мире, где в любой момент можно сложить голову. Какие, к черту, опасения?! Какое ожидание? Его вытаскивать надо.

Битрая опустил голову и заметно покраснел. Вольно или невольно землянин обвинил его в намеренном затягивании операции. Черт возьми, это было неприятно!..

– Все, что можно сделать в этой ситуации, мы делаем, – сказал профессор, старясь говорить ровно, без эмоций. – И если бы дело было только в блокировке, мы бы уже снимали ее. Но причин тут несколько. Надо это понять... И продолжать работу. Я верю, что с Артуром ничего не случится. Он сильный человек, к тому же, как я понимаю, имеет огром-

ный опыт самостоятельных действий. Надо ждать... Ждать! Ничего иного я сказать не могу. К сожалению...

Он посмотрел на парней. Те слушали его молча. Глядя кто в сторону, кто на пол. Лица мрачные, челюсти крепко сжаты, глаза аж горят. От злости. То ли на себя, то ли на него, то ли на всех сразу...

– Наша помощь нужна? – глухим голосом спросил Сергей.

Битрая отрицательно покачал головой.

– Пока нет. Здесь вы помочь ничем не можете...

– Ясно...

– Мы сделаем все возможное, – заверил Битрая. – И даже невозможное.

Ответом было молчание...

Автобус довез нас до Самака за три часа. Путешествие было не из приятных. Дорога неровная, узкая, амортизаторы у старой машины не в лучшем состоянии, так что ухабы и выбоины можно было считать вместо ворон.

Сперва я смотрел в окно, потом восстанавливал в памяти данные о каганате Орду-улем, потом прикидывал, что делают парни и что делает Битрая. А потом задремал. Ненадолго. До следующего ухаба.

За окном мелькали деревья, луга, брошенные дома небольших деревень, снова деревья, холмы, изгибы мелких речушек... Несколько раз нас обгоняли военные машины – крытые грузовики, здорово похожие на наши ГАЗ-66 и «Уралы».

Самак встретил нас ярким солнцем и легким ветром. И большим количеством народу. Это меня удивило: когда покидал город, то здесь было не так многолюдно. Приезжие, что ли?..

Автобус миновал почти весь город и остановился возле небольшого трехэтажного здания неподалеку от широкой аллеи, окруженной густым кустарником.

Возле здания стояло несколько грузовых и легковых машин, из дверей то и дело выходили люди. Им навстречу спе-

шили другие, приехавшие или пришедшие из города. Откуда-то слышался голос диктора – работал радиоприемник.

– Вам туда, – кивнул на здание водитель и открыл дверь. – Забирайте вещи.

Будущие строители, монтажники, водители, ремонтники потянулись к выходу, неся тяжелые сумки. Особой радости по поводу приезда к новому месту работу не наблюдалось. За исключением разве что Семена. Тот все вертел головой и скалил зубы.

У входа висело несколько вывесок. «Отдел кадров», «Биржа труда», «Отделение военного комиссариата», «Строительный отдел».

В холле сидел дежурный. Он распределял всех приехавших по кабинетам. Мельком глянув в документы, указывал нужные кабинеты.

– Второй этаж, восьмой кабинет. От лестницы налево.

– ...Второй этаж, шестой кабинет. Тоже налево.

– Третий этаж, первый кабинет...

Мое направление он рассматривал немного дольше. Поднял голову, секунду подумал. Потом не очень уверенно сказал:

– Попробуй в пятый кабинет. Это на первом этаже. Налево до конца. В приемную войдете и сразу направо.

«Странно. Организация существует, людей набирают, а здесь толком не знают, куда направлять наемников?! Может, в Тарсате что напутали?..»

Я дошел до конца коридора, свернул направо и встал перед дверью, единственной в этом крыле здания. Впрочем, чуть дальше была еще одна. Но это туалет.

На двери висела табличка – обычный лист желтоватой бумаги. На нем черной краской выведено «Управление строительных и восстановительных работ».

Я зашел в приемную – совершенно пустую комнату. Отыскал взглядом вторую дверь (двойную), помедлил, пару раз стукнул в косяк, услышал приглушенное «входите» и потянул на себя ручку.

Управление представляло собой довольно просторную комнату, разделенную на две части аркообразным проходом, занавешенным плотной тканью.

Широкое окно с открытой фрамугой, возле него большой письменный стол, накрытый листом оргстекла. С левой стороны старомодная лампа с зеленым абажуром. Рядом письменный набор – подставка для ручки и карандашей, линейка, стопка бумаги для записок. Справа – несколько пухлых папок, свернутые листы чертежей. Тут же две печати в футляре. И телефон. Черный, выполненный в стиле семидесятых, с большим диском набора.

За столом в кресле с низкой спинкой сидел хозяин кабинета – уже немолодой, изрядно пополневший, полысевший мужчина. В противоположность телесной полноте лицо его было излишне худым, словно высушенным.

Позади кресла на стене – огромная карта, скрытая за не первой свежести занавесками. Вдоль стен шкафы, сейфы, стулья, потрепанный диван.

Все это я успел рассмотреть в течение нескольких секунд, пока хозяин кабинета что-то писал. Потом он поднял голову и посмотрел на меня. Вид у него уставший, можно сказать – изможденный.

– Что вам?

– Я приехал из Тарсата, с биржи труда. По направлению. Дежурный послал к вам.

– Дай, – протянул он руку.

Я отдал ему направление.

– Сядь, – легкий кивок головы в сторону стульев.

Мужчина быстро пробежал глазами по строчкам, глянул на меня и опять посмотрел на бумагу.

– Все верно, попал по адресу. Только...

Он сделал паузу, словно рассчитывая, что я спрошу: «Что только?» Не дождался и добавил:

– Только работы для тебя пока что нет.

– В смысле?

– В смысле, что строительство дороги, прокладка линий и подготовка опорных пунктов еще не начата. В Самак только прибывают техника, специалисты, материал...

– Но мне сказали...

– Знаю. Поспешили кадровики.

Он побарабанил пальцами по столу и опять уткнулся в бумагу. Я почувствовал раздражение. Столько времени и сил потрачено, и впустую! С тем же успехом можно было искать работу здесь.

– И что теперь?

Хозяин кабинета вместо ответа снял трубку телефона, крутанул несколько раз диск, потом произнес:

– Мне Тарсат. Двенадцать, сто сорок.

Пока на коммутаторе соединяли с Тарсатом, он смотрел на стену. Потом вызвал какого-то Володю. И в течение нескольких минут разговаривал, выясняя, почему присылают людей на должности, которых нет в его заявке. И почему вообще не согласовывают с ним график привоза рабочих.

Что отвечал невидимый собеседник, я не слышал, но судя по недовольному виду хозяина кабинета – говорил нечто неприятное.

Знакомая ситуация – неразбериха в руководящем звене, ошибки при исполнении приказа и как следствие – лишние затраты. Ресурсов, людей и нервов.

Закончив разговор, хозяин кабинета бросил трубку, посидел молча несколько секунд, потом вздохнул и посмотрел на меня.

– Бардак! Никто ничего не знает, никто не виноват. Ладно. Что нам делать?!

Вопрос скорее риторический, но я, уставший от тяготы и неопределенности, спросил:

– Мест совсем нет?

– Есть. Места всегда есть. Рабочие руки нужны позарез. Строители, каменщики, путейцы, ремонтники, машинисты, электрики, наладчики. И с десятков других специальностей. Но ты-то...

Он опять посмотрел на направление.

– Во-ди-тель. Гм!.. Водители нужны. Цемент, материалы, людей, технику возить будешь?

Я скривил губы.

– То-то. Записан в службу снабжения. Мы ее даже создавать не начали. Некого пока снабжать. Не знаем толком, в каком состоянии находятся те пути, что были проложены до войны. Вряд ли уцелели стрелки, рельсы, семафоры, подстанции, провода... Не знаем, в каком состоянии мачты... В Самак только начали свозить технику, стройматериалы, только-только собираем рабочих. Даже бойцов в отряды самообороны не набрали.

– Зачем же тогда давали объявление? Зачем народ набираете? В Тарсате мне сказали, что работы уже идут.

– Идут!.. – сердито повторил хозяин кабинета. – На бумаге. И по докладам. А на самом деле – стоят. Здесь должны быть начальники служб, их заместители, персонал, бухгалтера, секретари, прорабы, мастера... А пока я один. И начальник, и секретарь, и отдел кадров в одном лице!

– Ладно, я понял. Накладка вышла. Не буду мешать.

Я встал, сделал шаг к двери. Начальник недовольно фырк-

нул, пристукнул ладонью по столу.

– Погоди. Сядь.

Он вышел из-за стола, присел на диван.

– Ситуация такова. В скором времени начнутся работы на магистрали. Одновременно с этим районы южнее магистрали будут взяты под контроль специально создаваемыми отрядами самообороны. Они займут некоторые населенные пункты, особенно те, рядом с которыми расположены промышленные объекты. Это ты, наверное, уже знаешь?

– Н-нет... не все.

– Понятно. Так вот служба снабжения и будет заниматься обеспечением этих отрядов, а также опорных пунктов охраны магистрали.

– Разве это не задача военных?

– У них просто нет резервов. Ни людских, ни технических. На совещании центрального штаба обороны было решено возложить эту обязанность на нас...

Судя по тону, начальник управления был не рад такой чести, но в силу сложившихся обстоятельств ничего изменить не мог.

– Ладно, ближе к делу. Так вот прежде чем начнутся все работы, необходимо провести разведку местности. Проверить состояние железной дороги, линий электропередач, техники. Посмотреть, что вообще происходит там. Понятно, что уцелеть все не могло... Это работа специалистов, но пока даже их нет. А время не ждет...

Я уже понял, куда он клонит, но не спешил показывать это. Пусть скажет все.

– Честно говоря, у нас даже нет точной информации о том, кто сейчас контролирует те районы. Войска каганата отошли, но могут шастать отдельные отряды и группы. Да и какие-то банды Харальского каганата могут быть. И другая шелупонь. Словом, нужны сведения.

Начальник пытливо посмотрел на меня.

– Я планирую создать небольшую группу из двух-трех человек и отправить на машине по маршруту предполагаемой линии. В общем, если ты не против – я тебя привлеку. Как?

Как я? Этот хитрый мэн хочет послать меня к черту на рога. Неизвестно, что там, кто там, скока их там... Вдвоем-втроем съездить посмотреть... А уцелевший принесет информацию. Ну и как после этого я? Впрочем...

В случае отказа я буду сидеть в городе, ожидая вакансии неизвестно сколько. С одной стороны, это здорово – вроде как есть легальное прикрытие и можно делать свое дело. С другой стороны – такое положение хорошо, когда знаешь, что ты тут ненадолго. А если подобной уверенности нет, то лучше иметь прикрытие. Гарантировать, что в течение ближайших дней или недель меня вытащат отсюда, нельзя. Так что придется рискнуть и выполнить задание. Это будет большой плюс мне в глазах потенциального руководства. А кроме того, есть шанс получить информацию по каганату. Поэтому...

– Согласен!

– Отлично! – Хозяин кабинета с чувством пожал мне руку. – Не думал, что ты согласишься, в твоём направлении стоит отметка «не привлекать к военным операциям».

– Ну, это не совсем военная. Кстати, у меня две просьбы.

– Какие?

– Первая – мне нужно оружие.

– Хорошо. У нас есть небольшой запас. Выбирай на свой вкус.

– Второе – я еду один.

Начальник моргнул и удивленно посмотрел на меня.

– Что?

Следующие пять минут я потратил на втолковывание хозяину кабинета, почему именно надо сделать так, а не иначе.

– Две группы вместо одной быстрее справятся с делом. И будут менее заметны со стороны. Большой район проверим.

– А если налетите на кого? – не сдавался тот.

– Если налетим, то на одного больше, на одного меньше – уже не имеет значения. А так больше шансов привести информацию.

Хозяин кабинета задумчиво тер переносицу, недоверчиво хмыкал и все смотрел на меня.

– Не страшно? Ты ведь отказался идти на службу, а тут прешь на рожон.

– Не стоит путать две разные вещи. И потом, на рожон я

не проу. И изображать из себя героя не собираюсь. Осторожно съезжу, посмотрю, проверю и вернусь.

– Ладно, – сдался он. – Убедил. Давай свои бумаги. Оформим тебя пока как... водителя. А там видно будет. Согласен?

– Да.

– Зовут тебя... Артур Томилин. А я Степан Андреевич. Голыбин. Исполняю обязанности начальника управления, которого еще нет. Будем знакомы.

И он протянул мне руку.

Через полчаса я был зачислен в штат сотрудников управления в качестве водителя существующей пока только на бумаге службы снабжения, поставлен на довольствие и определен на проживание.

– На выбор. Комната в общежитии управления – это через дорогу, двухэтажный особняк, бывший дом отдыха. Или квартира в любом из домов на соседней улице.

Я выбрал квартиру.

– Тогда так. Сегодняшний вечер тебе на решение жилищной проблемы. Вставай на учет у коменданта, получай ключи. Перевози вещи. Словом, осваивайся. А завтра с утра приходи. Будем решать, как и когда приступать к работе. И с кем. Понял?

– Да.

– Тогда до завтра, – сказал Голыбин. – Поздравляю с принятием на работу!

– Благодарю...

Несомненный плюс малонаселенности города – обилие свободного жилья. Квартиры во всех районах на любой вкус, любого размера. Кто желает, может заполучить частный особняк. Правда, только в том случае, если нет информации о прежних хозяевах или известно, что они погибли.

Коменданта мне помогли найти сотрудники другого отдела. Пожилой мужчина, с сильными залысинами, в непомерно больших очках, выслушал меня, прочитал направление и достал огромную книгу учета. Поминутно вздыхая и утирая пот платком, он медленно переворачивал страницы, шевеля губами, читал текст, потом сравнивал данные с данными в другой книге. И... опять листал. Такая манера слегка раздражала, но я терпел молча. Дяде явно стукнуло семьдесят, и прожитые годы не прибавили ему резвости. Пусть уж копается сколько нужно.

...Вообще, как я заметил, очень много ответственных лиц в гражданских организациях занимали мужчины пожилого и даже преклонного возраста и женщины, причем тоже не из молодых. Тенденция понятная и знакомая. Вся молодежь и люди среднего возраста сейчас либо на фронтах, либо вкалывают на производстве. А те, кто в силу возраста уже не может держать автомат или стоять у станка, работают комендантами, начальниками служб, сидят в отделах кадров, во всевозможных комитетах. Словом, тащат на себе тыловую,

второстепенную нагрузку. Важную и нужную, но далеко не самую активную.

* * *

– Магистральная, дом семь, квартира шестнадцать, – наконец сказал комендант. – Одна комната – двадцать девять метров, кухня – пятнадцать метров. Ванная комната – семь метров, туалет, подсобная комната, прихожая. Лоджия – десять метров. Устроит?

– Конечно! – кивнул я. – Отличный вариант.

– Вода холодная есть, в квартире установлена нагревательная колонка. Электричество уже подали. А вот с отоплением пока проблемы. На улице еще не холодно. В крайнем случае включите обогреватели. Мы их выдаем бесплатно.

– Там мебель есть? Хотя какая-нибудь?

Комендант огорченно вздохнул и покачал головой.

– Плита, ванная, унитаз... Может быть, шкаф. Остальное посмотрите сами. Лампочки можно купить в магазине. Мебель... на рынке. Там торгуют подержанным. Выберете.

Я кивнул. Судя по всему, в квартире нет не только мебели, но и стекол в окнах, дверей в комнатах, обоев на стенах и прочих... мелочей. Ладно, переживем. И так презентовали хорошее жилье, чего еще ждать? Надо будет – обустрою квартиру сам. Не надо – обойдусь.

– Ключи?

– Значит, берете?

– Да.

– Тогда подождите. Я впишу вас в ордерную книгу. И внесу в реестр.

Вздыхнув, я опять кивнул и приготовился ждать. Бюрократия – дело скучное, но... обязательное.

«Перетаскивать тайник ближе к новому месту жительства нет смысла. Брать оттуда нечего, да и незачем. Установка с собой, сканер, другая техника... Так что пусть лежит в подвале. А вот то, что при мне, – надо спрятать. Уже здесь. На этой самой Магистральной. Судя по всему, часто дома я бывать не буду. А таскать с собой полный набор нельзя. И опять же – незачем. Главное – найти подходящее место для тайника...»

Так я рассуждал по пути к новому жилищу, таща на себе баул с установкой по пустеющим улицам Самака. И хотя солнце еще не покинуло небосвод и было довольно светло, но праздных прохожих не видно. Все либо на заводах и в мастерских, либо на своих земельных участках. Только редкие машины или велосипедисты спешат по своим делам. Транспорта настолько мало, что не работают светофоры. Регулировать движение просто нет смысла.

Несколько раз встречались патрули. Дружинники – мужчины в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти лет – по трое неторопливо фланировали по тротуарам, бдительно

глядя по сторонам. За плечом у каждого либо самозарядный карабин, либо охотничье ружье. На левом рукаве широкая трехцветная повязка, сверху вниз: серый, зеленый, красный.

У одного патруля я уточнил дорогу. Дружинники внимательно прочитали мои документы, задали пару вопросов и указали верное направление. Даже предложили помочь донести баул, но я отказался. А про себя отметил – бдительность у этих ребят на уровне, но пренебрежения или высокомерия нет. Это хорошо.

Искомый дом спрятан от дороги за двумя соседними. Четырехэтажка серого цвета. Три подъезда, палисадник под окнами и небольшой сад перед домом. Плюс детская площадка, спортгородок... Все, конечно, разорено, разбито. Сохранились остовы лавок, железные каркасы каруселей, горки. Уцелел турник, брусья, шведская стенка. Металл покрыт ржавчиной, погнут, поцарапан.

Дверь подъезда на диво целая. Только обгорела малость. Лестничная клетка в относительном порядке. Даже лампочка под потолком горит. Надписей на стенах, на удивление, нет. И еще – лифт. В четырехэтажном-то доме! Круто. Жаль, не работает.

Три квартиры на каждом этаже. Моя – на втором. Странно, но все двери на месте. Я думал, в городе растащили на топливо все доступное дерево. Ан нет. Даже замки работают. Целых два.

Открыв дверь, я зашел внутрь, нащупал на стене выключатель и щелкнул им. Впустую. Лампочки в патроне нет. Ладно, обойдемся...

Худшие опасения не подтвердились. В квартире уцелела не только кое-какая мебель, но и стекла в окнах и на балконе, зеркало в ванной. И даже роскошный раскладной диван. Ну и стандартное оборудование – газовая плита, сантехника.

Беглый осмотр окончательно убедил меня, что выбор сделан верный. Конечно, обстановка была далека от идеальной, но... Дареному коню в зубы не смотрят.

Спрятав баул в подсобной комнате и завалив его листами картона, старыми газетами и обломками досок, я проверил электричество, газ, воду. Газа не было. Остальное в наличии.

– С новосельем, странник!

Вечер и часть ночи прошли в домашних заботах. Ввернуть лампочки, почистить ванну, вынести собранный мусор, поставить дополнительный засов на входную дверь, осмотреть лоджию, прикрутить новые шпингалеты на окна... Ни инструментов, ни чего другого в доме не было, но неподалеку почти круглосуточно работал небольшой хозяйственный рынок. Некий оборотистый делец первым сообразил, что надо новым жильцам, и выложил на прилавки богатый ассортимент товаров.

Уже во втором часу ночи наскоро перекусил, принял душ,

благо колонка работала, и лег на диване. Закрыв глаза, прокрутил в голове события последних двух дней, прикинул, не совершил ли какой ошибки. Так, оценивая произошедшее, и заснул...

В восемь часов утра я был у Голыбина. Тот уже с кем-то ругался по телефону. Буркнув напоследок что-то нелицеприятное, бросил трубку, кивнул мне и указал на диван.

– Здравствуй! Садись. Жди. Сейчас остальные подойдут.

– Кто – остальные?

– Увидишь. Мне еще позвонить надо, можешь пока ознакомиться с картой.

Голыбин ткнул пальцем в большой рулон, лежащий на краю стола, и опять схватил трубку. Насыщенный у него денек...

Разложив рулон на диване, я быстро отыскал Самак и углубился в изучение карты, перестав обращать внимание на шум и крики хозяина кабинета.

Чуть позже в кабинете появились еще два человека. Первый – молодой парень среднего роста, сухощавый, со скуластым лицом и стрижкой под горшок. Второй – постарше, лет сорока, высокий, плотный, плечистый. Лицо вытянутое, мрачное. Губы крепко сжаты. Волосы совершенно седые и видно, что не от возраста. Видимо, многое пережил и многое видел.

– Леонид Хабарин и Петр Кутуршин, – представил их Го-

лыбин. – Леонид – техник-электрик, Петр Викторович – мастер-путейщик.

Я пожал обоим руки, представился сам и получил два цепких внимательных взгляда. Знакомые взгляды. Так смотрят бывалые, опытные солдаты на новичков. Мол, не знаем, что ты за птица, посмотрим и еще подумаем, принять ли тебя как равного. Пока ты ничем себя не проявил. Ясно, что оба воевали, правда, где и когда – пока вопрос.

Ладно, как говорил знаменитый техник из не менее знаменитого фильма, – споемся...

– Вам предстоит провести разведку района, определить степень и характер повреждений железнодорожных путей, оборудования и линий электропередач. А также проверить, есть ли кто-нибудь в населенных пунктах, расположенных вдоль железной дороги. Задача сложная и довольно опасная. По последним сведениям, отдельные банды и небольшие диверсионные группы противника стремятся проникнуть как можно дальше на нашу территорию с целью проведения разведки и совершения диверсий. Район, куда вы едете, по большому счету, нейтральный. Наших войск нет. Контроль не установлен. Так что смотрите сами... Не рискуйте понапрасну.

Голыбин обвел нас внимательным взглядом и ткнул карандашом в карту.

– Начнете с этого участка. Ступицино, Уштобер. Посмотрите, что в Илидоме. Он в стороне от дороги, но от него идет

ветка. Дальше ни на шаг. Хватит на первый раз. Ясно?

Мы переглянулись и кивнули.

– Отлично. А теперь смотрите карту, считайте и спрашивайте.

В этот момент опять зазвонил телефон. Голыбин отошел к столу, поднял трубку.

– Да? Что?.. Когда?.. Я же сказал, первая группа должна прибыть завтра. Почему не готовы площади? Я что, буду размещать технику под открытым небом?! И это перед осенними ливнями?.. Меня не интересует, где и когда вы раздобудете материалы и людей! Гаражи и мастерские должны быть готовы к завтрашнему утру! Ясно?!

На том конце телефона явно пытались оправдаться, но Голыбин давил голосом, не позволяя невидимому собеседнику вставить ни одного слова. Сухо бросив «доложите», он положил трубку и повернулся к нам.

– Продолжайте. Я ненадолго отлучусь.

Я проводил его взглядом и хмыкнул. Крут, оказывается, начальник!.. Требовать умеет. И настоять на своем – тоже. Впрочем, на таком месте иначе нельзя.

Мои новые коллеги без особого интереса рассматривали карту – видимо, успели изучить раньше. Их больше интересовал я. Выждав несколько минут, Петр посмотрел на меня.

– Откуда ты?

– Ситаховка, – повторил я прежнюю легенду. – Это под Палатинском.

– Из деревни?

– Ну да.

– Воевал?

– Так... – неопределенно пожал я плечами. – Слегка.

– С оружием-то хоть знаком? – насмешливо спросил Ле-
ня.

Его пренебрежительный взгляд не понравился. Я взглянул
ему прямо в глаза и процедил:

– Видел. Издалека...

Петр прищурил глаза, покатал желваки.

– Не закипай. Нам вместе на дело идти. Мы должны знать,
кто рядом будет. Понимаешь?

– Вполне. Только на дело пойдем по отдельности.

– Это как?

– Вот так. Вы по одному маршруту, я – по другому.

Коллеги глянули друг на друга. Потом на меня.

– Зачем?

– Большой район осмотрим, больше сведений соберем.
Так?

Они нехотя кивнули. Такой поворот дела поставил их в
тупик. Впрочем, не очень-то и расстроил. Идти на задание с
незнакомым человеком все же не самый лучший вариант.

Повисла неловкая пауза. Тут весьма кстати вернулся Го-
лыбин.

– Ну, разобрались? Посмотрели? Тогда давайте вопросы.
Что знаю – скажу. Остальное – извините! Самим придется

ВЫЯСНЯТЬ.

Мы просидели в кабинете часа два. Обсудили предстоящую разведку, еще раз просмотрели порядок действий, поговорили на общие темы. Вот тут-то я и понял, на какое отличное место совершенно случайно угодил. Не место, а золотое дно! Во всем, что касается информации. Причем любой информации. Как начальник управления Голыбин владел самыми разнообразными сведениями. И по республике, и по обстановке на фронтах, и по каганату.

Главное – можно спрашивать о чем угодно, не боясь быть заподозренным в излишнем любопытстве. Во-первых, мы новички. Во вторых – разведчики. Нам информация нужна для работы.

Ну, я и не стеснялся. Задавал вопросы, выслушивал ответы, опять спрашивал. Иногда не задавал вопросы в лоб, а действовал через других. Леонид и Петр тоже спрашивали. О дорогах, о населенных пунктах, о людях, о возможных проблемах...

Голыбин отвечал охотно. Чего не знал сам, выяснял по телефону. У военных, у руководства полиции города, у... кого-то еще.

Вместе мы составили довольно подробную картину обстановки в прилегающих районах. Попутно я собрал немало информации о каганате. Вот уж повезло!..

– Теперь об оружии, – подвел итог обсуждению Голы-

бин. – У нас есть неплохой арсенал. Выбор за вами. Что предпочитаете?..

Потом была поездка в управление полиции, где и находился арсенал. Затем заскочили в гараж. Голыбин показал небольшой внедорожник и мотоцикл (для меня). Механик гаража, старый, но еще крепкий мужик – просто Михалыч, как он представился, – клятвенно заверил, что техника не подведет. Потом опять поехали в управление. Подбирать остальное снаряжение. Потом еще раз согласовали время выезда и маршруты. И все это при постоянных звонках, отлучках Голыбина (срочные и просто неотложные дела), его переговоров с визитерами.

Пообедать удалось только в шестом часу дня. Благо столовая была неподалеку. Кормили вполне прилично – наваристый суп, котлеты с мятой картошкой, салат из свежих овощей. И компот.

– Выезд завтра утром, – напомнил Голыбин. – Заберите транспорт, оружие – и сюда. Единственное, чего не могу дать, это радиостанции. Не подвезли пока. Да и дефицит жуткий.

– Ничего, – успокоил я. – Обойдемся.

– Тогда отдыхайте. Кстати, Артур, как устроился?

– Неплохо. Жить можно.

– Отлично. Все, по домам...

А дома опять работа. Закончить приведение жилья в более-менее нормальный вид, вынести мусор (несколько мешков), затащить и собрать купленный стол. Когда дела были сделаны, я сел на диван, разложил перед собой карту. Это была старая, еще довоенная карта. Масштаб – пять километров в одном сантиметре.

Рядом положил два карандаша – черный и красный. Вспоминая подробности разговора и полученные сведения, тонкими линиями стал наносить обстановку – северные границы каганата, места возможного сосредоточения частей и отрядов, районы, где могут действовать или действуют разведгруппы и диверсанты. А также – границы влияния республики, приблизительные контуры новых владений.

Такая работа, буквально на коленке – дело тяжелое и медленное. Но персональные компьютеры здесь – большая редкость, да и их уровень невысок. Такой же, какой был у нас в середине и конце восьмидесятых. Ни «Windows», ни «Word». Машины довольно громоздкие, быстродействие невысокое. И даже таких очень и очень мало в республике. Наверное, только в крупных организациях, в центральных районах.

Так что приходится работать вручную. И карту поднимать, и информацию собирать, и обобщения делать. Можно, конечно, вытащить из тайника свой ноутбук, чудо техники конца двадцать первого века, – легкий, небольшой, с огромными возможностями. Но... оставлять его здесь, в пустой

квартире, опасно. И так установкой рискую.

Покончив с картой, занес в обычную тетрадь самые важные сведения, разбив их по частям. Республика, каганат, бандиты, сферы влияния, техника, прочее...

Работа опять грозила затянуться допоздна, а утром вставать рано. Решительно отложив тетрадь и карту, я быстро принял душ и лег спать.

* * *

Просторное помещение бунгало в одном из санаториев тайландского побережья. Лениво шелестят кондиционеры, крутится под потолком огромный пропеллер вентилятора. Солнечные лучи с силой бьют в окно, заполняя помещение ярким светом. Морской ветер тревожит легкие занавески и волосы сидящих за низким столом людей.

Их десять. Все высокорослые, худощавые, мускулистые. Лица едва тронуты загаром и выглядят неестественно бледными на фоне смуглых аборигенов и других туристов. На столе открытые бутылки с минеральной водой, большая подставка под лед, щипцы, тарелки.

Вид у присутствующих хмурый, можно сказать – мрачный...

– ...Аппаратура отключена. Все попытки окончились неудачей...

- Связи нет. Причина обрыва неясна...
- Мы отрезаны...
- И неизвестно, когда наладится контакт...
- Тогда что делать?

Во главе стола на низком плетеном кресле сидит старший. От остальных он отличается только более спокойным видом и властными повадками. Руки сложены на коленях, пальцы переплетены. На запястьях пульсируют жилки.

– В любом случае, – говорит он, – прекращать работу здесь неразумно. Мы достаточно глубоко вросли в здешнюю жизнь, обзавелись связями, заполучили нужные контакты. Только в этом году совокупный доход перевалил за пять миллионов долларов. Есть завязки в Южной Америке, хорошие знакомства в Индокитайском блоке, Ближневосточных Эмиратах. Начали налаживать связь с Западноевропейским союзом... Бросать все только из-за обрыва связи с мастонией глупо и недальновидно.

Мастонией на сленге коренных уроженцев центральной области Датлая называют родину. Мастония – то есть колыбель.

– У нас на носу сделка по оружию, – вставляет один из присутствующих, старший первой разведкоманды восточной группы. – Орду-улемский каганат платит золотом за стрелковое оружие, минометы, боеприпасы и легкие внедорожники.

– Платят не они, а их европейские спонсоры, – поправил

другой собеседник, старший второй разведкоманды той же группы. – Точнее, Британия.

– Не важно! Дело не в прибыли, а в том, что мы расширяем сферу деятельности. И идем дальше на север.

– В Южной Америке отличный урожай опиума. Мы обеспечиваем безопасный транзит сырья и готового изделия на Северный континент. Это тоже хорошие деньги.

– В Малайзии мы подошли вплотную к министру обороны, – добавил старший первой разведкоманды. – А это выход на их рынок оружия.

– Как видно, бросать сделанное и прятаться по углам просто неразумно, – подвел итог начальник отряда внедрения, он же временный резидент Тикос НАТОу. – Поэтому работу продолжаем. Только теперь с особой осторожностью. Ибо путей отступления у нас нет. И еще...

Он сделал паузу, обвел сидящих пристальным взглядом.

– Как учит нас священная книга «Изначалие»: покидая дом, помни, ты можешь и не вернуться... Применительно к нам это значит – мы не должны исключать вероятность долгого нахождения в этом мире. Очень долгого. Вечного...

Подчиненные молча смотрели на начальника, умом принимая его правоту, но сердцем отвергая услышанное. Ибо в каждом жила вера – он вернется домой, пройдет по галерее предков, склонит голову перед основателем рода и вдохнет еще раз терпкий воздух мастони. Он еще увидит Датлай...

– Установки надежно укрыть, замаскировать. Сканеры и

анализаторы держать под рукой. Периодичность проверки связи – раз в две недели. За работу! – подвел итог НАТОу.

В себя я пришел среди ночи. Минуту лежал с закрытыми глазами, стараясь продлить это странное состояние, потом с силой выдохнул сквозь полусжатые губы и сел.

Вот это фокус! Вот это кино! В цвете, с отличным звуковым сопровождением и даже с запахом. Не сон, а сказка!

Что у меня там внутри сработало, не знаю, но вместо простого сновидения я наблюдал за совещанием датлайских разведчиков. Слушал их разговор, смотрел сразу с нескольких сторон и даже...

И даже сумел проникнуть в мысли их начальника. Поэтому и узнал его имя, звание и еще кое-что.

Внутреннее «Я» услужливо показало не только бунгало, но и точное место, район и страну. Таиланд. Словом, все данные. В какой-то момент я даже пожалел, что под рукой нет оружия. Можно было бы прыгнуть туда через установку и взять всю компанию тепленькими. Уж к такому повороту событий они явно не готовы, оказать сопротивления не успели бы. И считай – полдела сделано. Но!..

Но не вышло. Зато теперь я знаю их планы, их намерения и их порядок действий. Выяснить бы еще, где они хранят установки. Ничего, все впереди.

«Огромное мерси... э-э... коллега! Почаще бы так. А то или обморок, или чудеса, или головная боль. Может, еще по-

кажешь кино? По заказу? Например, с координатами тайников, местом дислокации каждой команды и маршрутами передвижения?.. Тогда я один, без парней, проверну всю операцию и буду спокойно ждать, пока починят связь... Молчишь? Ну-ну. И все равно благодарю. За такой подарок ничего не жалко. Честное слово, готов хоть два часа терпеть твои экзекуции. Особенно если потом поможешь...»

Довольный собой и увиденным, я заговорил вслух. Не зная толком, к кому обращаюсь. Зато *оно* меня сразу услышало. И не замедлило воспользоваться обещанным. Последнее, что уцелело в памяти, – это падение враз отяжелевшего тела на диван, круги перед глазами и удар по вискам. Сеанс мутации начался...

Мотор старого, довольно потрепанного мотоцикла тарахтел, как трактор, из выхлопной трубы валил сизоватый дым. Я с опаской смотрел на это чудо техники, не уверенный, что смогу проехать на нем и пару километров. Впрочем, механик заверил меня, что «югор» прослужит еще долго, несмотря на почтенный возраст.

– Сам движок перебирал, – говорил Михалыч, поглаживая изогнутую дугу руля. – Сам клапана менял. Рекорды на нем, конечно, ставить нельзя, но по проселочной дороге прокатит как по асфальту. В восемьдесят первом выпустили специальную серию мотоциклов, сконструированных для пересеченной местности. Усиленный движок, большой объем, широ-

кие шины. Так что не бойся, довезет куда надо.

Успокоенный таким образом, я оседлал «железного коня» и осторожно повернул рукоятку газа. Мотор послушно прибавил обороты.

– Смелее, – подбодрил механик.

– Благодарю, Михалыч, – кивнул я и выехал со двора гаража на дорогу.

Проехав аллею, я свернул к управлению и затормозил у входа. Глянул на часы. Вот-вот должны подъехать Леня с Петром.

Несмотря на довольно ранний час, народ уже спешил на работу. Сотрудники учреждений, рабочие расположенного неподалеку ремонтного цеха, техники из железнодорожного депо. Тарахтели моторы старых автобусов и машин, стучали по стыкам путей колеса маневрового тепловоза. Начало нового дня...

Пользуясь свободной минутой, я еще раз проверил снаряжение. Карта, бинокль, компас, блокнот, пенал с ручками, карандашами, линейкой и циркулем. Фляга с водой, небольшой сверток с бутербродами и маленькой шоколадкой.

Оружие. Пистолет ПС – пистолет Солтиева. Самозарядная машинка, по габаритам сопоставимая с «макаровым». Калибр девять миллиметров. Магазин на двенадцать патронов. Сглаженные контуры, без выступов. Предохранитель куркового типа, как у ТТ. Довольно простая и надежная конструкция, вполне прилично работающая на дистанции до

двадцати метров. В качестве оружия ближнего боя почти идеальна.

Два запасных магазина в отдельной сумке. И нож – мой верный спутник еще с Аберена. Вполне достаточный арсенал для такого задания.

Загнав патрон в патронник и сняв курок с боевого взвода, я убрал пистолет в кобуру и опять глянул на часы. Пора. Где их черти носят?..

* * *

Они появились через пару минут. Шоссейный внедорожник «САЗ», внешне напоминающий нашу «ниву», только немного больше, затормозил в трех метрах от меня. Сидящий за рулем Леня заглушил мотор и махнул рукой.

– Привет! Уже здесь? А мы думали, что тебя ждать придется...

– Вставать раньше надо, – парировал я, рассматривая их снаряжение.

...Вчера в оружейной они долго и придирчиво отбирали себе оружие, осматривали образцы, кое-какие даже разбирали. Их повадки, придирчивость и внимание выдавали опытных бойцов.

Они выбрали себе пистолет-пулеметы ППТ – машинки, сделанные на базе основного оружия пехоты КТ-63 (штур-

мового карабина Типкова) под пистолетный патрон. Взяли по три запасных магазина, по паре гранат. И больше ничего.

Неплохой выбор, как раз под задание. Тащить с собой весь арсенал пехотинца нет смысла, не на войну едем, а на разведку местности. Задача не устраивать боев в стиле Рэмбо, а тихо и осторожно проверить район. В случае обнаружения противника – отойти. Оружие нужно только как средство самообороны...

Сейчас ППТ висели на ремнях, закинутые за спину. Сумки с запасными магазинами и гранаты остались в машине. Как и вместительный мешок с продуктами, запасом воды и другим снаряжением.

Одеты оба одинаково. Брюки военного образца из плотной ткани с тройной материей на коленях, куртки с капюшонами, на головах армейские кепи. На ногах ботинки с высоким берцем. Одежда и обувь как раз для подобных «прогулок».

Сразу видно, не первый раз парни идут на задание. Где же они воевали?..

Петр вылез из машины, пожал мне руку и кивнул на задание управления.

– Голыбин не приходил?

– Не видел.

– Ладно, пойдем. Нечего ждать...

Равнина. Широкие поля в ярко-зеленой окраске. Извилистые синие полосы рек. Прямоугольники темно-зеленых лесов и дубрав. Овраги, лощины, холмы – на фоне бесконечного простора они теряются, как заживающая царапина на теле. И только при ближайшем рассмотрении можно обнаружить их присутствие. Далеко не редкое в этой полосе.

В нашем мире на этой широте – юг Казахстана, Киргизия. Своя фауна, своя природа. А здесь почти европейский ландшафт. Что-то вроде Евпатории, Сочи, Анапы. Лето с марта по ноябрь, остальное время – осень. Снег – редкость, мороз – еще большая редкость.

Отличные условия для жизни. И для войны...

...Городской пост охраны мы миновали вместе, а разделились за Ступицино – небольшим поселением к западу от Самака. Некогда здесь был коттеджный городок, около сотни домов, инфраструктура обслуживания (магазины, больница, детсад, школа, технические станции). Теперь Ступицино – брошенное селение. Большая часть домов разрушена или сгорела, электричества нет, воды нет, газа нет, канализационная сеть не работает. Подстанция взорвана, водонапорная башня наполовину снесена. Центральная дорога и две объездные тоже разрушены. Асфальт изрыт воронками,

ями. Железнодорожная ветка скоростного пассажирского сообщения частично разобрана.

– Вообще-то Ступицино входит в план наших работ, – сказал Петр, когда мы добрались до поселка. – Кто будет делать осмотр?

– Начинайте вы, – предложил я. – А я поеду дальше. К Уштоберу. Там был железнодорожный разъезд, узел сообщений. Возможно, там кто-то живет.

– Ты в технике хоть разбираешься?

– Как-нибудь... – дернул я уголком губ. – Не спloшаю...

– Да?

Петр недоверчиво посмотрел на меня, потом глянул в сторону разрушенной будки стрелочника, возле которой стоял большой прямоугольный металлический ящик на стальных опорах. Когда-то ящик был огорожен сеткой, но теперь она частью лежала на земле, частью отсутствовала. Шедшие от соседнего столба провода электропередач лежали в траве.

– Что это – знаешь?

– Трансформаторная будка. Скорее всего понижающая. Питала оборудование этого участка пути, механизм въездной стрелки, давала электричество в будку и в соседние строения. Возможно, снабжала и близлежащие дома.

Петр глянул на будку, потом на меня и хмыкнул.

– Из деревни, говоришь?..

– Увидимся в Уштобере, – сказал я. – Если меня там не будет, значит, я поехал дальше, к Илидому.

– Дальше Илидома не уезжай. Встречаемся там в... пятнадцать ноль-ноль.

– Идет.

Развернув мотоцикл, я крутанул рукоятку газа и махнул рукой. «Югор» послушно набрал скорость и понес меня по обочине вдоль разрушенной дороги. Здесь можно было спокойно проехать.

«Лишь бы бензина хватило, – прикидывал я, объезжая рытвины. – В запасной канистре всего пять литров. Если особенно не лихачить, можно уложиться...»

На утренней встрече перед отъездом Голыбин еще раз напомнил, чтобы дальше Илидома мы не лезли. Мол, для первого раза хватит. А дальше видно будет.

Сразу за Ступицино начинались огромные поля. Некогда здесь выращивали зерновые, кукурузу и что-то еще. Лесов нет совсем, только узкие полоски лесозащитных посадок. Водоемов мало, одно небольшое озеро и мелкая речушка, которую даже ребенок легко перейдет вброд в самом широком месте. Правда, в сезон дождей речка превращалась в стремительный полноводный поток. И тогда в нее без страховки лучше не лезть.

Местность для наблюдения отменная – видно далеко, и спрятаться большому отряду людей негде. Впрочем, и сам на виду, но одному все же спрятаться легче, чем группе.

Помня о том, что это не прогулка, я действовал осторож-

но: внимательно рассматривал местность в бинокль, находил пару подходящих укрытий и ехал к ним. А там опять доставал бинокль...

Война обошла стороной этот район. Никаких разрушений, никаких воронок, никаких следов боевых действий. Даже железнодорожный путь уцелел. Только несколько мачт высоковольтных линий повалены. И на дороге, идущей вдоль путей, пара сгоревших грузовиков без колес.

Я ехал по дороге. Несколько раз сворачивал к «железке», рассматривал пути, проверял наличие «костылей», пинал шпалы и на глазок замерял зазоры между рельсами. Потом оценивал мачты. Большей частью они были деревянными и в принципе уцелели. А вот провода здорово провисли, часть и вовсе отсутствует.

«Железная дорога в норме, – прикидывал я, делая пометки в блокноте. – Ремонт не займет много времени. А вот восстановление автодороги – дело хлопотное. А если еще и линии тянуть... Долго и дорого. Впрочем, это не мое дело. Мое дело маленькое – провести разведку и доложить. И вообще – по фигу эти проблемы, со своими бы разобраться...»

Между Ступицино и Уштобером узкая полоска лесопосадок, идущая вдоль железнодорожного пути. Правее – заросшие бурьяном сотни гектаров пахотных земель, левее – небольшое озеро и пара невысоких холмов, господствующих

над местностью.

С них поселок Уштобер должен быть виден как на ладони. Наскоро осмотрев пути, я сделал несколько пометок в блокноте, заодно описав состояние опор линий передач, потом оседлал «югор» и покатил к ближнему холму.

Подъем был пологим, мотоцикл легко преодолел его и взлетел на вершину. Здесь была плоская площадка метров десяти в диаметре, заросшая невысокой травкой. В центре углубление, пара камней, поросших мхом.

Поставив мотоцикл, я вытащил бинокль – армейский образец с двадцатикратным увеличением – и направил его на Уштобер.

Этот поселок – почти полная копия Ступицино. Разница одна – здесь жили не выходцы из города, а коренные, деревенские. И дома больше старого стиля, много подсобных строений, огороды, сады. Поселок выстроен в виде вытянутого прямоугольника. В центре широкая дорога, по бокам – в два ряда дома, участки, огороды, сады...

Уштобер был обитаем. Я насчитал с десятков дворов, где мелькали фигуры людей. Кое-где бегали куры, гуси, важно вышагивал по изгороди петух, прыгали возле забора котята. Ну вот и жители нашлись. Уже хорошо...

Я медленно водил биноклем из стороны в сторону, внимательно рассматривая дома, строения, людей. Людей, кстати, мало. Только в двенадцати заметил мужские и женские фигуры. А всего домов больше восьми десятков. Да и жите-

ли... Молодых не видно. Зрелых, в силе, мужиков и женщин тоже нет. Как минимум шестьдесят пять – семьдесят.

Разрушений не видно. Дома целы, даже заборы не повалены. Но народ отсюда, понятное дело, слинял, когда запахло порохом. Остались только те, кому ехать некуда, да и незачем. И возраст не тот, и сил мало. Конечно, сюда заскакивали бойцы из военных подразделений и частей каганата, брали продукты, воду, птиц, но стариков не тронули. Знакомая картина – нет смысла убивать тех, кто кормит и поит. Видел уже, знаю...

«Чужих нет. Только старики. Значит ли это, что каганат отсюда совсем ушел или все же наведываются лихие хлопцы? Или как их там – нукеры?.. До железной дороги всего три километра. Может, чуть больше. Если в будущем эти нукеры захотят напакостить республике, свои диверсии будут совершать из таких вот поселков и деревень, где они знают всех жителей. И где жители знают их. Отменное место для временного укрытия, исходных позиций...

Командовал бы я силами охраны строящегося пути сообщения, ставил бы опорные пункты и гарнизоны возле таких вот поселков. И пункт под контролем, и чужих всегда различить можно. Кстати, этот холм – отменное место для опорного пункта. Местность как на ладони. Вокруг километров на пять – десять все видно. И до Уштобера три километра, из поселка никто пункт не обстреляет. Разве что из миномета. Но с каких это пор диверсанты таскают с собой миномета.

ты?..»

Рассмотрев Уштобер, я уделил внимание его окрестностям. Те же поля, приличных размеров сад, узкая речка в двух километрах. Открытая местность, незамеченным не подойти.

«Нет, все же отличная позиция для поста. Миномет или АГС и пара пулеметов для охраны. И хрен кто полезет, если только не армейская часть. До города неполных четырнадцать километров, как раз для первого опорного пункта. Надо сказать Голыбину...»

Повторный осмотр ничего подозрительно не выявил. Можно ехать в поселок. Я еще раз проверил оружие, сунул пистолет за ремень брюк на спине (старая бандитская уловка для ментов-лопухов), нож перевесил ближе к пряжке. Потрогал спину. Мокрая. Температура явно зашкалила за двадцатиградусную отметку, солнце выскочило из-за облаков. Жарковато. Но снимать куртку нельзя. Незачем обнаруживать арсенал. Надо потом взять безрукавку. Удобно и не так жарко.

Вновь оседлав мотоцикл, выбрал подходящее место для спуска и покатил вниз. Где, интересно, Петр с Леной? Все в Ступицино копаются? Или рванули напрямиком в Илидом?..

Бойцы отрядов Орду-улемского каганата в Уштобере бывали. Причем не так давно. Это я понял, всего-навсего про-

ехав по единственной улице. Высохший грунт дороги хранил следы протекторов широких колес внедорожников. И пятна масла кое-где уцелели. И позеленевшие гильзы в низкорослой траве. И смятая пачка папирос «Муштабек», которые, как я знал, предпочитают любители травки. В отрядах каганата курят анашу, марихуану, чарс. «Муштабек» изначально выпускают со смесью обычного табака и наркотика. В пропорциях один к трем. В пользу второго.

Проехав полпоселка, я свернул к выкрашенному в зеленый цвет забору, за которым была видна крыша большого дома. Его я выбрал еще на холме. Здесь жили по меньшей мере три человека. Хороший объект для получения сведений...

Парней я нашел на окраине Илидома. Этот небольшой поселок стоял за узким пролеском в девяти километрах южнее железной дороги, рядом с двумя глубокими песчаными карьерами. До войны здесь забирали песок для кирпичного завода. Технику угнали, ограждения частью сняли, так что теперь здесь остались только огромные котлованы, наполовину заполненные водой. Настоящие озера метров ста в диаметре.

К Илидому вела отдельная дорога, по которой когда-то гонял небольшой тепловозик с десятком вагонов. Железнодорожное полотно огибало поселок и шло к небольшой станции с маневровой площадкой.

Вот на этой площадке Петр и Леонид и находились. Ма-

шину поставили возле длинного деревянного сарая со сгоревшей крышей и большим черным проемом вместо ворот. А сами что-то рассматривали в траве.

При звуке работающего мотора синхронно повернули голову и почти одновременно перекинули ППТ из-за спины на грудь. Похвальная реакция...

Узнав меня, замахали руками, подзывая.

– Ну? Какие новости? – спросил я, глуша мотор мотоцикла.

– Ничего особенного.

– А что это вы тут рассматриваете?

– Да вот. – Леня ткнул пальцем во что-то, спрятанное в траве. – Любуемся...

Я подошел чуть ближе, глянул. Три черепа. Грязные, в земле и налипшей траве. У двух теменные части расколоты, третий начисто лишен нижней челюсти. Судя по всему, лежат они здесь как минимум три года.

– Интересная находка... – поднял голову Петр. – Что бы она значила?..

– Ничего особенного. – Я повернулся лицом в сторону карьеров, прикинул расстояние. Около трех километров. – Меня в Уштобере просветили. В первые годы гражданской войны местные хозяева неугодных и непослушных здесь казнили. Головы отрубали и вывешивали на заборах. А тела сбрасывали в карьеры. Говорят, почти сто человек таким образом порешили. Потом то ли надоело, то ли руководство за-

претило, но пленных просто расстреливали. Но тела опять же бросали в карьер.

– Тьфу ты, черт! – выругался Леня и ожесточенно потер ладони. – А я хотел искупаться! Еще тропинку подходящую высматривал... Влез бы...

– Ничего страшного... В карьере завелись раки, рыбы... Трупы давно обглодали, кости лежат на дне. Вода чистая.

– Да уж, чистая...

– Ты хорошо поработал, – глянул на меня Петр. – В Уштобере кто-то живет?

– Да. Полтора десятка стариков. Держат кур, гусей, коз. Выращивают овощи, сеют немного зерновых, лепешки пекут. В саду растут яблоки, сливы, абрикосы. Вода в колодцах есть. На дрова разбирают старые брошенные сараи, заготавливают в посадке. Вместо электричества – лучины и факелы. У кого-то керосинки сохранились, лампы. Словом, выживают. Много ли им надо?..

– Ясно. Дорогу, пути, мачты и линии электропередач осмотрел?

– Конечно. У вас что?

– Все то же самое. Только людей нигде не встречали. Пусто. В Илидоме тоже. Разрушения небольшие, дома, строения уцелели. На дороге чуть хуже, но терпимо.

Я взглянул на часы. Половина третьего. Время пролетело незаметно. Дело, по большому счету, сделано. Можно возвращаться. Или проехать дальше, посмотреть, что там. Где-

то через десяток километров пойдут довольно крупные лесные массивы, прорезанные клиньями полей. За ними гряда холмов – остатки заградительной линии, некогда созданной северными поселенцами для защиты от южных кочевников. Железная дорога доходила до гряды, это мы знали. А вот что дальше – неясно.

– Посмотрим, что там? – предложил я.

Леня вроде был не против. Но Петр отрицательно покачал головой.

– У нас приказ – не лезть дальше Илидома. Информацию собрали. Надо доложить Голыбину. Пусть он решает, что потом.

Это было правильное решение, и я не стал настаивать. Хотя очень хотел съездить к гряде. Были кое-какие сведения о тамошней обстановке и об отрядах каганата. Но это не для ушей Петра и Голыбина. Прибережем пока.

– Ладно. Раз дело сделали, давай обратно.

– Да. Только сперва перекусим. Быстро...

* * *

Обратная дорога не заняла много времени, два десятка километров мы проскочили за двадцать минут. Зато застряли на въездном посту охраны. За время нашего отсутствия здесь произошли разительные перемены.

Еще утром тут стояла небольшая палатка, рядом пуле-

метная позиция – полтора десятка мешков с песком, выложенных полукругом. В импровизированной бойнице торчал ствол РПДС (ручной пулемет Девяткина складной). Пара бойцов из отряда самообороны сидела на пустых ящиках из-под снарядов и сонно смотрела по сторонам. Нас они не останавливали, махнули в знак приветствия руками и опять устали на дорогу.

Теперь же палатка и мешки исчезли. На их месте был самый настоящий дот. Выложенный из кирпичей и закрытый почти на всю высоту мешками колпак. Узкая амбразура смотрит на дорогу. Из нее торчит ствол пулемета. Только не легкого РПДС, а станкового «скифа». Эта машина класса ПКМ, только помощнее, и калибр у нее немного больше – 8,2 миллиметра. Насколько я понял, очень мощное оружие, прекрасно работающее на дистанции до километра.

Дорога перекрыта шлагбаумом. За ним две сваренные из рельсов конструкции, поставленные в шахматном порядке. Проехать сквозь них можно только на невысокой скорости. Напрямую проскочить не удастся.

У шлагбаума стоит солдат. Форма защитного цвета, на голове каска, на плече штурмовой карабин. Ременная система наподобие старой десантной. Сумка для магазинов, сумка для гранат, фляга...

Увидев нас, он решительно шагнул вперед и поднял руку. В амбразуре дота ожил пулемет. Ствол чуть повернулся и взял нас на мушку.

Внедорожник затормозил первым. Я встал рядом с ним.

– Ни фиги себе картина! – удивленно произнес Леня, рассматривая солдата, дот и заграждения на дороге. – Когда успели?

Нас Мариновали минут пятнадцать. На помощь солдату из дота вышел второй. Они проверили документы, по радиостанции доложили о нас начальству. То, видимо, наводило справки у Голыбина. Потом опять проверили документы. И только после этого пропустили.

– Новые порядки, – констатировал Петр. – Значит, за город берутся всерьез. Раз нашли возможность и посты как надо организовать, и солдат настоящих поставить. А то местные вояки хороши только для охраны садов...

– Видать, действительно скоро строительство начнется, – высказал свое мнение Леня. – Весело здесь будет.

– Да уж! Веселья на всех хватит...

Появлением нового поста охраны изменения не ограничились. Уже в городе мы обратили внимание на довольно оживленное движение на улицах и наличие гораздо большего количества машин на дорогах. Лихо проскакивали повороты грузовики, солидно притормаживали на перекрестках тяжелые трейлеры, ловко сновали автобусы с новыми специалистами: строителями, рабочим, техниками.

Огромный маховик строительства раскручивался буквально на глазах.

Еще одно доказательство грядущих изменений ждало нас у подъезда управления. Свободная еще утром площадка автостоянки теперь была заполнена машинами. Внедорожники, небольшие грузовики, автобусы. У входа толпа, то и дело хлопают двери. Среди этой суеты наше появление прошло незамеченным. С трудом отыскав свободное место, мы оставили транспорт и поспешили к начальству. Шел шестой час дня...

– Железнодорожные пути большей частью уцелели. Разрушение полотна зафиксировано только на участке третьего – пятого, одиннадцатого – четырнадцатого и семнадцатого километров. Отсутствуют шпалы, пути разобраны, рельсы либо свалены под откос, либо увезены. Мачты и опоры линий электропередач пострадали больше. Провода оборваны либо провисли. Электрооборудование выведено из строя целиком. Требуется замены и ремонта. Автомобильная дорога требует капитального ремонта.

– Противник?

– Не обнаружен. Никаких следов присутствия. Но мы нашли следы его деятельности. Могильник, места захоронения, временные базы и лагеря. Крупное захоронение обнаружено в районе Илидома в карьере.

– Население где-нибудь есть?

– В Уштобере. Порядка пятнадцати человек. Старики. Живут своими огородами и садами, разводят домашнюю

живность. Река неподалеку, там рыба. С голоду умереть сложно. В качестве освещения используют керосиновые лампы и лучины. В каждом доме есть печи.

– Они что-нибудь знают о бандах каганата?

Петр запнулся, посмотрел на меня. Доклад делал он на правах старшего, но сейчас решил предоставить слово мне, ведь я был в Уштобере.

– Последний раз бойцы из гвардии каганата там бывали неделю назад. Ночевали. Потом уехали дальше на север. Больше старики ничего не знают. Не исключено появление противника и впредь. Если Уштобер не взять под контроль, там так и будут шастать бандиты. Отменное место для временной базы.

Голыбин посмотрел на меня, кивнул и предложил:

– Продолжайте.

– Да, собственно, это все, – подвел итог Петр. – На карте отмечены участки разрушенной железной дороги. Автотрассу я отмечать не стал, она вся требует ремонта. Остальное доложили...

– Хорошо. – Начальник управления отошел от разложенной на столе карты, сделал пометку в блокноте и вернулся к нам. – Результатами разведки я доволен. Сегодня же будет собрано совещание, доведем сведения до остальных. А пока...

Он глянул на часы, поднял голову, что-то высчитывая в уме, потом сказал:

– Что происходит в городе, видели?

– Частично, – хмыкнул Петр.

– Решение о начале строительных работ принято, сроки определены. Выделены люди, средства, материалы, техника. Сейчас началась переброска всего этого в Самак. Одновременно руководством республики принято решение о превращении Самака в южный форпост наших сил.

Слово «форпост» еще с Ругии вызывает у меня не самые лучшие ассоциации. Память отлично сохранила все эпизоды, где я косвенно или прямо имел отношение к армейским форпостам в Зоне. И когда под личиной водителя бежал в Ламакею, и когда в ранге командира батальона чистил Зону. Сейчас слова Голыбина всколыхнули неприятные воспоминания...

– Это значит, – продолжал начальник управления, – что в скором времени сюда придут дополнительные силы для обеспечения охраны города и близлежащих районов. С одной стороны, это хорошо. Чертовски хорошо. Но с другой...

– А что с другой? – недоуменно вскинул брови Ленья.

– О планах республики наверняка знают в каганате, – пояснил я. – Вряд ли их обрадует усиление позиций республики в пограничной зоне. Тем более что Самак входит в сферу их интересов. Так что они сделают все, чтобы помешать республике.

Петр смерил меня удивленным взглядом, покосился на Голыбина и как-то ехидно заметил:

– Неплохо для сельского жителя! Может, тебе лучше в центральный штаб или в правительство, а? Раз уж соображаешь?..

Я поймал внимательный взгляд Голыбина, изобразил понимающую улыбку и пожал плечами.

– Мне и здесь хорошо...

– Так вот, – опять взял слово Голыбин. – Можно ожидать, что каганат попробует помешать нам. Новым наступлением или действиями диверсантов. И если сам город мы еще удержим, то область, а тем более будущую магистраль... тут сложнее. Так что надо готовиться к самому худшему.

– Опять война! – как-то обреченно и тоскливо заметил Петр. – Когда же все закончится?

– Это к сведению. Теперь по вам, – продолжил Голыбин, словно не заметив замечания. – Сутки на отдых, потом новое задание. Надо будет сопровождать группу приехавших специалистов. Проведете их по сегодняшнему маршруту, покажете дорогу, поселки, обстановку. А они на месте наметят фронт работ. С вами пойдет охрана – пять человек. Дальше Илидома не ходите. Связью вас обеспечим. Все ясно?

– Да, – за всех ответил Петр.

– Тогда отдыхайте. Да! В другом крыле здания открыли столовую. Сходите поешьте. А то там у вас вряд ли была возможность нормально пообедать. Талоны на питание на вас заказаны, возьмете на месте. Все. Приятного аппетита...

Столовая – небольшое помещение рядом с запасным выходом. Сюда принесли десяток столов, тридцать стульев, длинную буфетную стойку, посадили в конце кассиршу с кассой и... столовая заработала. Кухня заняла соседнее помещение. Ассортимент небогатый, но вполне приличный.

В этот час столовая была почти пуста. Только двое мужчин среднего возраста сидели в углу, неторопливо поглощая содержимое тарелок и о чем-то разговаривая. Судя по их одежде, это сотрудники одного из многочисленных отделов, расположенных в здании.

Я подошел к стойке, прочитал написанное на листке от руки меню. Суп куриный, котлеты, жареная рыба, гуляш, макароны и картофельное пюре на гарнир. Яблочный сок, компот, сметана, булочки...

Так... Суп не хочу, котлеты подойдут, пару порций. Пюре тоже. И сок.

– Привет! – раздался за спиной знакомый голос. – А я думал, куда ты исчез?! А ты здесь...

Я обернулся. На меня смотрело довольное лицо Семена. Лоб чем-то испачкан, волосы всклокочены, глаза блестят, улыбка до ушей. На нем темно-синяя спецовка в черных полосах, на ногах тяжелые ботинки. За ремнем синяя кепка.

– Привет. Ты откуда такой... синий?

– Так с депо. Мы с дядей в ремонтный цех устроились. С тепловозами возимся. Всякие там ТО и ТР⁴... Я на слесаря

⁴ Технический осмотр, технический ремонт.

по ходовой части учусь. А дядя – дизелист. Зарплата приличная, я о таком даже не мечтал! Условия – во! Два дня по двенадцать часов работаем, два дня отдыха. Аванс выдали – полсотни! А всего в месяц – двести! Буду слесарем второго разряда – двести сорок. Говорят, пятый разряд до трехсот сорока зарабатывает! Это кроме талонов на питание, премий и другого!

Семена прямо-таки распирало от восторга. Он говорил взхлеб, азартно и излишне громко. Привлеченные его голосом служащие обернулись, удивленно посмотрели на молодого парня. Даже кассирша – мощная, дородная женщина лет пятидесяти – проснулась.

– Ты сколько дней отработал? – невольно засмеялся я.

– Два дня. Завтра первый выходной. Пойдем с дядей на рынок. Мы заняли две комнаты в общежитии. Купим кое-какую мебель, новоселье справим. Приходи завтра вечером!

– Благодарю. Посмотрим.

– А ты-то где работаешь?

– Молодые люди! – крикнула кассирша. – Вы брать что-нибудь будете?

– А? Ага! Сейчас. – Семен взял поднос, глянул на меня. – Давай за стол сядем. Там поговорим.

Мы набрали тарелок, стаканы, заплатили и заняли ближний к окну стол. Семен, манипулируя с ложками и вилками, продолжал разговор, с аппетитом уничтожая ужин.

– Да! – спохватился он через пять минут. – Так где ты

работаешь?

– В службе снабжения управления строительных и восстановительных работ. Водитель.

– Да-а?.. Я слышал, что это управление еще не создано.

– Уже. Начальник есть, сотрудники... тоже есть. И дел невпроворот.

Семен кивнул, отставил тарелку с супом, точнее, уже без супа, пододвинул второе и снова заговорил. О депо, о работе, о дяде. Перескакивая с одного на другое, возвращаясь к прежнему, при этом поглощая котлеты и картофель и запивая все компотом.

За десять минут я узнал массу ценной и полезной информации о восстанавливаемом депо, о трех тепловозах – всем парке подвижного состава Самака, – о проблемах тормозных колодок, о буксах качения и буксах трения, о дефиците смазки ЖРО, о чудодейственном хозяйственном мыле, что возвращает перепачканной спецовке первоначальный вид.

Семен выкладывал новости с простодушием сельского жителя и подробностями новичка, пораженного столь большим количеством буквально свалившейся на него информации.

Самое смешное, что рассказывал он это человеку, окончившему в свое время железнодорожный техникум и имевшему довольно полное представление обо всем этом. Так что наивные признания и откровения вызывали улыбку.

Столовую мы покинули вместе. Уже на пороге управления Семен озадаченно потер лоб, спросил, который час, быстро попрощался и торопливо сбежал по ступенькам, предварительно напомнив о завтрашнем приглашении.

Я последовал его примеру, оседлал «югор» и порулил домой. Впереди ждала работа. Так сказать, личная...

...Срочное совещание датлайских разведчиков закончилось. Как показал сканер, они покинули побережье Таиланда. Видимо, пришли к какому-то решению и теперь продолжат работу.

Я занес названия городов в блокнот и отметил несколько точек на карте. Рутинная процедура по сбору информации. Возможно, пригодится для последующего анализа.

С датлайцами все ясно, они будут продолжать внедрение, захватывать ключевые позиции, искать новые связи. Чудесным образом подслушанный эпизод разговора прояснил обстановку. Пока их можно оставить в покое.

Теперь местные дела. На стол ложится другая карта, в блокноте открывается новая страница. Начнем с окрестных территорий...

Голыбину и своим новым коллегам я выложил не все, что узнал в Уштобере. Кое-какую информацию приберег для себя. Конечно, точными данными это не назвать. Так, слухи, обрывки подслушанных разговоров, мнения. Но мне они мо-

гут пригодиться. В скором будущем.

...Шегус. Небольшой городок у подножия гряды. Железнодорожная станция, трансформаторная подстанция, распределяющая электроэнергию на соседние населенные пункты. Сразу за Шегусом – цепочка холмов. Высота не больше двухсот метров. Сквозь гряду проложены два тоннеля. Первый – железнодорожная и автомобильная ветка. Второй – технический. Линии электропередач, трубопровод.

Как сказали старики, до сих пор в Шегусе сидит отряд вооруженных сил каганата. Это самостоятельное подразделение, почти целиком составленное из наемников. Они не подчиняются верховному командованию каганата, но выполняют их приказы.

Расположение у них самое удобное, выбить из города трудно, и у отряда всегда есть куда отойти. Холмы – отличная запасная позиция. К тому же у республики до сих пор не дошли руки до столь отдаленного участка.

Итак, Шегус стоит первым в списке возможных источников получения информации. От Самака до него по прямой семьдесят километров. По дороге выйдет почти восемьдесят. Можно провести разведку за день и вернуться до ночи. Либо наоборот – выехать ночью, чтобы приехать под утро. Это уж как выйдет. Дальше...

Темаук. Райцентр, если использовать привычную терминологию. Немногим более тридцати километров на юг от Самака. Сейчас там находится опорный пункт войск кага-

ната. Именно оттуда проникают на территорию республики разведгруппы и диверсанты противника. Там штаб частей и подразделений, а также тыловая база. Конечно, все подступы к Темауку перекрыты, линия обороны проходит километрах в десяти – пятнадцати от райцентра.

Теперь о противнике. В рядах вооруженных сил каганата много фанатиков-националистов, молодежи, которой задурили головы, уголовников, рассчитывающих урвать куш, просто бездомных бродяг. И немалое количество наемников. Тех, кто воюет за свой карман.

В основном из наемников, а также из фанатиков и состоят диверсионные группы. А вот шальные банды, не подчиненные никому, в большинстве своем состоят из молодых сорвиголов и уголовников. Этим строгое подчинение начальству не по душе, и они действуют на свой страх и риск.

Именно бандиты – самые безжалостные и опасные из всех. И именно они довольно часто наведываются на границу с республикой, нападая на населенные пункты, малочисленные заставы, перехватывая транспорт, людей, грузы.

Так что эти молодчики – мой потенциальный источник информации по каганату. Остается только выбрать место для «охоты» и решить, как и когда ее начать.

На карте появились новые отметки. Места нахождения воинских частей каганата, места возможного появления разведгрупп и бандитов. В блокноте исчез еще один пустой столбец таблицы.

За окном успело стемнеть. Солнечный свет сменился лунным. В небе засверкали яркие звезды. Часы показывали половину десятого.

Бумажная ли работа отняла много сил, или организм успел проголодаться, но я ощутил нешуточный голод. Быстро закончив с делами, поспешил на кухню.

Включил радио, чтобы было веселее, и начал колдовать с котлетами и картофелем. Пока жарил, ждал, когда остынет, а потом поглощал простую, но сытную пищу, слушал выпуск новостей.

Где-то что-то строили, где-то восстанавливали, пускали в строй, поднимали из руин. Где-то воевали. Причем, судя по сводкам, – исключительно успешно. Захватывали населенные пункты, уничтожали врага. Как в реальности обстояло дело – не рассказывалось. Да и никого не интересовало. Главное – республика побеждает...

Диктор распинался долго. От сводок с фронтов истроек перешел к указам и распоряжениям центрального руководства. «Направить все силы...», «Решительно покончить...», «Ускорить процесс...» и так далее. Из всего потока указов заинтересовала одна – «Приказ о всестороннем обеспечении начавшегося строительства линии Самак – Жембас. О дополнительном выделении резервов. Людских, технических, материальных. Об охране линии. О политической и идеологической поддержке...» В общем, круто решили вла-

сти взяться за Самак.

После сытного ужина вполне закономерно потянуло в сон. По привычке еще раз проверив входную дверь и окна, стянул с себя одежду и упал на диван. Похлопал по упругому лежаку и вдруг вспомнил, что уже довольно давно обхожусь без женского общества. И что эту ситуацию надо как-то исправлять. Желательно побыстрее...

– ...Первое – непроверенные миры. Аппаратуру ставим, но не активируем. Будем включать одновременно. Для этого каждый блок снабжаем приемником. Это во всех мирах, кроме тех, где обнаружим колонии. Там придется ставить блокировку. Иначе противник сможет восстановить связь. Разведгруппы – уничтожаем, аппаратуру ставим, но тоже не активируем. Второе – проверенные миры. Придется вновь выходить в них.

– Во все?

– Только в те, где нет колоний. Отключаем аппаратуру, монтируем приемники и прячем снова. Активировать будем вместе со всеми. Таким образом, снизим общий фон излучения и, может быть, сумеем восстановить связь с Артуром.

– А если нет?

– А если нет – продолжим поиск. Где-то ведь должна быть разгадка... Вопросы или возражения есть?

Ответом было молчание. Парни смотрели на карту мно-

гомерного пространства, прикидывали общий объем работ и... ничего не говорили.

Два дня прошли в непрерывном ожидании. Битрая не вылезал из импровизированной лаборатории, проводя один опыт за другим, его помощники сбились с ног, а Новистра поселил на станции целый штат врачей, чтобы те поддерживали ученых в работоспособном состоянии. Но все пока было впустую.

Связь с Землей-4 отсутствовала, и никаких признаков, что она будет восстановлена в ближайшие дни.

Но сидеть сиднем и горевать – удел слабаков. Надо действовать. И быстро. Если есть шанс, его надо использовать.

– Мы готовы! – наконец отозвался Сергей. – Начнем сегодня же.

– Мы тоже, – ответил Эгенворт. – Штурмовые группы, вооружение, техника...

Битрая кивнул, глянул на собеседников.

– Тогда приступаем немедленно...

За стеной монотонно дребезжала дрель. Непрерывно, на одной ноте, изредка срываясь на визг. Звук не то чтобы громкий, но надоедливый, нудный. Из-за этого дребезжания голос начальника управления звучал как-то глухо.

– ...Бетон, арматуру и доски подвезут сегодня же. Песок лучше брать в карьере, это недалеко. Строительство надо начинать немедленно! Восстановление железнодорожного пути уже идет полным ходом. Надо обеспечить прикрытие. Это ясно?

– Ясно, – ответили два голоса.

– Тогда приступайте. Дальше...

Голыбин на миг замолчал, прислушался к визгу за стеной, поморщился и едва заметно качнул головой.

– Дальше. По железной дороге и оборудованию... Ремонтные бригады уже приступили к работам на городском участке. И вот-вот дойдут до Ступицино. Надо организовывать подвоз материалов и оборудования к новым участкам. По этому вопросу есть несколько предложений...

Очередное совещание в кабинете Голыбина. По скорости проведения и накалу страстей очень похоже на совещание командования части перед боем. Все стоя, накоротке. Двенадцать человек – недавно прибывшие и только назначенные

начальники служб, бригадиры строительных команд, мастера, ответственные работники управления.

Они приступили к исполнению обязанностей с ходу, не успев толком отойти от многочасовых переездов. Кто-то приехал со своими рабочими, сотрудниками, кто-то с техникой, кто-то один. А из-за того, что времени на привыкание, притирку, освоение не было, постоянно возникали нестыковки, трения, сбои и как следствие – конфликты. Словом, нормальная рабочая обстановка, типичная для подобных условий.

Голыбин стоял во главе длинного и широкого стола, только вчера привезенного сюда, водил рукой над огромной картой, занявшей все свободное место, и разъяснял суть проблем. Остальные окружили стол, внимательно слушали, иногда перебивая начальника управления вопросами, тут же вносили предложения, уточнения.

Часто звонил телефон на рабочем столе Голыбина, но на звонки сейчас отвечала его секретарша – видная женщина лет тридцати пяти, довольно привлекательная, в строгом костюме, юбке ниже колен, с бледным лицом и каким-то застывшим взглядом. Она отвечала ровным голосом, без эмоций и чувств. Голыбина от разговора не отвлекала.

– ...Колонны с техникой, материалом и людьми будем отправлять по готовности. Охрану – обязательно! – повысил голос Голыбин. – Было три случая нападения на передовые армейские посты, обстрел дороги... Каганат уже в курсе наших планов и, похоже, начинает прощупывать ситуацию. Надо срочно решать, как и какими силами будем обеспечивать безопасность работ. Капитан Смоленов!

– Да, – отозвался представитель армейского командования, единственный из всех собравшихся – в военной форме.

Это был заместитель командира пехотного батальона, который исполнял роль гарнизона Самака. Смоленов – мужчина лет тридцати пяти, среднего роста, сухощавый, жилистый. Черты лица резкие, глаза глубоко посажены, какие-то блеклые. Волосы светлые, коротко остриженные. Над верхней губой усы. Они придавали капитану несколько комичный вид.

– Вам поручена подготовка личного состава отрядов самообороны из числа прибывших вольнонаемных. На какой стадии формирование?

– На нулевой, – прямо ответил тот.

Голыбин недовольно нахмурил брови.

– Поясните!

– Людей мало, на сегодняшний день из ста двадцати по штату набрано тридцать два. Возраст – от семнадцати до пя-

тидесяти пяти. Причем в основном представлены крайние возрастные категории. Опыта нет, военной подготовки никакой, только двое раньше воевали. И то во вспомогательных частях. Оружия толком не знают, о тактике не имеют ни малейшего представления. Физическая подготовка отсутствует напрочь.

– Ну хоть чему-то вы их научили?! – раздраженно спросил Голыбин.

– Проведено четыре занятия. Ознакомили с оружием, провели стрельбы, объяснили суть поставленных перед ними задач. Провели одно тактическое занятие. Самое элементарное – организация службы по охране территории, организация обороны населенного пункта, бой в обороне, патрулирование...

– Почему так мало? За четыре дня можно было дать и больше!

– Это смотря кому. – Капитан недовольно повел плечами. – Часть из них быстро устает. Часть не запоминает материал, приходится повторять дважды и трижды. Вводную по огневой подготовке проводили два раза. На стрельбах едва не произошел несчастный случай.

Начальник управления опустил голову, несколько секунд рассматривал карту, видимо, осмысливая услышанное. Потом посмотрел на собеседников.

– Плохо. Но других людей у нас все равно нет. Штаб Южного направления вместо обещанного батальона прислал две

неполные роты. Которые мы задействуем для охраны строительства. И если учесть, что надо отодвигать от города и магистрали линию безопасности, даже этих рот будет недостаточно. Так что отряд самообороны крайне необходим. И крайне необходимо продолжать набор людей туда. В противном случае мы оставим без прикрытия весь участок строительства вплоть до Узмана. Посему...

Голыбин запнулся, едва заметно вздохнул. Его взгляд прошел по кабинету и отыскал меня...

На совещание я угодил случайно. Вчера вечером Голыбин приказал быть готовым сопровождать колонну до Уштобе-ра. Стартовать она должна от управления. Я прибыл сюда к восьми, но ни машин, ни людей не застал. Подождал минут пять и пошел прояснять обстановку.

Сперва хотел расспросить новую секретаршу начальника управления, но той на рабочем месте не было. Пришлось стучать к Голыбину. У того шло совещание. Начальник кивнул в знак приветствия, слушать не стал, указал пальцем на стул и жестом велел ждать. Вот такая пантомима... Делать нечего, сидел и слушал разговор...

– Посему сегодня отряд должен занять два населенных пункта. Илидом и Стиханск. Таким образом, мы прикроем песчаный карьер и трассу, идущую вдоль озера. Капитан, вы можете выделить хотя бы двух толковых сержантов, чтобы

они возглавили отряд?

Смоленов секунду помедлил, потом ответил:

– Да.

– Хорошо. Тогда готовьте людей. Машины мы выделим. На этом, пожалуй, все. У кого есть вопросы?.. Нет? Тогда закончим. И на будущее – все рабочие вопросы, все проблемы решать на месте. По телефону или по радиосвязи. Не надо по каждому поводу ехать в управление. У нас крайне сжатые сроки строительства. Нельзя допускать малейшего промедления... Все, по местам!

«И тон армейский, – мелькнула у меня мысль. – Явно раньше тянул лямку. Или просто привык за последние годы?..»

Через минуту все разошлись. Голыбин проводил их до дверей, махнул мне, мол, еще немного, и подошел к секретарше. Выяснить, кто и по какому поводу ему звонил. Пока они разговаривали, я про себя прикидывал, когда все-таки пойдет колонна до Уштобера и успею ли приехать обратно до обеда. Если к десяти часам не выедем, то вряд ли...

От размышлений оторвал голос начальника.

– Извини, что заставил ждать. Сам видишь – сколько проблем.

Голыбин жестом подозвал меня к столу. Сам встал рядом, упер руки в край столешницы и несколько секунд молчал, словно собираясь с мыслями. Потом сказал:

– В Уштобер не поедешь. Колонна уже ушла.

– Кто повел?

– Петр. Леонид днем поведет вторую. У тебя другая задача. Посложнее...

Он глянул на меня снизу вверх, как-то виновато вздохнул и пояснил:

– О выезде отряда самообороны в Илидом слышал?

– Да.

– Ты там был, дорогу знаешь. Я хочу послать проводником тебя. Не против?

Я пожал плечами – мне без разницы. Правда, это дальше, чем Уштобер, и к обеду точно не успею, но это не смертельно.

– Прости, что так внезапно. И что вообще тебя гоняю. Но больше просто некого. Петр и Леня заняты, два новых сотрудника только вчера приехали, обстановки не знают. А отпускать отряд один нельзя. Слышал, что он собой представляет?!

Не только слышал, но понял. Вольнонаемные бойцы! Крайние возрастные границы, отсутствие всякого опыта, подготовка не дотягивает даже до начальной. В Германии их называли фольксштурм. И их бросают на границу с каганатом! Пусть граница условна, пусть передовые части противника километрах в пятнадцати от Илидома, но ведь это все равно граница! Совсем оскудели резервы республики, если она вынуждена отправлять на передовую таких солдат.

Разумеется, эти мысли я держал при себе. В ответ только кивнул.

– Проводишь их до Илидома. Там останется половина отряда. Вторая поедет в Стиханск. Ты ведь и там был?

– Был.

– Надо довести, показать место. А потом сразу обратно. Сделаешь?

– Сделаю.

– Смотри. Вот ваш маршрут. От Ступицино повернете налево, на грунтовую дорогу. По сравнению со старым шоссе она в более-менее нормальном состоянии. И напрямик к Илидому. Оттуда – в Стиханск.

Его палец провел короткую линию по карте. Я проследил за движением пальца. Перевел взгляд на карту. Это был интересный документ.

Масштаб: сантиметр – десять километров. Ломаная линия будущего строительства, разноцветные метки – участки разрушенной железной дороги и линии электропередач, будущие опорные пункты, не построенные еще склады и перроны... Тонкой пунктирной линией обозначена граница владений республики. Небольшие красные точки с надписями – посты на дорогах, заслоны, передовые позиции. Отдельно выделены не подконтрольные никому зоны, районы возможной дислокации вражеских отрядов.

Очень ценная, надо сказать, карта. Я успел скопировать ее и теперь внимательно следил за любыми изменениями. Го-

лыбин – ответственный работник высокого уровня, у него всегда свежая информация и из центра, и от военных, и от службы безопасности. Так что у меня не начальник, а просто кладезь данных.

– Все ясно?

– Да. Когда выезжать?

– По готовности отряда. Я позвоню в штаб батальона, выясню, когда посылать машины. Выделим три «кунгура». Встретишь их здесь. Извини, но придется подождать. Думаю, не меньше двух часов.

«Три как минимум, – внес я коррективу. – А то и все пять».

– Подождем. Перекушу пока, мотоцикл проверю...

– Вот-вот. Поешь...

Голыбин опять взглянул на меня, и опять в его взгляде было что-то такое... извиняющееся.

– Ваша «левая» подработка скоро закончится. С сегодняшнего дня две строительные бригады начнут идти навстречу друг другу. Как только первый кусок восстановят и построят опорный пункт возле Уштобера – вы начнете возить грузы.

Он хотел добавить что-то еще, но в этот момент зазвонил телефон. Секретарша взяла трубку и почти сразу передала ее Голыбину.

– Да? – повысил голос тот. – Слушаю... Как? Повторите, не понял?

В его голосе прорезалась тревога.

– Когда? Так, понял! Помощь вызвали?.. Потери есть? Спрашиваю. Потери есть?.. Так уточните! И доложите мне сразу! Буду ждать! Все.

Голыбин бросил трубку, раздраженно хлопнул ладонью по столу и выругался:

– Вот черт!

Поймал мой вопросительный взгляд и сказал:

– Обстреляли Лотургин! Армейский пост. Кажется, есть раненые...

Голыбин покрутил головой, потом приказал секретарше:

– Соедини меня с комендантом.

Та начала накручивать диск телефона. Голыбин подошел ко мне.

– Иди. Как только отряд будет готов, я сообщу. Далеко не уходи.

– Ясно...

Я уже подходил к двери, когда секретарша протянула начальнику трубку и пояснила:

– Комендант.

Пошла вторая неделя с того момента, как я приступил к работе в Самаке. Точнее – приступил к работе по прикрытию своей настоящей работы. И пока это самое прикрытие отнимает столько сил и времени, что о главном деле и вспомнить некогда.

Практически каждый день выезд в область. Осмотр железных и автомобильных дорог, оборудования и техники (вернее, их остатков), осмотр населенных пунктов, приблизительный подсчет объема работ, и снова – выезд, осмотр, оценка... Десятки километров в седле мотоцикла, паршивые дороги и постоянный риск налететь на шальную группу бандитов или диверсантов каганата. Интересное я себе место нашел!..

Впрочем, был во всем этом один существенный плюс. Такая должность позволила мне получить доступ к практически неограниченной информации. И по республике, и по Самаку, и по другим вопросам. Карта на столе Голыбина – далеко не все, что я смог увидеть. А совещание в его кабинете – не все, что я смог услышать.

Правда, полученные данные пока не очень-то помогли продвинуться в главном направлении. Но тут уж ничего не поделаешь. Надо ждать. Надеюсь, недолго.

Машины с бойцами отряда самообороны прибыли к управлению ближе к двенадцати. Два армейских грузовика среднего класса, часть кузова скрыта тентом, вдоль бортов мешки с песком, стекла в кабинах частично закрыты стальным щитками.

Командир отряда – внушительного вида сержант, выправка которого выдавала в нем старого служаку, – вылез из кабины первого «кунгура», поправил висевший на плече штур-

мовой карабин и подошел ко мне.

– Проводник – ты? – пробасил он.

– Да.

Сержант протянул руку и представился.

– Сержант Басов.

– Артур Томилин.

Сержант смерил меня цепким взглядом, отметил карабин за спиной, сумки с запасными магазинами и гранатами на груди.

– Служил?

Он не спросил, воевал ли, видимо, эти два слова для него были синонимами.

– Так... Слегка. Когда выезжаем?

– Прямо сейчас. Дорогу знаешь хорошо?

– Пару раз ездил.

– Тогда покажи по карте.

Сержант обернулся к машинам и крикнул:

– Егор!

Из второго «кунгура» вылез невысокого роста боец в поношенной и выцветшей форме зеленого цвета. На голове кепка с коротким козырьком, на ногах армейские ботинки. Полная «сбруя» – сумки под гранаты и магазины на ременной разгрузке, нож, карабин со сложенным прикладом на правом боку. С левой стороны висела планшетка, сверху бинокль. Все подогнано, притянута, словно приклеено к телу.

Он сделал несколько шагов, прежде чем я различил на по-

гонах узкие поперечные полосы. Ефрейтор.

– Это мой помощник, ефрейтор Неверов, – пояснил сержант.

– Значит, вас Смоленов и поставил руководить отрядом? – сообразил я, с любопытством разглядывая обоих. – Ясно...

Ефрейтор достал карту. Я карандашом показал маршрут движения, рассказал о дороге, упомянул пару мест, где удобно поставить засаду (если есть кому ставить). Назвал приблизительное время в пути, учитывая состояние дороги.

– От силы полчаса. С запасом. От Илидома до Стиханска еще столько же.

– Народ там есть?

– В Стиханске. Человек двадцать. Большинство – в возрасте. Место там хорошее. Рядом озеро, посадки плодовых деревьев, роща. И поля. С голоду умереть трудно. Рыба, домашняя птица, живность, овощи, хлеб свой. В роще дрова для печи...

– Да, здорово! – согласился Неверов. – Отличное место для базы. Каганат вряд ли захочет отдать его.

– Вот и займем его первыми, чтобы не отдавать! – рявкнул сержант. – Поехали!

Часы показывали четверть первого, когда мы миновали пост охраны на выезде из города и покатили к Илидому. Первый отрезок пути занял много времени. На дороге шли ремонтные работы. Бригада строителей восстанавливала ас-

фальтовое покрытие, и мы вынуждены были сделать крюк по земле. Сплошные ямы, колдобины, выбоины. Чтобы не поломать рессоры, ехали очень медленно. И только когда проскочили третий километр, вышли на трассу и прибавили скорость.

...Двадцатое сентября, осень. Яркое солнце в чистом небе, легкий ветерок, температура зашкаливает за двадцать. Из-за особенностей местной географии лето здесь длится до конца ноября. Дневная температура не падает ниже двадцати, только дожди с начала октября льют часто и долго. Октябрь, как мне сказали, – сезон дождей. Сухие дни редки, не больше семи-восьми.

А вот с декабря начинается новое время года – зимняя осень. Плавно переходящая в осеннюю зиму. Разница между ними в одном. Осенью ночная температура не падает ниже плюс десяти. А зимой падает. Аж до плюс трех! Такой вот здесь чудный климат...

Я ехал впереди небольшой колонны, метрах в пятидесяти. Держа скорость в пятьдесят километров в час. Внимательно глядя на дорогу и по сторонам. Район, где велись восстановительные и строительные работы, уже миновали, так что теперь если кто и возникнет на горизонте, то только враг. И судя по последним событиям, его появление весьма вероятно.

Еще три дня назад я пополнил свой арсенал штурмовым

карабином (как здесь называют автомат) и парой гранат. Раз уж враг бродит поблизости, его лучше встречать более сильным и плотным огнем.

«Скорей бы уж перекрыли границу и прекратили доступ вражеских диверсантов к городу, — размышлял я. — Надоела эта нервотрепка — влипну, не влипну. Не для того приехал сюда, чтобы постоянно рисковать жизнью в малозначительных стычках и сшибках».

Очередная воронка на дороге заставила сбросить скорость и свернуть на обочину. Объехав препятствие, глянул назад. Машины тоже сбрасывали скорость. Тяжело груженные, они тормозили медленнее и маневрировали хуже.

«Кунгуры» помимо людей везли запас боеприпасов к стрелковому оружию, гранаты, мины, а также продовольствие, инструменты, мешки с цементом, арматуру, дизельные движки, бензин и дизтопливо в канистрах, полевые кухни и еще кучу вещей, необходимых для автономной жизни.

«Впрочем, — вернулся я к размышлениям, — от того, что в селах и деревнях сядут отряды самообороны, проку будет немного. В лучшем случае удержат сами населенные пункты. На большее они не способны. Особенно эти, что едут позади...»

Вид добровольцев не внушал никакого оптимизма. Часть — пацаны лет семнадцати-восемнадцати, которые просидели последние годы вдали от фронтов (поэтому и выжили). Вто-

рая часть – мужики на шестом десятке. Эти когда-то служили в армии, но так давно, что успели забыть почти все. И опять же, большая часть из них в боях не участвовала. Только несколько человек – мужики тридцати-сорока лет – успели нюхнуть пороху и получить опыт. Все они – жители небольших поселков, деревень, куда война просто не дошла. По каким-то причинам они не усидели дома и не пошли на заводы, а решили попытать счастья в армии.

Горячими патриотами они не выглядели, фанатиками тоже. И на дураков не похожи. Впрочем, наверняка есть какие-то причины. Мне их не понять, я сам защитник и патриот еще тот. В том плане, что под родиной понимаю своих родных и близких, свой дом. Где это все есть – там и родина. География тут ни при чем.

«Но что могут три десятка человек там, где нужно по меньшей мере в десять раз больше? У них даже формы единой нет, одеты кто во что горазд. Брюки, куртки, обувь – все свое. По виду – группа охотников, вышедших на природу пострелять зайцев и уток... А вооружение? Часть со старыми самозарядками. Больше чем уверен, что тоже собственными. Нет, оружие хорошее, надежное. Калибр внушительный – 8,2 миллиметра. Патрон сильный. Эти карабины были на вооружении Русинии до середины шестидесятых годов, пока не создали штурмовой карабин Типкова. Еще часть с самозарядками Девяткина – более современный вариант калибра 6,65. Только у пятерых штурмовые карабины. Пуле-

метов всего два. Один легкий ручник РПДС, один тяжелый ротный „скиф“ калибра 8,2. На весь отряд два подствольника – у сержанта и ефрейтора. Минометов нет, автоматического гранатомета нет. Только гранаты, еще десятка три противопехотных мин.

Конечно, против трех – пяти человек такой арсенал пойдет. Но если врагов будет двадцать? Тридцать? И не с автоматами и карабинами, а с минометами и пулеметами? Или вообще с броней?..»

Чувствуя, что начинаю злиться, я пару раз глубоко вздохнул и попробовал думать объективнее.

Отряды самообороны созданы не для ведения полномасштабных боевых действий, а для защиты от небольших банд, отдельных групп противника.

Впрочем, здесь, на южной границе, даже добровольцы вынуждены воевать с регулярными частями врага. Сил у армии тоже кот наплакал. Югорская республика воюет на четыре фронта. И каждый требует людских резервов, оружия, техники, средств... Правда, фронты эти не чета фронтам Второй мировой, но все же...

Старые запасы вооружения за шесть лет исчерпались, недавно восстановленные заводы дают очень мало танков, бронетранспортеров, артиллерии, считанные единицы вертолетов и самолетов. Единственный оружейный завод в три смены гонит стрелковое оружие, минометы.

Вот и выскребают до дна старые склады и запасники, вытаскивают устаревшие образцы оружия и техники, побитую молью форму, обувь.

А ведь еще нужны патроны, снаряды, мины, бомбы, ракеты. Топливо для техники, горюче-смазочные материалы, запчасти. Средства связи, обмундирование, обувь. Да много чего требуется фронтам.

И это только военные нужды. О промышленности, сельском хозяйстве и остальном вообще говорить нечего. Дефицит, дефицит и еще раз дефицит. Всеобщая нехватка всего и вся!..

Так что три десятка вольнонаемных охотников на границе – не самый худший вариант.

...В двух километрах от Илидома я свернул с дороги, захватил на небольшой холмик и оттуда в бинокль стал рассматривать станцию и поселок. Вроде тихо. Никого. И следов недавнего пребывания незаметно. А ведь только сегодня диверсанты каганата обстреляли Лотургин. Правда, отсюда до него почти тридцать километров. Был точечный удар?..

Позади послышались шаги. Я бросил взгляд назад. Сержант. Тоже с биноклем.

– Как там?

– Вроде тихо.

– Вот именно – вроде.

Басов с минуту смотрел на поселок, потом озадаченно

хмыкнул и опустил бинокль.

— Как думаешь заходить?

— Без выдумок. О нас никто не знает, засаду приготовить не успеют. Если шальная группка и заскочила туда, то либо уже умотала, либо сидит как мышь.

— И что, на машинах?

— Да. Только пустим вперед небольшой дозор. Троих. Пройдут, посмотрят. А уж полную зачистку твои люди после проведут. Когда займут поселок.

Басов секунду подумал, потом кивнул:

— Идет. Сам не пойдешь?

— Эта ваша работа, — невозмутимо ответил я на явно провокационный вопрос.

И чуть было не ляпнул: «Это ваш мир». Едва успел прикусить язык.

Сержант не обиделся, не окатил презрительным взглядом. Видимо, был согласен с тем, что каждый выполняет свое дело. Легко сбежал вниз, махнул рукой, подзывая ефрейтора и еще двух человек. Быстро поставил задачу, что-то показывая на руках. И постучал по запястью левой руки, видимо, говоря о времени. Ефрейтор кивнул, скинул с плеча карабин, перевесил его на грудь и дал отмашку другим.

Дозор в составе трех человек неторопливо двинул к Илиду. Я продолжал наблюдать за поселком и станцией. А сержант, продолжая демонстрировать профессионализм, выгнал из машин бойцов, распределил по парам, нарезал сек-

тора и показал позиции. Отряд занял круговую оборону, готовый встретить вероятного противника огнем. Оба пулемета Басов установил в кузовах машин. Один держал под контролем поселок, второй – тыл.

Прошел час, прежде чем я разглядел в бинокль фигуру Неверова, стоящего на дороге в поселке и машущего рукой. Илидом чист. Отряд быстро загрузился в машины и поехал вперед.

Действовать сержант начал сразу же по приезде. Выставил два поста, послал троих к карьру, остальных заставил разгружать машину. Под штаб и казарму выбрал самое большое здание – бывший магазин. Довольно удачное место. Стоит на отшибе от остальных домов, на небольшом возвышении. Хорошо видны железная дорога, карьер и пролесок. Незаметно к Илидому не подойти.

Теперь надо превратить магазин в некое подобие дота с помощью привезенного цемента и арматуры, а также камней и мешков с песком. Установить пулеметы, сделать бойницы, выкопать подвал и запасной ход из него и обустроить внутреннее пространство.

А уж потом выставлять посты, начинать патрулирование, словом, налаживать службу.

Пока личный состав нового илидомского гарнизона разгружал машину, сержант давал наставления Неверову. Тому со второй половиной отряда предстояло ехать в Стиханск.

Я между тем проверял своего железного коня. «Югор» пока тянул без проблем. Механик нашего гаража Михалыч после каждой поездки осматривал его, что-то подтягивал, что-то менял, и мотоцикл работал бесперебойно.

– Артур, – окликнул меня сержант. – Мы готовы. Можете выезжать. Или сперва перекусите?

– Предпочел бы выехать. Поем и дома, а времени в запасе не так много. Да и твоим людям лучше побыстрее прибыть на место.

– И то верно... Егор! Езжайте. Как приедете, сообщите.

У них, оказывается, даже радиостанции были! А нам Голыбин, как ни обещал, связи не дал. На складах были только громоздкие коротковолновые «миражи». Небольшие компактные станции типа уоки-токи достать было тяжело. О малогабаритных «кенвудах», «панасониках» и прочих я вообще не говорю – не то время.

Короткие слова прощания – и мы снова в дороге. Теперь за моей спиной только одна машина, так что скорость можно развить побольше – грунтовка вполне приличная. Но я не гоню. Эти места знаю хуже, и еще неизвестно, что ждет за косогором или низиной.

* * *

Два часа дня. Самое пекло. Солнце жарит не хуже огня, вытапливая из-под кожи последние капли жира. Если бы не

встречный ветер, было бы совсем плохо.

Ландшафт прежний – степь. Только теперь она чаще прерывается рощами, лесами, гаями. Район южнее Самака – начало большого лесного массива, за которым огромное озеро-море – Алихаш. Его длина более четырехсот километров. Прекрасная естественная преграда, которая лучше любых инженерных сооружений защитит от непрошенных гостей.

Орду-улемский каганат потому до сих пор и чувствует себя непобедимым, что расположен в удобном месте. С севера Алихаш, с востока Сесинко – еще одно озеро, правда, скромнее Алихаша, но достаточно большое. С запада небольшой горный массив Алу-Утай.

Югорской республике и Руси еще долго придется выковыривать самозванных правителей с тех мест...

Стиханск. Село (или поселок) с пятью десятками дворов, три четверти которых брошены. Добротные одно – и двухэтажные дома, небольшая пристань рыболовецкой артели, четыре сарая, лесопилка. Когда-то в каждом доме делали свое вино. Из яблок, винограда, слив, груш, черешен. Здесь же коптили и вялили пойманную рыбу. Здесь же собирали с бахчи и огородов сахарные арбузы, длинные, истекающие соком дыни, тугие помидоры, огурцы, зелень.

Богато здесь жили до войны. Неплохо живут и сейчас. Те, кто уцелел во время большой резни, во время мелких и крупных стычек новоявленных эмиров, ханов, во время безвла-

ствия. Рыбы в озере не стало меньше, фрукты и овощи по-прежнему шли на стол, куры несли яйца, гуси лоснились от жира...

Плохо только с электричеством, газом, топливом. Их заменили дрова, керосинки, факелы... Жители, лишённые благ цивилизации, в быту словно вернулись на несколько веков назад. Вставали с восходом солнца, работали весь день и ложились, как только темнело. Самое удивительное – хуже им от этого не стало.

Мы приехали в посёлок черед полчаса. Неверов сразу отрядил две пары в охранение, остальные начали резво разгружать машину. Ефрейтор выбрал в качестве временного штаба пустующий дом рядом с озером. Туда и сносили привезённое.

Сам Неверов пошел знакомиться с местным населением. Установить контакт, поговорить, кое-что разузнать. Перед уходом спросил меня:

– Поедешь сразу или перекусишь?

– Поеду. Бензина в бак долью и поеду. Есть неохота и время терять тоже.

– Смотри, как знаешь. Я так понимаю, ты теперь сюда приезжать часто будешь? Продукты, топливо возить...

– Это как начальство решит. Вы поаккуратнее тут. Все же озеро, роща... Есть откуда нагряться незаметно.

– Разберемся.

Он махнул рукой и пошел в поселок. А я подошел к машине, снял большую канистру с бензином и воронку. В «югоре» стрелка топлива почти упала на ноль. На обратную дорогу не хватит.

«Минут тридцать уйдет на разгрузку. Водитель успеет перекусить. И поедем. Может, забросить мотоцикл в кузов и поехать с ним? Неплохая идея...»

Острый запах бензина шибал в нос. Я наполнил бак, закрутил крышку, закрыл канистру и понес ее к машине. Вокруг сновали бойцы отряда. Молодежь хватала самое тяжелое, пожилые брали что полегче. И хотя кое-кто из них мог дать фору любому пацану, но возраст обязывал не спешить, делать все солидно, степенно. Пусть ребятня прыгает...

Я поставил канистру рядом с кузовом и собрался уже поговорить с водителем, когда со стороны озера вдруг застрекотал карабин.

Сперва мелькнула шальная мысль, что это один из бойцов случайно нажал на спусковой крючок. Но в следующую секунду разом ударили еще несколько стволов. А потом бухнула граната.

Даже не помню, как очутился на мотоцикле, как завел его и рванул вдоль домов в сторону рощи. Держа руль одной рукой, другой вытащил карабин из-за спины, откинул приклад и пристроил перед собой. Низко пригибая голову, чтобы не хлестало ветвями деревьев по голове, и давя на газ, неотрыв-

но смотрел вперед, моля всех богов, божат и богинь, чтобы те, кто налетел на охранение, не успели слинять.

Это был шанс!

...Целую неделю я ждал этого момента. Целую неделю строил планы долгожданной встречи с диверсантами каганата, надеясь заполучить нормальный источник информации. И уже подумывал о вылазке к владениям Орду-улема, потому что основное дело стояло на месте. И вот наконец удача милостиво дала мне шанс. Упускать его нельзя!..

Крайние дома, сад, низина, где по дну течет ручеек, кустарник на обочине грунтовки и впереди широкий луг, за которым начинается озеро. Чуть левее – роща. Именно оттуда и долетают звуки выстрелов.

Еще две очереди вспороли воздух. Короткие, отрывистые, такими чаще всего бьют прицельно. Кто-то громко кричит. То ли помощь зовет, то ли от боли.

Я выскочил на луг, увеличивая скорость, и одним взглядом схватил обстановку. На берегу озера на коленях стоял один из бойцов. Держа самозарядный карабин в вытянутых руках, неприцельно бил по роще. Второй лежал метрах в трех. Карабин в траве, руки зажимают грудь, ноги вскапывают землю. На узкой дороге, что идет сквозь рощу, мелькают силуэты. Чуть в стороне видна машина. В ней сидит водитель и орет во весь голос. Торопит товарищей. Вот чей голос

я слышал.

«Дорога идет сквозь рощу и выходит в двух километрах отсюда, рядом с бывшим шоссе, — лихорадочно просчитывал ситуацию мозг. — Свернуть им некуда, машина встанет. Роща густая, буреломы, кустарники, овражки... Большую скорость не разовьют, негде. Встретим их с той стороны...»

И я до конца выкрутил рычаг газа. «Югор» взревел и пошел на взлет. Старая машина готова была воспарить на каждой неровности, и только немалый вес седока удерживал ее на земле.

Стрельба стихла. У бойца закончился магазин, а диверсантам сейчас нужна тишина, чтобы оторваться. Они драпают со всех ног. Значит, либо успели сосчитать людей в отряде, либо их самих мало и устраивать бой просто невыгодно. Даже с двумя противниками.

Едва я успел так подумать, как за спиной разом ударили пять-шесть стволов. Причем как минимум два из них — автоматические. Подоспела помощь из поселка.

«Хорошо, хорошо. Пусть лупят, пусть отвлекают внимание. Диверсанты сосредоточены на дороге и стрельбе. Не смотрят по сторонам и меня не видят. Правда, я и так скрыт за деревьями, но в редких просветах мелькающую тень разглядеть можно. Да и мотор мотоцикла ревет. Вроде я их обгоняю...»

Был, конечно, шанс нарваться на том конце рощи на другую группу противника, но тут ничего не поделать. Надо рис-

ковать. Другого случая в скором времени может и не быть.

К счастью, дорога ровная, без бугров и низин. Не то мотоцикл просто бы не выдержал. Я и так вел его на пределе, рискуя в любой момент улететь на обочину. Деревья окончательно скрыли от меня машину противника. А за пальбой не слышать шум мотора. Звук стрельбы, правда, стихает. Расстояние больше километра... Поворот, заросли орешника, мелкий овражек, угол рощи, развилка!

С левой стороны широкая лента шоссе. Некогда полностью асфальтированного, а теперь разбитого, покореженного. Куски асфальта, выбитая щебенка, ямы, завалы. Рядом узкая грунтовка. К ней и ведет дорога из рощи.

Чуть снизив скорость, я свернул к кустарнику, на ходу выбирая место для засады, притормозил, еще раз глянул по сторонам. Чисто. Никого нет. Повезло...

На выбор места и занятие позиции – всего несколько секунд. Шум мотора вражеской машины уже слышен. Бросив мотоцикл под кустарником, я прыгнул в сторону, присел на колено, достал из кармашка гранату и разогнул усики шпильки.

В этот момент из рощи выскочила машина. Легкий маневренный джип «алдан». Армейский вариант, сделанный для пустынных территорий. Низкий борт, две передние дверцы, узкий багажник. Поперек салона установлена рама для пулемета или автоматического гранатомета.

В джипе трое. Двое впереди, один сзади. Оружие в руках (кроме водителя), взгляды больше обращены назад, чем вперед. Одежда свободного покроя, полувоенная, на головах кепи. Молодые, не старше двадцати пяти.

Хотя бы один нужен живым! Я быстро произвел подсчет и запустил гранату так, чтобы она рванула в нескольких метрах впереди машины.

Джип как раз вылетел на открытое пространство, слегка притормозил перед ямкой на дороге и чуть принял влево.

Взрыв! Машина от резкого торможения и удара взрывной волны мгновенно потеряла скорость, развернулась боком и так проползла несколько метров. В грохоте разрыва утонул крик раненого человека...

Как только комья земли и осколки прорезали листву на ветвях, я вскинул карабин и дал очередь, метя в водителя и его соседа. Потом вскочил на ноги и рванул вправо, продолжая бить короткими. Целил над головами диверсантов, заставляя их спрятаться на дне. Водителя срезал точно, второго вроде зацепило. Третьего не видел. Ответного огня они не вели. Или в шоке, или уже некому стрелять.

Зайдя с тыла, громовым голосом рявкнул:

– Всем лежать! Руки поднять!!

И опять сместился в сторону. Кто знает, может, они умеют бить на голос?..

Нет, одна рука высунулась из-за спинки сиденья. Пальцы дрожат, по ладони стекает тонкая струйка крови.

Я запрыгнул на задок и разом охватил взглядом весь салон. Водитель сполз вниз, голова в крови, признаков жизни не подает. В спине приличных размеров дырка. Его сосед стонет, руки прижал к животу. С левого плеча сорвана ткань ветровки, сочится кровь.

Третий диверсант жив. Только левая рука испачкана кровью. Лежит, как и приказано, выставленная конечность дрожит все больше.

Не тратя времени на приказы, выхватил последнего и вытащил из машины. Быстро уложил его лицом вниз. На глаза надвинул ветровку, руки завел за спину (он при этом громко застонал, но, получив пинок, смолк). Моментально охлопал, на ремне нашел внушительных размеров тесак, в кармане ветровки – складной нож. На другом боку висела сумка с двумя магазинами. В нашитом на груди кармане ветровки – граната. Левая рука пробита насквозь возле локтя. Но артерия не задета. Потерпит.

Спеленав его, прыгнул обратно в машину. Вытащил тело водителя и его соседа, первого оставил на траве, второго начал было пеленать, но внезапно понял, что связываю труп. Диверсант прекратил дышать.

Обыскал их, забрал бумаги, оружие, боеприпасы. Потом проверил машину. Канистра с бензином, сумка с продуктами, полупустой цинк с патронами к карабину, несколько гранат, бинокль импортного производства и много чего по мелочи.

Машину слегка посеколо осколками, но шины и мотор уцелели. Лобовое стекло, правда, расколосось. И на полу впереди много крови. А также на сиденье.

Итак, что имеем? Трофейный джип. Два штурмовых карабина Типкова, пистолет-пулемет того же конструктора, боеприпасы, гранаты и... пленника.

Порядок действий? В запасе минут двадцать. Неверов, конечно, к месту боя давно подоспел. Нашел своих бойцов, выяснил обстановку. Устраивать погоню не станет – не хрена лезть в такую глушь. Видели ли меня бойцы? Вряд ли. Им было не до того. Один ранен, второй занят стрельбой. А «глаз на затылке», как у опытных бойцов, у них пока нет. Так что даже когда ефрейтор обнаружит мое отсутствие, вряд ли немедленно начнет поиск. В худшем случае час имею. А мне и трети этого времени выше крыши...

Минут пять у меня ушло, чтобы затащить тела и завезти транспорт обратно за деревья. Выбрав удобное место, пристроил пленника, спрятал в кустах убитых, в очередной раз осмотрелся и приступил к делу.

Двумя плюхами привел в чувство поплывшего было диверсанта, поймал его мутный взгляд и подмигнул:

– Здравствуй, здравствуй, хрен мордастый!..

Кровь, как известно, такая вредная вещь, что шутки с ней плохи. Если сразу холодной водой с ткани, кожи или иного

покрытия не смыть, то потом замучаешься отскребать.

Занятый собеседованием с пленником, я не смог провести чистку по следам, так сказать, пролития. В результате потом пришлось потратить минут тридцать, чтобы смыть буроватые пятна с обивки сидений джипа, с пола, с баранки руля, торпедо. Хорошо хоть неподалеку от опушки рощи был небольшой родничок. Вода чистая, вкусная и не очень холодная.

Столь пристальное внимание джипу я уделил неспроста. Эта машина пришлась мне по душе, и оставлять ее на месте боя ужасно не хотелось. Я всегда мечтал о такой машине. Компактная, маневренная, с высокой проходимостью и неплохой грузоподъемностью.

В общем, на беседу ушло минут тридцать, и на машину столько же. В результате в поселок я вернулся через час после схватки.

Меня встречал пост охраны в составе аж четырех человек, усиленный пулеметчиком. Сперва приняли за чужака, потом рассмотрели. Обалдевшие дядьки и пацаны, разинув рты, смотрели на меня, на джип и на мотоцикл, закрепленный сзади на багажнике.

Прибежал срочно вызванный ефрейтор. Бросил взгляд на трофеи, с ходу оценил обстановку и одобрительно покачал головой. В его взгляде я увидел искреннее уважение.

Будучи профессионалом, он быстро произвел нехитрый подсчет: сколько времени у меня ушло на обдумывание об-

становки при нападении, на принятие решения и на исполнение рискованного плана. И понял, что совершить такое мог только специалист. В его глазах я, несомненно, вырос.

– А мы тебя уже похоронили, – сказал он. – Думали, попал под раздачу и погиб.

– Ничего. Целее буду...

Неверов обошел джип, отметил пробоины на капоте, разбитое ветровое стекло, уцелевшие пятна крови на боковой части водительского сиденья.

– Сколько их было? – спросил он.

– Трое.

– Кто?

– Парни из отряда Мартела. По приказу начальства проводили разведку местности на предмет обнаружения подразделений республики, их численности, вооружения, места дислокации, района действий. Всего таких групп к границе послано пять. Две из того же отряда, остальные – от соседей.

– Где ты их нагнал?

– На опушке рощи.

– Живые есть?

– Двое погибли сразу, третий скончался от ран.

Ефрейтор кивнул. На лице не отразилось никаких эмоций. Наверное, другого услышать и не ожидал.

Провел рукой по крылу джипа, на котором были две крохотные дырки от осколков. Глянул на разбитое стекло.

– Хороша машина.

– Да. Трофей.

Это я добавил, чтобы сразу расставить все точки. Ситуация с личным транспортом в республике была аховая, большинство машин выкуплены властями или взяты в аренду. Так что такая же участь могла постигнуть и «алдан».

Но волшебное слово «трофей» несколько меняло ситуацию. Трофеи отнимать не принято. Этот древний обычай свято соблюдали все армии мира, как и все правительства. Поэтому джип отнять или купить у меня никто не мог.

И опять ефрейтор кивнул.

– На задке другие трофеи, – добавил я. – Два «типкова», ППТ, гранаты. Карабины берите себе, а ППТ я увезу.

– Спасибо, возьмем. У нас с карабинами туго. – Неверов махнул одному из бойцов, и тот взял с заднего сиденья оружие и гранаты.

– «Кунгур» мы разгрузили. Можете выезжать.

– Так и сделаем. Время много потеряли. Меня в городе ждут.

Ефрейтор пожал мне руку.

– Ждем с грузами.

– Обязательно.

Через десять минут две машины выехали из поселка и взяли курс на Самак...

Голыбин слушал меня с окаменевшим лицом. Информация о действиях разведгрупп каганата, об их появлении в непосредственной близости от зоны безопасности Самака произвела на него неприятное впечатление. Не меньше эмоций вызвал факт моего участия в схватке и ее результаты. Судя по опешившему виду, начальник управления не ожидал от меня такой прыти.

Когда я закончил, он пару минут молча смотрел на карту, постукивал карандашом по столешнице и сердито сопел. Потом бросил карандаш и поднял голову.

– Мы не успеваем! Ни закрыть границу, ни накопить сил для надежной обороны. Ни людей, ни техники... Батальон полностью занят охраной города и Южного направления. Прибывшая рота будет посажена в опорные пункты. Отряды самообороны... Мы их уже видели. Если каганат вздумает усилить давление, мы просто не удержим их.

Я слушал молча. И думал, что, если прогноз шефа оправдается, кое-какие мои планы пойдут псу под хвост. Впрочем... это еще не смертельно.

Голыбин наконец отошел от новостей, посмотрел на часы и сказал:

– На сегодня все. Отдыхай. Завтра к восьми – здесь. С будущей недели начнем плановое снабжение опорных пунктов,

строительных бригад и баз отрядов самообороны. А пока придется еще поездить по другим заданиям... Да, – вспомнил он вдруг, когда я уже подходил к двери, – что решил с джипом?

– Оставляю себе. В мастерской помогут кое-что переделать, подлатать. А мотоцикл верну.

– Ну-ну... Комендатура может прицепиться. Потребуется сдать в автопарк.

– Это трофей, – довольно жестко сказал я, глядя в глаза Голыбину. – Если комендатура хочет скандала, пусть попробует отнять. Сдам по частям...

Начальник управления кивнул, невесело усмехнулся:

– А ты не так прост, как показалось сначала. Почему только не захотел идти на службу?

Я выдержал его взгляд, немного подумав, отбросил прежнюю роль и ответил вполне откровенно:

– Вам не приходило в голову, что у кого-то могут быть свои интересы? Далекие от интересов властей. Они не противоречат им, а просто... другие.

Голыбин, надо отдать должное, сразу просек ситуацию. Что-то спрашивать или выяснять не стал. Понимающе покивал и сказал:

– Я поговорю с комендантом. Он сам воевал, так что право на трофеи признает. Думаю, проблем не будет.

– Благодарю.

Пять часов дня. Все на работе. И кто работает вахтовым методом, и кто – по стандартному графику. Но таких немного. В Самаке, как и в других городах республики, принят двух-, а то и трехсменный график работы на большинстве предприятий. Роскошь жить по довоенному распорядку республика позволить себе не может.

Все работают, и только я уже отдыхаю. Впрочем, это только так называется – отдыхаю. На самом деле впереди еще уйма дел. И все надо сделать сегодня. Или до завтрашнего утра.

«Алдан» я отогнал в гараж. Михалыч и другие механики удивленно рассматривали машину и качали головами, слушая скупой рассказ о том, как достался мне этот трофей.

Рука старого мастера погладила крыло джипа, передок, пальцы трогали острые края дырок.

– Залатаем. И покрасим, никто не заметит.

Он хлопнул по спинке сиденья, посмотрел на меня.

– Хорошая машина. Делали для армии и поставляли для свободной продажи. На таких охотники любили ездить. Прочность приличная, устойчивость. И «жрет» немного.

– Долго с ним возиться?

– Пару дней. Заодно движок посмотрим. Слушай, а не отнимут его у тебя?

– Нет, – улыбнулся я. – Этот трофей я никому не отдам.

– Оно и верно. Такую машину грех отдавать. Приходи в пятницу. Будет готова.

– Отлично! Тогда и мотоцикл привезу. Благодарю, Миха-

лыч, за «югор». Выручил он меня сегодня.

Усталые глаза старого мастера озаарились радостью. Искренняя похвала всегда приятна человеку.

Оставив свой трофей в надежных руках, я на мотоцикле поехал домой.

Вот жизнь пошла – пожрать некогда! Утром, когда ждал машины, успел в столовой перекусить, а днем в дороге схрумкал яблоко. И все. Нет, с голоду не умираю, но мой измененный организм иногда требует более полного рациона. Особенно мяса.

Чтобы не слушать голодное урчание желудка, я по приезде домой первым делом пошел на кухню. Благодаря некоторым приобретениям и дополнительным усилиям она теперь выглядит вполне неплохо. Есть стол, пара стульев, старенький холодильник, шкафы для посуды, плита, мойка...

Достав из холодильника необходимые ингредиенты, приступил к приготовлению легкого ужина. На сковороде пожарил два яйца. Нарезал тонкими ломтиками ветчину (страшно дорогой деликатес, в малых партиях завезенный в ведомственный магазин). Помыл зелень, помидоры, огурцы. После перешел к главному действу.

Разрезал вдоль батон белого хлеба. Одну половинку намазал майонезом, сверху положил несколько ломтиков ветчины, потом тонкие кружки помидора, зелень, прямоугольник глазуньи, опять намазал майонезом, опять ветчина, огурцы,

немного кетчупа. И прихлопнул сверху второй половинкой батона.

Получился скромный сандвич. Увидев это произведение кулинарного искусства, Марк сказал: «От скромности и голода ты явно не умрешь...»

Положив сие кулинарное чудо на большую тарелку, сел за стол, разложил рядом карту, открыл блокнот, достал ручку и – приступил.

Пленный диверсант каганата после вводной части нашей беседы предпочел выложить все добровольно, нежели сделать это, захлебываясь кровью и воя от боли. Правильный выбор.

Наговорил он много, но по-настоящему интересного, важного было мало. И все же я не зря так рисковал. Теперь можно работать дальше. А вот где и как – сейчас решим...

Сандвич исчезал слишком быстро. И как-то незаметно. Я умял половину, успев нанести на карту новую обстановку и записать в блокнот кое-какие сведения. А потом под вторую половину «бутерброда» начал набрасывать план первой акции – визита вежливости к замечательным парням из разведки Датлая...

Вопреки прежним планам пришлось потревожить тайник на северной окраине города. Я поехал туда, когда уже стемнело. Довольно удачно проскочил центр, сумев не попасть в

поле зрения патрулей, свернул на нужной улице и подкатил к дому.

Подвал явно никто не посещал. Несколько незаметных меток, оставленных на входе в подвал, на лестнице и у двери кладовой, где спрятал снаряжение, были целы.

Несколько минут ушло на обезвреживание мины. И минут пятнадцать на то, чтобы убрать ящики с песком, коляску и прочий хлам, а потом выкопать яму.

Из схрона взял только радиокомплекс. Остальное убрал обратно, опять поставил мину и закопал яму. Повторил процедуру маскировки, установки сигнальных меток, вылез из подвала и при свете фонарика привел испачканные брюки в порядок.

Обратный путь был более долгим. С патрулями, даже имея разрешение на круглосуточные передвижения, встречаться не хотел. А лавирование по подворотням и переулкам, остановки и перерывы отняли почти сорок минут.

Харким перед уходом на Годиан успел забить в сканер карту планеты, так что теперь устройство не только показывало местонахождение датлайцев, но и сразу выдавало привязку по местности. И сейчас три черные точки «висели» аккуратно над небольшим кружком, обозначающим город Баканис. Практически центр Орду-улемского каганата, перекресток многих дорог (автомобильных и железных), караван-сарай новоявленного образования. Очень интересное место.

Несколько огромных рынков, на которых можно купить все, что только взбредет в голову. За исключением, пожалуй, ядерного и бактериологического оружия и авианосцев.

Рынки в Баканисе – главное. Остальное – только приложение к ним. Гостиницы, отели, рестораны, бары, казино, гаражи, ремонтные мастерские, бордели. Горожане поголовно задействованы в сфере обслуживания и неплохо на этом зарабатывают.

– Ну и какого хрена вы там делаете? – вслух сказал я, рассматривая экран сканера. – Торгуете или покупаете?

Вопрос был скорее риторическим. Понятно, что разведка Датлая вырастает в местную жизнь, пускает корни, налаживает контакты. И если они сидят в Баканисе, значит, уже сумели пройти первый и самый трудный этап адаптации. Но чем конкретно занимаются?..

Пункт первый моего еще не до конца написанного плана – собрать как можно больше сведений о Баканисе. Пункт второй – провести радиоразведку с целью возможного обнаружения выхода противника в эфир, фиксации рабочих частот его аппаратуры, получения сведений о намерениях и делах. Пункт третий – составить план операции по захвату группы. Пункт четвертый – осуществить этот план. Пункт пятый – продумать последующие шаги. С учетом всех возможных осложнений и реакции других групп датлайцев.

Действовать я начал прямо сейчас. Включил радиоком-

плекс и настроил его сразу на два дела. Первое – сканирование эфира в строго заданном секторе. Диапазон удаления: двести – двести двадцать километров. Направление: юг и юго-запад. Плюс режим записи всех переговоров с активацией по ключевым словам: «разведка», «Датлай», «Анкивар», «Равитан», «установка», «противник». Плюс любой текст на датлайском языке.

Второе – «просмотр» всех радио – и телепередач новостей с обязательной записью тех, где упоминается каганат. И особенно – Баканис.

Настроив аппаратуру, начал составлять план действий. Все пункты плана имели степень достоверности на уровне «может быть». И только один на уровне «весьма вероятно» – время проведения операции. Ближайшие выходные. В воскресенье я точно свободен, а в субботу – скорее всего. Это точно завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.